

ЛАУРА МИЛЛЕР

vk.com/kn_books

Когда
Тлачут
Цикады

Любовь

НЕ ДОЛЖНА БЫТЬ БЕЗБОЛЕЗНЕННОЙ.
ЭТО ТОГО *стоит.*

Одно мгновение. Одно мгновение может определить как сложится жизнь. Один глубокий вдох. Один медленный выдох. Один красочный восход. Вкус запретной любви. Слово, сказанное слишком рано. И слово, сказанное слишком поздно. Один танец с незнакомцем. Одно причудливое воспоминание. Секрет, который хранили слишком долго. Вот и все, что нужно. Когда наши взгляды встретились впервые, я еще не знала, что каждое последующее мгновение, которое мы проводили вместе, неумолимо вело нас к тому моменту, которое изменит наши жизни навсегда. И тогда я поняла, что он знает. Возможно, это был мой внутренний голос, догадка или предчувствие. Но в ту секунду — в ту самую секунду, которая способна перевернуть жизнь, — я поняла, что уже потеряла его. В маленьком городке в штате Миссури, где живет Рэмингтон Джуд, все только и говорят о внезапно приехавшей к ним уроженке Небраски — Эшли Уэскотт. Но однажды она, так же неожиданно, как и появилась, исчезает. И городок снова полнится слухами. Только Рэм знает, почему она сбежала, но он никому ничего не расскажет...

КОГДА ПЛАЧУТ ЦИКАДЫ

Автор: Лаура Миллер

Рейтинг: 18+

Серия: Вне серий

Главы: Пролог+39 глав+Эпилог

Переводчики: Nat Rome (Пролог+8 гл), Ольга З. (с 9 главы)

Редакторы: Женя Б. и Екатерина Л.

Вычитка и оформление: Натали И.

Обложка: Eli Black

Одно мгновение.

Одно мгновение может определить, как сложится жизнь.

Один глубокий вдох.

Один медленный выдох.

Ощущение мягкой травы под босыми ногами.

Первая влюбленность.

Один красочный восход.

Нота в песне.

Одна строчка в стихотворении.

Первый глоток виски.

Вкус запретной любви.

Слово, сказанное слишком рано.

И слово, сказанное слишком поздно.

Первое расставание.

Один танец с незнакомцем.

Одна улыбка.

Один взгляд.

Одна мысль.

Одно причудливое воспоминание.

Секрет, который хранили слишком долго.

Вот и все, что нужно.

Когда мы с сестрой были маленькими, бабушка часто повторяла нам свои присказки, которых у нее было великое множество. Например, когда она замечала, что мы с сестрой слишком долго смотрели в окно, и ей приходилось окликать нас по несколько раз, прежде чем мы отзывались, она всегда приговаривала: *«Чтобы узнать, где живет ваше сердце, посмотрите, куда стремятся ваши мысли в минуты мечтаний».*

Мне не пришлось искать свое сердце слишком долго.

Мое сердце было с ним. Всегда принадлежало ему, с того самого *Первого Дня*.

Но когда наши взгляды встретились впервые, я еще не знала, что каждое мгновение, проведенное вместе, только приближает момент, который навсегда изменит наши жизни.

И тогда я поняла, что он *знает*.

Возможно, это было какое-то предчувствие, ощущение или внутренний голос, обращенный к моей душе. Но именно в тот момент — момент, который полностью перевернул наши судьбы, — я поняла, что потеряла его.

Так началась наша история.

Когда я увидел тебя, я влюбился. А ты улыбнулась, потому что знала.

Вильям Шекспир

Настоящее

Рэм

— Извини, приятель, — слышу я рядом незнакомый голос.

Какой-то парень толкает меня и сразу же отступает. Я ничего не говорю, просто продолжаю проталкиваться сквозь толпу людей в синих джинсах, футболках и рабочих ботинках. Сегодня вечером зал переполнен. Все места возле старой деревянной барной стойки заняты. Столики, расставленные в баре, тоже заняты, а в оставшемся небольшом пространстве выстроились те, кому не хватило места. Они стоят, вытянув шеи, и пытаются увидеть хоть краешек экрана одного из небольших телевизоров, имеющихся в баре. Показывают бейсбол — идет третий матч Ежегодного чемпионата.

Именно поэтому мне хочется получить свой заказ и убраться отсюда домой, к экрану телевизора, который точно не из 1990-х.

— Подожди.

Я оборачиваюсь на голос. Оказывается, что это тот парень, в которого я только что врезался... или который врезался в меня — не уверен, кто в кого. Он смотрит на меня, но я его не узнаю. На его лице появляется забавная ухмылка, и он грозит мне пальцем.

— Ты... и Эшли Уэскотт... — он кивает головой, как будто только что сообразил, что к чему.

— Нет, — возражаю я. — Ты обознался.

Я снова поворачиваюсь к барной стойке, хотя уверен, что он все еще пялится на меня и грозит пальцем. Карен замечает меня и протягивает коричневый бумажный пакет.

— Держи, Рэм, — она улыбается мне по-матерински нежной улыбкой. Я знаю, что она слышала, что сказал тот парень, и, вероятно, слышала, что я ответил ему, но мне было все равно.

— Сдачу оставь себе, — говорю я и протягиваю ей деньги.

Я тянусь за пакетом, но она не отпускает его и смотрит на меня.

— Все будет хорошо.

Она сочувствующе улыбается и отпускает бумажный пакет.

Я ничего не отвечаю и стараюсь не реагировать на ее слова. Надвинув козырек кепки, пряча глаза, я направляюсь к двери в углу бара. Несколько секунд спустя я кладу ладонь на старую деревянную раму. Дверь со скрипом открывается, а затем захлопывается за моей спиной.

На улице дует прохладный октябрьский ветер. Я чувствую, как он пронизывает меня до самых костей, и по спине сразу же пробегает дрожь. Не знаю, чем вызвана эта дрожь: холодом или мыслями, которые крутятся у меня в голове. В любом случае, здесь, на улице, чертовски лучше, чем в переполненном баре, это уж точно. По крайней мере, никто не выдвигает никаких предположений. Никаких сочувствующих улыбок или шепотов за спиной. Темной ночи было все равно, что она ушла.

Я останавливаюсь, берусь за ручку двери своего грузовика и запрокидываю голову, глядя вверх. На темном небе ярко сияют звезды.

Мы обманули весь город. Абсолютно. Всех. Даже сейчас, спустя время, они просто не знают, что и думать. У половины из них постоянно вертелись на языке вопросы, как будто они не могли молчать, вопросы появлялись и появлялись, снова и снова. Другая же половина все додумала сама — хотя, совершенно точно, никто, черт возьми, не знал всю историю.

Мой взгляд устремлен далеко в небо, и тут я замечаю падающую звезду. В одно мгновение она была — и вот ее нет. Я опускаю голову вниз и невесело смеюсь.

Так же, как и *мы*, да?

Я глубоко вздыхаю, открываю дверцу машины и, швырнув пакет на сиденье, залезаю в грузовик. Но, вставив ключ в замок зажигания, замираю и думаю о парне из бара. И о ней. *Она*.

— Черт побери, мисс Уэскотт, — шепчу я себе под нос. — Клянусь, носа никуда нельзя показать без тебя. Куда бы я ни пошел, слухи о тебе всегда будут преследовать меня.

Я вздыхаю, завожу двигатель и выжимаю педаль сцепления.

Ты ушла, но, все же, никуда по-настоящему не исчезла.

Прошлое — два года назад

Эшли

— Теперь почти весь город думает, что мы влюблены, — он низко наклоняется и тихо шепчет мне это на ухо. Я не знаю, как реагировать, разве что улыбкой, и я улыбаюсь.

Незнакомец снова смотрит мне в глаза. Я же смотрела на него неотрывно всю ночь, из-за чего мое сердце бешено колотилось. Я не знала, подойдет ли он ко мне, но мне этого очень хотелось, хотя это было только мое желание.

Не говоря ни слова, он протягивает мне руку и взглядом указывает на танцпол. Это маленькая танцевальная площадка с паркетным полом, окруженная мягкой зеленой травой, освещенная звездами да парой небольших белых ламп.

Я оглядываюсь и замечаю, что взгляды окружающих прикованы к нам. Я не знаю, как долго они смотрят. Но это оценивающие и осматривающие взгляды. Я чувствую себя как выставленный в музее экспонат, который каждый пытался разглядеть и оценить. Для них в этом нет никакой неловкости, это норма их поведения. Я снова смотрю в его глаза, и все остальное исчезает. В этот момент только прекрасный незнакомец имеет значение.

— Что ж, не будем их разочаровывать, — говорю я, подавая свою руку.

Он улыбается мне, и я не могу не улыбнуться в ответ. Сейчас, когда он стоит так близко, и его взгляд ни на мгновение не отрывается от меня — я изучаю его. Я изучаю, как уголки его губ поднимаются вверх и складываются в соблазнительную улыбку. Изучаю, как он смотрит на меня, как будто мы оба знаем один и тот же секрет, но не торопимся его раскрывать. И есть что-то неуловимое в нем, чего я не могу понять. Что-то, что заставляет меня доверять ему. Может, это из-за его открытой улыбки или смеющихся выразительных глаз, а может, это выражение его красивого лица, но каким-то образом от этого я чувствую уверенность, что все будет хорошо. И это чувство разжигает мое любопытство и желание узнать о нем больше... или вообще все.

Он нежно берет мою руку и ведет на середину танцпола. Я ощущаю взгляды окружающих, которые следят за нами. Чувствую тяжесть этих взглядов на своих плечах. Чувствую их догадки и сплетни. Они ведь даже не знают нас, но уже настроены враждебно. Но что они могут знать о нас, если мы сами еще ничего не знаем?

— Эшли Уэскотт.

Мгновенно я перевожу взгляд к его лицу, на которое падает тень. Он смотрит на меня, расположив свою руку на моей талии и притягивая меня ближе.

— Откуда ты?..

— Просто знаю, — он улыбается и отводит глаза в сторону. — Это одна из тех вещей, которую ты замечаешь сразу, прожив здесь с рождения.

— Но я...

— Знаю, — говорит он, кивая головой. — Вот откуда я знаю твое имя... потому что ты не из этих мест.

Его глаза встречаются с моими, и на этот раз я могу разглядеть их цвет. Они цвета моря, голубовато-зеленые, и, если в них долго-долго смотреть, может начаться легкое

головокружение, как на море.

— То есть, ты знаешь имя каждого из присутствующих здесь? — спрашиваю я.

Он замирает и опускает взгляд в пол.

— Большинство, но твое в особенности.

Я смеюсь. Не могу сказать точно, нервничаю я или польщена из-за того, что этот сексуальный таинственный незнакомец знает мое имя. Он снова ловит мой взгляд. И, несмотря на то, что я до сих пор его не разгадала, мои губы невольно приподнимаются в улыбке.

— Моя репутация летит впереди меня?

Он шумно выдыхает, а затем медленно кивает.

— Боюсь, что да.

Мое сердце сбивается с ритма. И это, должно быть, отражается на моем лице, потому что выражение его лица меняется. Знает ли он? Я быстро оглядываюсь. Взгляды присутствующих по-прежнему направлены на нас, но теперь я сомневаюсь, возможно ли, что они смотрят только на меня.

— В хорошем смысле этого слова, — поясняет он. И повторяет: — В хорошем смысле.

Я внимательно наблюдаю, как его лицо преобразуется. Он широко улыбается, сверкая белоснежными зубами, и, насколько я могу судить, нет ни грамма сомнения в его глазах. Я мысленно благодарю Бога. Он не знает.

Наши сердца стучат в унисон, я слегка прикусываю нижнюю губу в попытке удержать их вместе и не улыбнуться. И все это время я неотрывно смотрю на него. На Него. Но ведь я до сих пор не знаю его имени.

— Рэмингтон, — говорит он, как будто прочитав мои мысли. — Меня зовут Рэммингтон, но ты можешь звать меня Рэм.

Я хочу задать очевидный вопрос, как он узнал, что я думала о его имени, но так и не решаюсь. Вместо этого я просто улыбаюсь ему.

— Есть ли у тебя фамилия, Рэммингтон?

Я опускаю глаза вниз, на свои ноги, прежде чем снова посмотреть ему в глаза.

— Ты знаешь мою. Думаю, что справедливо, если я буду знать твою.

— Конечно, — теперь его глаза улыбаются. — Джуд. Рэммингтон Джуд.

— Приятно с тобой познакомиться, Рэммингтон Джуд.

В ответ он кивает.

— Взаимно, мисс Уэскотт.

Я стараюсь не покраснеть. Ненавижу, когда краснею, — это выдает все, что я пытаюсь скрыть.

Вдруг, я чувствую, как он притягивает меня ближе. Я не сопротивляюсь, потому что хочу, чтобы все выглядело обыденно, даже если это немного странно и одновременно прекрасно.

— Я думаю, что мы только что дали им повод, мисс Уэскотт, — он выдыхает прямо мне в ухо.

Я оглядываюсь. Несколько пар окружают нас на танцполе, они покачиваются взад и вперед в такт старой медленной песне, но большинство из них стоят по краю, руки подняты к лицам, как будто они пытаются прикрыть свои рты, чтобы не озвучить свои мысли.

— Это всегда так?

— Как? — спрашивает он. — Любопытство?

— Да, — смеюсь я. — Если ты это называешь любопытством.

— Да, довольно пристальное.

Он оглядывает окружающих нас людей, прежде чем посмотреть на меня.

— К этому привыкаешь. Ты тоже привыкнешь, если планируешь остаться здесь на некоторое время.

Я чувствую, как мои губы поджались, потому что у меня нет в планах уезжать отсюда в ближайшее время. Мне нужно изменить темп своей жизни. И это место как нельзя лучше подходит для этого. И мне было необходимо танцевать в незнакомом городе с незнакомым парнем. Я нуждаюсь в этом.

Медленная песня постепенно заканчивается, но он продолжает удерживать меня рядом со своим теплым телом. И он не просто держит меня. Он держит меня очень крепко, надежно, как будто бы боится, что я убегу. Руки у него сильные, крупные и мускулистые. У меня кружится голова только от одной мысли, что его руки лежат на моей талии, и лишь тонкая материя отделяет их от моей кожи.

— Может быть, в следующем году, — шепчет он мне на ухо. — Мы сможем дать им еще большее шоу.

Его щекочущий шепот меня удивляет и посылает озноб по моему телу. Я смотрю вверх и ловлю насмешливый взгляд пожилой женщины за столиком в углу.

— О, — произношу я, стараясь казаться равнодушной к тому, как его знойный голос гипнотизирует меня, — Что ты имеешь в виду?

— Я не знаю, — он отстраняется, так чтобы я могла видеть его лицо и морскую волну в его глазах.

— Может быть, мы могли бы вместе сходить на танцы или, по крайней мере, посидеть за одним столом. Это вызовет сплетни.

Я смеюсь в ответ.

— Мне кажется, ты торопишь события, — я смотрю в сторону, прежде чем снова перевести взгляд на него. — Я имею в виду, приходит танцевать вместе — это одно, но сидеть за одним столом? Это может быть слишком быстро для меня.

Он смеется. Мне понравилось, что я смогла его рассмешить. Он намного симпатичнее, когда смеется.

— Тогда я мог бы просто сидеть за другим столом, но по одну сторону с тобой. Это позволило бы мне ловить твой взгляд, не вызывая подозрений у окружающих.

Я опускаю глаза и тихо смеюсь. Он же начинает отступать, по-прежнему держа меня за руку.

— Это большая честь для меня — распускать новые слухи вместе с тобой, Эшли Уэскотт.

Я снова ловлю его взгляд.

— В любое время, Рэммингтон Джуд.

И я на самом деле имею это в виду. Впервые за долгое время я чувствую, что это может быть не так уж и плохо — упасть в объятия к прекрасному незнакомцу.

Возможно, потому, что я не чувствую в нем незнакомца, да и сам город не вызывает во мне страха.

Здесь почти как дома — вплоть до красной глины, прилипшей к подошве моих туфель. Я чувствую, что принадлежу этому месту.

Прошлое

Рэм

— Я встретил девушку прошлым вечером.

— Что за девушка? — Джек отрывает взгляд от телефона, крутанувшись на кухонном стуле в мою сторону.

— О, что это была за девушка, — я мечтательно улыбаюсь и киваю головой.

— Это опять твои безумные фантазии? — он возвращается обратно к игре на своем телефоне.

— Даже лучше, — говорю я, доставая банку содовой из холодильника.

— Что? Да ты меня разыгрываешь? — он кладет свой телефон на стол. — Это правда?

— Да, правда. Она танцевала со мной, на ней было маленькое коротенькое платьице, не слишком короткое... ну, ты знаешь, о чем я?

Джек кивает в подтверждении моих слов.

— Неважно, она прекрасна. Это было как во сне.

— Наверное, я тоже сплю, — произносит он и откидывается на спинку стула так, что передние ножки стула поднимаются над полом.

— С ней было так легко и интересно разговаривать. И, мне кажется, она была с подругой.

— Так ты на самом деле с ней разговаривал в этот раз?

— Даже лучше, я танцевал с ней.

От потрясения Джек даже не может ничего вымолвить. Он смотрит на меня с открытым ртом.

— Не может быть.

Я пожимаю плечами и не могу заставить себя прекратить улыбаться.

— Вот черт! — он поднимается и подходит к холодильнику.

— Значит, все то время слезки за ней, наконец, окупилось.

— Я не следил за ней

Он останавливается и с серьезным видом смотрит на меня.

— Дружище. Ты ходил в продуктовый магазин в субботу после обеда. В субботу после обеда! Ты знаешь, во сколько хороших игр можно сыграть в субботу после обеда?

Он открывает холодильник и достает оттуда банку с содовой.

— Но ты ходил туда, потому что знал, что она там тоже будет. Мы все это знаем. Все это, мой друг, — говорит он и поднимает палец вверх, — это, как минимум, слезка, — он открывает банку и прислоняется к холодильнику.

— Хорошо, замнем это, — я делаю глоток содовой.

— Ты знаешь, что пропустил классную вечеринку вчера. Я знаю, тебе на это наплевать, но толпа была прикольной, и ты знаешь — я это делаю, чтобы не сойти с ума в этом городишке.

Я смеюсь, качая головой.

— Ты как Оуэн.

Он перестает пить и убирает банку от лица.

— Да, он знал, как развлекаться.

Я делаю глубокий вдох и выдох, качаю головой, не решаясь нарушить тишину вокруг нас.

— Напомни, как зовут прекрасную незнакомку? — Джек первым нарушает тишину.

— Эшли, — произношу я. — Эшли Уэскотт.

— А, да. Откуда она?

Я присаживаюсь и задумываюсь над вопросом.

— Она об этом не говорила. Но я думаю, что она не из маленького города. Мне кажется, ее очень смущали любопытные взгляды вокруг нас.

— Девочка из большого города. Не может быть.

— Однозначно.

— Так, когда ты с ней встречаешься в следующий раз?

Я тихо смеюсь и опускаю голову.

— Скорей всего, в следующую субботу, в продуктовом магазине.

Джек раздражается громким смехом, обходит стол и усаживается напротив меня.

— Но в этот раз я приглашу ее на свидание.

— Вот дерьмо, если ты не пригласишь ее на свидание в субботу, то это сделаю я.

Чтобы вывести тебя из этого ничтожного состояния.

— Нет, — я откидываюсь на спинку стула. — Это не ничтожное состояние. Это охота. И это, мой друг, лучшая ее часть.

Джек качает головой и пытается подавить усмешку.

— Как скажешь, дружище. Как скажешь.

Настоящее

Рэм

Я вхожу в дверь и сразу слышу громкую музыку. Где-то за моей спиной звякает дверная цепочка, оповещая, что еда уже здесь.

Я кладу бумажный пакет на кофейный столик, которым служила обычная коробка из-под телевизора, и одновременно с этим музыка в комнате смолкает.

— Что я пропустил? — спрашиваю я, пока глаза всех присутствующих сфокусированы на пакете с чизбургерами.

— Перерыв, базовый удар, — отвечает Джек, разрывая упаковку с нашим ужином. *(Примеч. Парни смотрят бейсбол. Основой для атаки является умение бьющих попасть по мячу питчера и отбить мяч на игровую территорию. Успешный (или «базовый») удар позволяет бьющему занять базу. Если бьющий занимает первую базу, то такой удар называется однобазовым, а если бьющий отбивает мяч достаточно далеко, чтобы добежать сразу до второй или даже третьей базы, то такие удары называются двухбазовым или трехбазовым. Удар, при котором мяч перелетает через все игровое поле и ограждение поля в пределах игровой территории называется «хоумран» (англ. «бег в дом») и дает бьющему право без сопротивления совершить перебежку по всем базам и принести очко).*

Я тоже беру бургер и опускаюсь в свое кресло. Все знают, что могут придти ко мне домой в любое время, но также всем известно, что никому не позволено сидеть в моем кресле.

— Вот, черт, — произносит Джек и ударяет рукой по бедру.

— Базовый удар, а они так лажают.

Все выглядит так, будто третий игрок выйдет еще до конца тайма. И прежде, чем я могу что-то понять, включается реклама.

— Они должны выиграть эту игру, — говорит Майк с другой стороны комнаты. — Мы не хотим, чтобы выиграл Детройт.

Детройт. Это как ругательство. Только одно это слово заставляет нас нервничать. Я ем свой бургер и предрекаю, что как бы мы ни хотели, эта игра будет проиграна.

— Кстати, — внезапно восклицает Джек, отвлекая наше внимание. — Завтра вечером Томи работает, и я сказал ему принести к нам домой пиццу на игру.

К нам домой. Я мысленно смеюсь над этим. Я не знаю, когда мой дом стал нашим домом. И не припоминаю, чтобы их имена были вписаны в ипотеку.

— Да! — Майк поднимается и ударяет с Джеком по рукам, прежде чем тот берет еще один бургер.

— Я люблю твоего маленького братишку, мужик. И его работу!

— Да, он хоть в чем-то полезен, — говорит Джек, ухмыляясь.

— Эй, вы помните, что меня здесь не будет? — замечаю я.

Они посмотрели на меня так, будто я сообщил им, что не приду на собственные похороны. У обоих сконфуженные лица. Секунда — и до них доходит сказанное мной, или

только до Джека. Майк вернулся в свой внутренний мир — ТВ и бургера.

— О, конечно, — Джек садится обратно на диван. — У тебя же модная бизнес-встреча завтра.

Я стараюсь проглотить смешок. Для этих парней и кофейный стол из картонной коробки модный.

— Я вернусь в четверг. Постарайтесь не крушить здесь ничего.

— Окей, — обещает Майк, кивая головой. В то же время он подмигивает Джеку. — Мы никогда этого не сделаем.

Я закатываю глаза и ухмыляюсь. Эти два парня из той породы, что украдут твой кошелек, а потом вместе с тобой будут его искать.

Я не знаю, почему согласился играть с ними в мяч тем жарким летом 1998-го года. Нам было тогда по пять лет. И, черт. Я думал, у меня было больше мозгов тогда.

Первый раз, когда я вернулся с бизнес-встречи, я увидел, что весь город приглашен в мой дом на вечеринку. И я бы не был зол, если бы вся улица и парковка возле Волнат, 207 — моего дома, не была бы заставлена машинами. Я был в ярости от того, что пришлось так долго добираться от моей машины до моего дома. После долгого перелета и длительного сидения за рулем все, чего я хотел, — это посидеть в тишине в моем любимом кресле, выпить бутылочку пива, а затем пойти спать.

Я был вне себя, пока не увидел красивую блондинку на крыльце моего дома. Она в буквальном смысле спасла задницы парней. Им бы хорошенько досталось, если бы ее там не было.

В то время Эшли Уэскотт была любовью всей моей жизни. Но, кажется, это было так давно.

— Так ты вернешься в четверг? — спрашивает Джек, врываясь в мои мысли.

Я трясую головой, стряхивая с себя воспоминания, и смотрю на Джека.

— Да, — подтверждаю я, — в четверг.

Прошлое — два года назад

Рэм

— Вот, черт, — я наступаю на банку пива и смотрю на свои парадные туфли. — Джсек, где ты, черт возьми? — я говорю это достаточно громко, хотя не уверен, что меня слышат.

Я поднимаюсь по лестнице к задней двери. И вдруг замечаю людей — они везде, выпивают и разговаривают, одни держатся за деревянные перила, другие прислонились к стене дома, третьи расположились на заднем дворе.

— Рэм, — чувствую чью-то руку на своем бицепсе и тут же улавливаю запах алкоголя, смешанный с очень сильным цветочным запахом парфюма.

— Классная вечеринка, — Стэйси бормочет мне это прямо в ухо, ее дыхание щекочет мою кожу. — Я не знала, что ты устраиваешь вечеринку. Меня пригласили только после обеда.

— Я тоже не знал, — я не улыбаюсь. Не получается.

Она смотрит на меня смущенно и тут же пытается соблазнительно мне улыбнуться, а затем опять сдавливает мои бицепсы.

Я не настроен на эти игры и отступаю от нее, пока руки Стэйси не падают с моих плеч. «Где же Джсек?», — думаю я.

А затем я вижу ее. Останавливаюсь и невольно задерживаю дыхание. Я чувствую, как сильно бьется в груди мое сердце. И я забываю о Джэке и всех других людях в моем доме. Я даже забываю, что зол. Я забываю обо всем, кроме нее.

Первое, что я замечаю, это ее светлые волосы и красивое лицо.

Она сидит на садовой качели — на моей садовой качели — смеется и разговаривает с двумя другими девушками, которых я никогда не видел прежде.

Я осматриваю себя — на мне все та же одежда, что я надел на деловую встречу: черные прямые брюки и белая рубашка. Я расстегиваю на рубашке две верхние пуговицы и выпускаю ее поверх брюк.

На мне также моя любимая кожаная куртка и потертая бейсбольная кепка «Кардиналс».

Я отряхиваю свои брюки руками, как будто бы на них могли быть крошки, хотя я ничего не ел с самого Остина. Покончив с этим, я украдкой открываю стеклянные двери и прохожу в дом. Я стараюсь не шуметь, чтобы она меня не заметила. Я вдруг начинаю сильно нервничать, может, если мне неподвижно постоять здесь, то и мое дыхание придет в норму? Я снимаю кепку и взъерошиваю волосы, надеюсь, что это даст мне несколько минут, чтобы сосредоточиться.

— Рэммингтон Джуд, — знакомый сладкий голос повисает в теплом воздухе, я не успеваю сделать и шага навстречу к ней.

Она произносит это, как будто бы ждала меня, словно мы — старые друзья.

Я очень рад, что она запомнила мое имя.

— Эшли Уэскотт, — я возвращаю приветствие, теребя бейсболку в руках.

Она широко улыбается и ставит свой бокал на деревянный пол.

— Рэм, это мои подруги Эрин и Кэти. Эрин, Кэти — это Рэм.

— Привет, — говорю я им.

Они улыбаются мне, но ничего не произносят, молчание затягивается. Я мучительно думаю, что сказать в такой ситуации, но слова совсем не идут мне в голову.

— Подождите, так вы двое знаете друг друга? — это спрашивает брюнетка, кажется, Эрин.

— О! — отвечает Эшли, глядя на меня. — Не то, чтобы мы знаем друг друга. Мы вместе работали над созданием местечковых слухов в прошлые выходные.

И она улыбается мне. Это самая сладкая улыбка, которую я когда-либо видел. Мое проклятое сердце растаяло.

— О-о-о, — тянут девушки.

Я бросаю смущенный взгляд в ее сторону. И в течение нескольких неудобных моментов снова воцарилось молчание.

— Хорошо, — брюнетка прерывает неловкую паузу. — Мы оставим вас, — она то ли спрашивает, то ли ставит нас перед фактом.

Эшли улыбается Эрин, и затем я замечаю, как Эрин пожмимает ей руку. Эрин и Кэти берут свои напитки и перемещаются на другую сторону открытой террасы, туда, где сидят парни, которых я знаю еще со школы. Они, видимо, обсуждают работу или последнюю бейсбольную игру. Вечер стал намного интереснее.

— Ты принарядился?

— Что? — я возвращаю свое внимание к ней. И, наверное, мое лицо выглядит глупо, я никак не могу уловить суть ее вопроса.

— Я тоже люблю надевать лучшую свою одежду на вечеринку.

Я оглядываю ее и вижу, что она старается сдержать улыбку.

— Кто-то же должен повисить класс этого места, — говорю я. — И Дасты в грязном комбинезоне, уверен, сделать этого не сможет.

Она смотрит на Дасты, а затем глядит мне в глаза, прежде чем засмеяться.

— Нет, — говорю я с улыбкой. — Если серьезно, то я только что приехал с деловой встречи.

И, отпустив все сомнения, я сажусь в одно из уличных кресел напротив нее.

Она бросает недоверчивый взгляд на меня, а затем смотрит на часы.

— Это ужасно поздня деловая встреча

— Да, — это все, что я могу ответить.

Я никак не могу стереть глупую улыбку с лица, полагая, что эта ночь будет очень интересной.

— Пожалуйста, скажи, что ты не замешен ни в чем плохом.

— Что? — слишком быстро переспрашиваю я. — Нет, — успокаиваю я ее, качая головой, — ничего плохого.

Я откидываюсь на спинку кресла и медленно поднимаю палец вверх. Я чувствую, как уверенность разлилась в моей груди, и это очень неожиданно.

— Ты знаешь, что марихуана вне закона в четырех штатах?

— Ага, — ухмыляется Эшли. — Но не в этом.

Ее улыбка исчезает, и она хмурится, как будто бы разочарована во мне. Не знаю, почему, но от ее беспокойства обо мне я чувствую себя хорошо. И я стараюсь не

поперхнуться едва сдерживаемым смехом.

— Я пошутил. Я был в Остине на деловой встрече этим утром. И недавно прилетел на самолете, он приземлился два часа назад.

— О! — отвечает она. Ее щеки немного покраснели от смущения. Мне нравится ее нежный румянец.

— Это удовольствие — жить в маленьком городе, — и добавляю, — в больших очень тяжело добираться из аэропорта.

Ее сладкая улыбка возвращается, еще более прекрасная на этот раз.

— Я это заметила.

Затем мы замолчали, впервые с момента нашей встречи. И тут я вспоминаю, что вокруг нас люди, которые смеются, пьют и разговаривают, одни громче, чем другие. Это смешно, но я их не замечал во время нашего разговора.

— Ты знаешь, — говорит она, возвращая внимание к себе, — я не так давно переехала, и это моя первая вечеринка в этом городе. Я подумала, что настало время познакомиться с местными.

Я улыбаюсь ее словам. По какой-то причине, когда я думаю о местных, это ассоциируется с кучкой бизнесменов, которые живут здесь, оторванные от всего мира, ну, что-то в этом роде... затем я думаю, что не так уж и далеко это место, на самом деле.

— Встретила твоего дружка здесь, — она указывает куда-то между двух досок в перилах крыльца на заднем дворе. Я поворачиваюсь в ту сторону, куда она указала, и вижу, что она имеет в виду Джека. И вместо того, что бы проклинать его имя, я смеюсь. Это забавно, как быстро я забыл, что хотел надрать его задницу.

— И, — продолжает она, — он пригласил меня и моих друзей на сегодняшнюю вечеринку.

— Он это сделал? — спрашиваю я, привлекая ее внимание к себе.

Эшли утвердительно кивает головой.

— Он пригласил всех, кто был на заправочной станции Коноко. Я была в этот момент там.

— Ах, он мелкий засранец!

— Что? — переспрашивает она. Я замечаю, что она немного поразилась моей вспышке гнева. Я некоторое время изучаю невинное выражение ее лица и понимаю, что она не догадалась.

— Ты знаешь, кто здесь живет? — спрашиваю я

Ее улыбка начинает сползать с лица, и Эшли, закусив свою нижнюю губу, пожимает плечами.

Я думаю, что, если мне предоставят возможность выбора, я назову этот ее образ как один из любимых.

— Нет, — отвечает она, качая головой. — Я предположила, что он. Это плохо?

Я смотрю вниз на деревянный пол и смеюсь про себя.

— Нет, вовсе нет, — говорю я и оглядываюсь назад. — Уверен, что парень, который здесь живет, очень рад, что ты пришла.

Она прищурила глаза, и широкая улыбка появилась на ее лице.

— Это ты?

Я никогда не играл хорошо в покер, потому все написано у меня на лице.

— Я не могу присвоить себе заслугу за организацию этой вечеринки, — признаюсь я. —

Но моя заслуга может заключаться в том, что я весьма неплох в выборе лучших друзей.

Она смеется и одновременно поднимает свой бокал, сделав пару глотков.

— Красивый дом, — говорит она.

— Спасибо, — отвечаю я, чувствуя себя неловко.

Но чувство неловкости быстро проходит, стоит лишь ее зеленым глазам остановиться на мне, и через мгновение я чувствую, как радость переполняет меня. Возможно, это смешно, но я могу поклясться, что мир остановился, как будто бы земная ось замерла лишь для того, чтобы мы могли остаться наедине и насладиться этим моментом, где мы могли бы говорить обо всем и ни о чем. Я не знаю, о чем она хотела поговорить со мной. Но я знаю, что сказал бы я: «Ты мне нравишься, и думаю, что я тоже тебе нравлюсь, я не хочу прекращать нашу беседу и уверен, что не хочу, чтобы эта ночь заканчивалась». И будто специально для этих мгновений исчезли окружающие нас шум разговоров, запах алкоголя и парфюма, абсолютно все исчезло. Остались только мы одни. Я сижу в плетеном кресле и смотрю ей в глаза, и мое сердце неровно стучит. Я нервничаю и очень возбужден, вот проклятие. И вдруг ее взгляд опускается на мою грудь. И волшебство момента заканчивается.

— Это очень красивый пиджак, — она делает комплимент без всякого выражения.

Мне кажется, что это не в ее стиле — говорить так, но что я могу знать о ее характере и привычках? Я ведь только встретил ее.

— Спасибо, — благодарю я.

В какой-то момент она сильно задумывается, и мне безумно хочется узнать, о чем именно, но я не решаюсь спросить об этом сейчас. Вместо этого я меняю тему разговора.

— И чем занимается Эшли Уэскотт?

Она медленно поднимает взгляд от моей груди ко рту, а затем и к глазам.

— Хмм? — переспрашивает она.

— Что помогает оплачивать счета мисс Уэскотт? — я перефразирую вопрос и улыбаюсь ей, но она не улыбается мне в ответ.

— О! — Эшли как будто бы выходит из транса. — Марихуана, — говорит она решительно.

Я чуть не падаю с кресла от этого заявления.

— Я шучу, — быстро говорит она после нескольких ударов моего сердца. И я понимаю, что не дышал все это время. Я очень удивлен.

— Я заслужил это.

Она краснеет и довольно улыбается.

— Я работаю в издательстве «София», оно находится на Елм-стрит в Файрфилде. Мы публикуем книги для детей.

— А, — я откидываюсь на спинку кресла. — Книги творческого типа. Здесь их не печатают так, чтобы уж очень много.

Ее лицо слегка светится, когда она говорит про работу.

— Итак?

— Что? — не понимаю я.

— Итак, что помогает оплачивать счета Рэммингтона Джуда?

— О! — говорю я, выпрямляясь в кресле. — Я создаю веб-сайты для компаний, в основном для мелкого бизнеса, работаю вместе с парнем, который живет в Остине. Вот почему я должен летать туда время от времени.

— Откуда приехала мисс Уэскотт к нам? — продолжаю я интересоваться.

Она качает головой, внезапно засмутившись.

— Омаха.

— О, думаю, что слышал об этом месте.

Мягкий смех срывается с ее губ.

— Теперь мы должны узнать, из какого именно города или пригорода Омахи?

Она удивленно приподнимает брови.

— Мы говорим о полумиллионе людей в одной Омахе.

— О! — проговорил я и почесал подбородок. — То есть ты имеешь в виду «Старбакс» в Омахе?

— Мм, — подтверждает Эшли.

— И часы пик в Омахе? — снова допытываюсь я.

— Это точно, — она кивает головой.

— И ты окончила школу с двадцатью пятью учениками в одном классе.

— Так оно и есть, — снова подтверждает она.

— Это, должно быть, далеко от всего того, к чему ты привыкла?

Она только улыбнулась этому вопросу.

— Что же тебя привело сюда? — вновь задаю вопрос я.

Я смотрю, как ее грудь медленно поднимается вверх, задерживается там, прежде чем опуститься в низ.

— Я много слышала об этом месте, и мне захотелось на него посмотреть.

Я не знаю, случайно или нет, но я прищурился.

— Это место? — спрашиваю я. — А мы разговариваем об одном и том же месте?

— Да ладно, здесь очень красиво, — говорит она, откидываясь назад и забрасывая одну ногу на другую.

— Здесь все так, как я себе представляла. Маленький город в Америке, фестиваль яблок, гонки на воздушных шарах, аллеи кленовых деревьев, и все знают друг друга.

— Подожди, — прошу я, доставая телефон из кармана брюк.

— Что такое? — спрашивает она, разглядывая меня в упор. — Что ты делаешь? — она слегка улыбнулась мне.

— Я хочу записать это, — поясняю я, — И дам тебе послушать через пять лет, когда ты захочешь убежать отсюда.

Она смеется и одновременно несильно бьет меня по руке. Ее кожа касается моей, и мурашки удовольствия бегут по моей спине.

— Правда, мне нравится здесь, — она говорит это так, как будто пытается меня в этом убедить.

— Хорошо, — я неохотно уступаю, убирая свой телефон обратно в карман, но, на самом деле, я молюсь, чтобы она влюбилась в меня прежде, чем разлюбит это место.

— Ты сказал, что вырос здесь, — говорит Эшли. — Я предполагаю, ты зовешь это место своим домом?

— Да, — подтверждаю. — Это чертовски верное предположение.

Она продолжает смотреть на меня, и если бы глаза умели смеяться, то ее глаза сейчас смеялись.

— Эшли Уэскотт, — голос звучит с нижней ступеньки террасы. — Я рад, что ты нашла этот дом.

Я смотрю в ту сторону и вижу Дджека, который рассматривает нас.

Он подмигивает мне, а затем хлопает по спине. Джек — любитель панибратских приветствий.

— Мой приятель не переставал говорить о тебе с тех пор, как ты появилась в городе.

Она поворачивает голову в мою сторону.

— Он это делал?

Прежде, чем я успеваю что-нибудь сказать или пнуть Дджека коленом в пах, он открывает свой большой рот снова.

— О да. Мне пришлось пригласить почти весь Коноко, только чтобы ты не подумала, что какой-то странный незнакомец приглашает тебя на неприличную вечеринку. И сейчас я присматриваю за старым сумасшедшим Кипом, который бегаёт и ищет свой виски, только потому, что он покупал сэндвич на заправке сегодня утром.

Она звонко смеется, но я ее не поддерживаю, потому что думаю о том, где буду искать сумасшедшего Кипа, который отключится к утру.

— В любом случае, Эшли, Рэм — хороший парень. Ты должна дать ему шанс.

Он опять хлопает меня по спине, а затем наклоняется и шепчет ей на ухо, достаточно громко, чтобы я мог услышать.

— Никакого давления, но я буду трупом к утру, так как думаю, что кто-то описал его гаражные двери.

— Что? — я перебиваю его.

Джек машет руками передо мной.

— Я пошутил, это всего лишь шутка, — он пятится назад с поднятыми руками, но прежде, чем уйти, снова шепчет что-то в ухо Эшли. — Не води его к гаражным дверям.

— Джек, — говорю я, качая головой.

— Хей, по крайней мере, теперь ты можешь посмотреть игру в субботу, — говорит он мне. — Ну, ты знаешь, вместо того, чтобы идти в магазин и толкать там продуктовую тележку.

И он делает движение, как будто бы толкает тележку, а затем быстро исчезает.

Итак, я остаюсь с вымученной улыбкой на лице наедине с Эшли, в глазах которой застыл немой вопрос.

— Прошу прощения за это, — говорю я. — Он безвредный.

И прежде, чем я успеваю добавить что-либо еще, я слышу ее мягкий голос.

— Твои друзья кажутся довольно крутыми.

Я смотрю на нее одним глазом, пока достаю телефон из кармана и нажимаю на съемку.

— Ты не могла бы повторить это еще раз? — прошу я ее.

Она слегка шлепает по моей руке, но на этот раз ее прикосновение задерживается на мгновение, и я заблудился в свете ее глаз.

Я ничего не говорю. Возможно, что ее прикосновение, а может и то, как нежно она произнесла мое имя, но что-то лишило меня голоса.

— Так же, как и в этом городе, есть что-то уникальное и в тебе, — продолжает она чуть тише.

Я не знаю наверняка, о чем она говорит, но думаю, что мне это и не нужно было знать. Все, что я слышу, так это то, что она остается здесь, и что я ей нравлюсь. По крайней мере, я хочу в это верить. И это все, что мне нужно знать.

— Эшли Уэскотт, что ты делаешь завтра вечером?

Она улыбается, но старается скрыть свою улыбку, склонив голову вниз, прежде чем опять посмотреть на меня.

— Я полагаю, у тебя есть идея?

— Да, возможно, есть кое-что.

— Говори, — просит она.

— Я надеюсь, что могу позаимствовать немного твоего времени

И еще одна прекрасная улыбка озаряет ее лицо.

— Я имею виду, — продолжаю я, — только после обеда и, может, ранним вечером.

«И я надеюсь, что и всю оставшуюся жизнь», — добавляю я про себя.

Она смотрит на меня, и ее розовые губы — все для меня в эту минуту.

— Ну, если немного моего времени — это все, о чем ты просишь, то могу тебе его дать.

После ее слов я откидываюсь на спинку кресла и улыбаюсь, потому что Джек, гаражные двери и сумасшедший Кип, и даже то, что мне предстоит убирать весь беспорядок завтра утром, не имеют такого значения, как ее ответ в эту минуту. Я чувствую себя так, словно это лучший день в моей жизни, будто переломный момент, после которого я уже никогда не смогу вернуться назад к прежней жизни.

Я влюбился в Эшли Уэскотт, и не важно, что будет дальше, — я никогда не смогу ее забыть. Я знаю, что никогда не забуду, как мягко слетало ее имя с моих губ, не забуду, как ее зеленые глаза прожигали дыру в моей душе.

Не говоря уже о том, что она дала совершенно новый смысл дырявой паре джинсов, старой бейсбольная кепке «Кардиналс» и красной помаде. И будь я проклят, если эта девушка — не причина, по которой мужчины влюбляются с первого взгляда. На самом деле, у меня нет сомнений, что она разбила чье-то сердце и приехала сюда. Но, черт, я просто счастлив, что она здесь, и даже лучше — она дала мне шанс.

Прошлое

Рэм

Первые десять раз, что я приходил сюда, я ненавидел это место. Мои ладони потели, сердце чуть не выпрыгивало из груди, а легкие сокращались до размеров стеклянных шариков. Но потом стало легче. Стало даже лучше, чем легче, мне так кажется. Со временем это стало... О, черт, что за слово мама всегда использует? Терапевтический. Это стало что-то вроде терапевтических визитов к нему, как будто бы это обычный будний день. Как будто мы вдвоем сидим и разговариваем о сумасшедших событиях в наших жизнях, как в старые времена.

Я прохожу к его участку, который находится рядом с мистером Катцом. Его надгробие с круглыми краями словно произрастает из земли. Большинство надгробных плит здесь квадратные и лежат они ровно, включая и мистера Катца, но не Оуэна. Его плита совсем другая и отличается от остальных. Даже цвет другой. У всех надгробия лимонного цвета, а у него — песочно-каменного, и не серого и не золотого. Если я закрою глаза, то могу увидеть этот цвет сквозь закрытые веки. И иногда, перед тем как заснуть, я вижу надгробие и надпись на нем. Оуэн Катц, 3 ноября 1989 года — 6 ноября 2011 года. И под датами цифра 12 — его футбольный номер. Хочу я или нет, но этот камень стал такой же частью меня, как моя рука.

Я сажусь на старую табуретку, которую принес сюда год назад. Я подумал, что если я провожу здесь много времени, то пусть оно проходит с комфортом.

— Здравствуйте, мистер Катц, — я наклоняю козырек бейсболки в сторону надгробия рядом с Оуэном.

Камень сильно постарел, погода уже поработала над его краями. Мистер Катц или Сэм Катц, отец Оуэна. Я никогда не встречался с ним. Он умер от сердечного приступа после рождения Оуэна. Это должно было стать предупреждением для Оуэна и противопоказанием играть в американский футбол, но он выглядел таким здоровым.

Никто не догадывался, что с его сердцем что-то не в порядке, пока однажды он не упал на игре и больше не поднялся.

— Привет, приятель, — я возвращаю свое внимание к серо-золотистой плите. Я хочу сказать что-то еще, но вдруг замечаю что-то за банкой пива. Джек всегда оставляет одну неоткрытую для Оуэна, потому я всегда знаю, когда он приходил сюда. Я тянусь за чем-то белым позади банки, что оказалось открыткой. На лицевой стороне — фотография с видом захода солнца на берегу моря и с красивой надписью внизу «Рио-де-Жанейро».

Я переворачиваю открытку, но на другой стороне ничего нет. Там всегда пусто. Я возвращаю открытку на место. Каждый месяц тут новая открытка. Они стали появляться вскоре после того, как он обосновался здесь, может, года два тому назад. Фотографии экзотических мест, типа Южно-Американских пляжей или джунглей, или пустынь. Оуэн никогда не говорил об этих местах со мной или Джеком, или Майком. Я даже не был в курсе, что ему известно о таких местах. Я думаю, что тот, кто приносит открытки, общался с Оуэном больше нас. Я догадываюсь, что это от его девушки. Он

всегда был скрытным, когда дело касалось девушек. Да, он всегда был скрытным, когда дело касалось личного. Большую часть жизни он провел в маленьком городишке, где всем про всех все известно. И когда ему выпал шанс исчезнуть, он его не упустил. Когда он получил футбольную стипендию в колледже на севере, он переехал туда и быстро решил, что если он не будет рассказывать о себе там, то и здесь никто о нем ничего не узнает. Ему это нравилось. Он любил, когда люди не лезли в чужие дела и не досаждали сплетнями.

И, наверное, поэтому за эти три с половиной года, что его не было здесь, мы так и не узнали ничего о его девушке. Мой взгляд блуждает от камня к открытке. Я знаю, что она от того, кто его любил, от того, кто знал его лучше, чем его друзья и семья. И мне хочется узнать эту девушку. Не знаю, что бы я ей сказал при встрече. Может быть, я попросил бы рассказать, каким он был там. Думаю, что он не сильно отличался от того парня, который жил в Миссури. Хотя тот Миссури-Оуэн никогда бы не понял значения пустой открытки с видом на пляж Рио-де-Жанейро. Я поднимаю открытку в последний раз, не желая пропустить важную деталь. Нет. Ничего нет.

— Оуэн, ты когда-нибудь расскажешь, кто твоя девушка? — я смеюсь про себя и возвращаю открытку обратно. — Все в порядке, приятель, ты не должен ничего говорить. Она кажется хорошей девушкой. Даже слишком хорошей.

Я задерживаю дыхание и затем заставляю себя тяжело выдохнуть, глядя на песок на открытке.

— Думаю, что ты хотел увидеть мир, да?

Я жду, не ответит ли он мне, но слышу только шелест белок — они живут на дереве рядом с могилой.

Я не удивился бы, если бы Оуэн ответил мне. Это было бы в его духе — напугать меня из могилы.

— Мне очень жаль, что ты не увидел эти места, — говорю я, глядя на его имя, выбитое на надгробии.

— Но зато ты увидел Рай раньше нас. И я предполагаю, это даже лучше.

Прошлое

Рэм

— Я нашел еще одну открытку сегодня, — говорю я Джеку.

Он смотрит на меня озадаченно. В это же время Кристин возле нашего стола открывает для нас пиво.

— О, у Оуэна? — спрашивает Джек, теребя козырек своей кепки.

Кристин застывает, а мы с Джеком съеживаемся.

— Прости, Кристин, — говорит Джек, отводя глаза.

Если бы я знал, что здесь будет Кристин, то никогда бы не завел этот разговор. Даже упоминание его имени вызывает у нее слезы. Так было всегда. Я понимаю, мы все выросли вместе, и мы все переживаем его смерть по-разному. Кристин вытирает слезы тыльной стороной ладони и быстро уходит, не сказав ни слова.

Когда убеждаюсь, что она не может нас слышать, я отвечаю:

— Да, — и отпиваю из своей бутылки.

— Ты знаешь, — говорит Джек с задумчивым видом. — Может, это Кристин.

Я замечаю, как он следит за ее передвижениями по залу.

— Она всегда присматривала за ним, когда мы были детьми.

Кристин работала официанткой в «Нолле» с колледжа. Я знаю ее со времен подгузников. И у Джека всегда были чувства к ней. Кристин же нравились все, кроме Джека. И я не думаю, что у нее были чувства к Оуэну, но я также не слышал, чтобы у Оуэна кто-то был.

— Это бы объяснило те странные путешествия, которые она совершала, — добавляет он.

— Она навещала свою бабушку во Флориде, — возражаю я.

— Хорошо, — отвечает он, все еще не отводя взгляда от нее, — это то, что она сказала.

Наконец-то он переводит свой взгляд на меня. И указывает горлышком бутылки в мою сторону.

— И это бы объяснило, почему она даже не смотрит на тебя, как все остальные девушки в этом чертовом городе. Она по-прежнему влюблена в него.

У Джека на лице написано отвращение, но я знаю, что он в порядке. Девушки любили его, и ему прекрасно об этом известно.

Я улыбаюсь и выдыхаю, одновременно переводя взгляд на Кристин.

— Мы бы знали, если бы между ними что-то было?

Джек дергает плечом.

— Я не знаю. Ты же знаешь, какой он был скрытный. И секретов прибавилось, когда он пошел в колледж. Кто, черт возьми, может знать наверняка?

Я тяжело вздыхаю: я чувствую глубокую печаль от утраты, от того, что Оуэн оставил нас.

— Эй, приятель, — говорит он, концентрируя все свое внимание на мне. — Мы все

скучаем по нему.

Я согласно киваю.

— Да, — отвечаю я. — Знаю.

— Только Боги умирают молодыми, — он поднимает свою бутылку верх.

Откинув все мысли, я поднимаю свою бутылку в ответном жесте.

Настоящее

Рэм

Аэропорт слишком переполнен для вторника. Я на секунду задумываюсь, куда все эти люди едут?

Я отыскиваю свой посадочный талон и сажусь между пожилым мужчиной, который практикует искусство спать сидя, и молодой девушкой, по виду старшеклассницей, которая вцепилась обеими руками в мобильник и что-то усердно набирает на экране. Я не отвожу взгляд от ее рук дольше положенного, так как никогда не видел никого, кто так быстро мог бы двигать своими пальцами. Ее пальцы сравнимы с «Риверданс» или с чем-то подобным. (*Примеч. «Риверданс» (англ. Riverdance) — танцевальное степ-шоу танцоров-виртуозов*). Ее пальцы замирают на секунду, и я отворачиваюсь. Уверен, она не заметила, что я смотрел на нее. А, возможно, ей вообще все равно, ведь она не отрывала взгляд от своего телефона.

Электрическое табло наверху отвлекает меня, на нем обновляется информация. Я бросаю взгляд вниз на свой посадочный талон. Номер рейса на табло совпадает с моим.

Вовремя. Я люблю точность. И ненавижу сидеть и ждать. Я бы предпочел опоздать на самолет, нежели сидеть часами в ожидании. Спустя мгновение женский голос звучит в динамиках, объявляя о посадке на борт.

И я как дедушкин чайник, готовый закипеть в любую минуту, быстро вскакиваю со своего места, направляясь, опережая всех, к очереди на билетный контроль. Я уже стою в ней целых две секунды, когда кто-то ударяет меня по ноге. Обернувшись, я вижу макушку блондинки. В этот момент она нагнулась, чтобы поднять свой чемодан с пола. Я тоже наклоняюсь за ее чемоданом, желая помочь.

— Извините, мне очень жаль, — говорит она торопливо.

От звука ее голоса мое сердце колотится, все мысли улечиваются.

И только стою и жду, жду, когда она повернется ко мне, но я уже догадался, кого я увижу.

Один Миссисипи.

Мое сердце готово вырваться из груди.

Два Миссисипи.

Секунды ощущаются как года. И в то же время, я не могу дышать.

Три Миссисипи.

Наши взгляды встречаются, и она удивленно ахает.

— Рэм.

Непонятно, вопрос это или утверждение. Я как будто бы онемел, даже не могу пошевелить губами. Она фиксирует сумку в вертикальном положении и скрещивает руки на груди

— Эм... Эм... Привет, — наконец-то я могу выдавить из себя хоть слово.

Один Миссисипи.

Два Миссисипи.

— Как твои дела? — спрашивает она искренне, как будто на самом деле это ей

интересно. И, наверное, это ранит меня больней всего.

Я глубоко вздыхаю, так как задерживал дыхание последние несколько секунд. Затем выдыхаю и стараюсь изобразить улыбку.

— Я хорошо, — киваю головой. — Как ты?

Она тоже кивает, прежде чем ответить.

— Хорошо.

Удушающая тишина сгущается между нами, только лишь наши взгляды остаются прикованными друг к другу. Это длится слишком долго. Это ощущается недостаточным, но мое сердце, кажется, вырывается из груди, а я изо всех сил пытаюсь сдержать его внутри.

— Хорошо, — повторяет она, опуская взгляд и в то же время теребя рукой свой пиджак.

— Встреча? — спрашивает она, бросая взгляд на табло расписания полетов, где указан Остин.

— Да, — просто отвечаю я.

Она кивает головой, будто заранее знала мой ответ.

Смешно, а я ведь представлял нашу встречу снова. Я делал это очень часто. Это случалось в течение дня или ночью, когда казалось, что весь мир спал. Я представлял себе нашу встречу так много раз. Это всегда представлялось мне в людном месте. Она увидела бы меня, а я увидел бы ее, и мир вокруг нас остановился бы и рухнул, как плохо закрепленная плитка на стенах, оставляя нас наедине. Мне всегда казалось, что мы знали, что эта встреча неизбежна, мы оба понимали, что встретимся вновь, только не знали точно день и час. Мне представлялось, что когда мы впервые увидимся после долгой разлуки, наши глаза встретятся, и вся боль уйдет, будто ее и не было. Эшли улыбнется мне, и я улыбнусь ей в ответ. И мы будем вспоминать о нашей первой встрече или о нашей ночи на Солнечной площади. А затем мы посмотрим друг другу в глаза и пообещаем без слов, что в этот раз у нас все получится.

Сейчас все эти мысли смешны. И где-то глубоко притаилась боль, которая наложила отпечаток на светлые чувства при встрече. Я догадываюсь, что не смогу сказать ни слова. И в моих мечтах не было слова «Работа», мы не говорили о работе.

— А ты? — спрашиваю я. — Почему ты летишь в южную сторону?

— Я... живу в Лэйквей сейчас. Это недалеко от Остина. Я подумала, что могу работать поближе к моей бабушке, чтобы приглядывать за ней, — она поднимает голову и мягко смеется. — Но, думаю, что это она приглядывает за мной.

Я сдержанно улыбаюсь, но что-то продолжает сжимать сердце у меня в груди. Я не знаю, почему, но то, что она живет в Техасе сейчас, ударило по мне очень сильно. Наверное, потому, что я понял, что не являюсь больше частью ее жизни. Я даже не знал, где она жила.

— Я навещала своих друзей здесь, — добавляет она

Это тоже ударяет по мне — я не являюсь ее другом, которого бы она хотела навестить. И я не знаю, каких друзей она навещала. Ее друзья раньше были нашими общими друзьями. Хотя, конечно, она могла завести новых друзей за этот год. Я киваю головой.

— Ты продолжаешь жить в Аве? — спрашивает она.

— Да, — отвечаю я, хватаясь сзади за шею, наверное, это нервная привычка.

Она задерживает дыхание, словно набираясь сил.

— Как все?

Опять она спрашивает, будто бы ей не безразлично. Почему она так себя ведет? Я пытаюсь не представлять ее рядом со старым кленом, смотрящую мне в глаза и говорящую

мне, как сильно она меня любит. И то, что она так себя ведет сейчас, не помогает мне избавиться от наваждения.

Очередь вдруг начинает двигаться вперед, и я замечаю, что уже образовалось значительное пространство между мной и человеком впереди.

Эшли улыбается и опускает руку на ручку сумки.

— Они в полном порядке, — с трудом говорю я. — Уверен, что все по-прежнему с тех пор, как ты нас покинула.

Я замечаю, как дрогнула ее челюсть от быстрого вдоха после моих последних слов. Я не хочу ее ранить, но факт остается фактом — она ушла очень быстро. Никто не уходил из наших мест, и уж точно они все делали медленно. Но, возможно, я бы тоже ушел также быстро, если бы был на ее месте.

Очередь двигается слишком быстро, я встаю перед стройной женщиной в форме авиакомпании, проверяющей билеты. Она приветливо улыбается мне, и я учтиво улыбаюсь ей в ответ, передавая свой посадочный талон.

Она его сканирует, и я медленно вливаюсь в новую очередь в посадочном туннеле.

Люди передо мной вдруг останавливаются, и я оглядываюсь посмотреть на Эшли. Она в этот момент подает свой билет для сканирования. И через мгновение уже присоединяется ко мне.

— Это весь твой багаж? — замечает она, складывая руки на груди.

Я смотрю на свой рюкзак, который без усилия удерживаю кончиками пальцев.

— Я с некоторых пор стараюсь не тратить время на получение багажа.

Она смеется, опуская свою голову.

— Я тоже.

Я вздыхаю и смотрю на ее небольшую сумку. Сегодня я бы не возражал ждать свой багаж, если бы она была рядом. Черт, мне не следует думать об этом.

— Какое у тебя место на билете? — спрашивает она.

Впервые за сегодняшний день я смотрю на свой билет, так как до этого момента мне было все равно, где я буду сидеть.

— 15С, — говорю я.

— У меня 11, — она смотрит вниз на билет, — 11А.

Эшли переводит взгляд на меня, и что-то мелькает в ее глазах. Что-то недосказанное, и я отдал бы все, чтобы узнать, что именно.

— Знаешь, если место рядом со мной будет свободным, ты мог бы сесть там, — предлагает она очень мягким и не слишком уверенным тоном.

Я киваю и улыбаюсь.

— Хорошо, договорились.

Она прикусывает свою нижнюю губу, а я начинаю молиться, чтобы место возле нее не было занято.

— Прошло так много времени, — произносит она, возвращая меня из своих мыслей.

— Да, — соглашаюсь я. — Ты по-прежнему работаешь в издательстве?

Она кивает.

— Да, я и сама стала немного писать, — говорит она, улыбаясь шире.

— Правда? — переспрашиваю.

— Правда, — отвечает она, теребя свой пиджак. — Совсем немного.

— Здорово, — говорю я. Это неожиданно, но я очень рад за нее. — Это же классно!

Все опять весьма быстро начинают двигаться на посадку, и вот мы уже стоим перед входом в самолет, и стюард вопросительно смотрит на меня. Я подаю свой посадочный талон и продвигаюсь по заполненному салону. Восемь. Девять. Десять. Одиннадцать.

Черт. Два парня уже сидят на одиннадцатых местах. Я оглядываю их — два молодых симпатичных парня, примерно нашего возраста. Я сразу же начинаю ревновать ее к ним, не знаю, почему, ведь она больше не моя. Я останавливаюсь и помогаю Эшли положить ее сумку в багажный отсек. Я стараюсь вести себя как обычно, и в то же время пытаюсь встретиться взглядом с парнями — им не нужно знать, что она больше не моя.

— Спасибо, — благодарит она.

Я киваю.

— Ладно, — говорит она, глядя на свое место, — в случае, если мы больше не увидимся после посадки.

Она останавливается, и опять что-то появляется в ее глазах. Я должен сказать что-нибудь, должен был пригласить ее в ресторан на обед.

И в это время парень позади нас громко кашляет, намекая, чтобы мы освободили проход, и я недовольно смотрю на него.

— Хорошо, если я не увижу тебя позже, — начинает она снова, — я была очень рада увидеть тебя вновь, Рэм.

В последний момент я останавливаю слова, уже готовые вырваться, и просто говорю:

— Да, я тоже был рад тебя увидеть.

Она улыбается мне и садится в свое кресло. И после еще одного глубокого вдоха я заставляю свои ноги двигаться дальше по проходу к своему месту.

Возле окна сидит женщина с ребенком. Я сажусь в свободное кресло и тупо смотрю перед собой, обдумывая то, что только что произошло.

Я не видел Эшли Уэскотт больше года, это первая наша встреча.

Она все также прекрасна, как в тот день, когда я впервые ее увидел. Я все так же хочу ее, и это также неоспоримо, как эта стена сбоку. Но я *знаю*, и она *знает*. И это держит нас на расстоянии.

Я стараюсь увидеть ее в просвете между кресел, но ничего не могу рассмотреть и, в конце концов, сдаюсь. И затем я опять отправляюсь блуждать по воспоминаниям двухлетней давности. Я думаю о том времени, когда мы были вместе, я вспоминаю наш первый танец и наш последний день вместе. И я останавливаюсь, ругая себя, что многое не сказал ей тогда, но тут же понимаю, что это не изменило бы ничего, — она все равно бы ушла. Я опять ругаю себя, что ничего не сказал сегодня, мое сердце больно сжимается в груди от осознания, что все останется так, как есть. За всеми этими мыслями я не замечаю, как проходит час и сорок пять минут, наш самолет начинает заходить на посадку. Голос в динамике просит всех убрать свои столики, поднять кресла и пристегнуть ремни. Уставившись в окно, я рассматриваю крыши зданий. Неужели мы летели почти два часа? Мои мысли вновь возвращаются к ней. Не знаю, увижу ли я ее в аэропорту, возможно, будет лучше, если я ее больше не увижу.

Наконец-то самолет приземляется, и через некоторое время открываются двери. Все пассажиры мгновенно заполняют проход впереди и позади меня. Обычно я сижу и жду, когда все пройдут, и только потом неспешно выхожу. Но не в этот раз. Сегодня мое сердце бьется в сумасшедшем ритме из-за девушки, которая никогда не любила меня. И я должен сделать все, чтобы увидеть ее еще один раз. Зажатый в ловушке, я не могу придумать, что

делать дальше. Я перевешиваю рюкзак поудобнее и жду, когда люди впереди меня покинут самолет. Я подхожу к ее месту, но Эшли там уже нет. Выходя, я дотрагиваюсь до козырька кепки, чтобы поблагодарить стюардов, и покидаю самолет. Пару минут в туннеле, и вот я уже перед паспортным контролем. Я пытаюсь увидеть в толпе платиновые волосы. И вдруг замечаю ее — она что-то ищет в сумочке, наклонившись к сиденью. Мое сердце сразу же подпрыгивает в груди. Я рад увидеть ее, хоть и наблюдаю за ней всего несколько секунд. Было время, когда я называл ее своей. Я обычно шел позади нее, мои руки обвивали ее талию, и я целовал нежную кожу ее шеи. И я был единственным мужчиной в мире, кому позволялось это делать.

Я был. Я мог.

«Это самые грустные слова в английском языке», — говорил мой дед. И только сейчас я понял, почему.

Я чувствую, как моя улыбка начинает увядать, и понимаю, что упустил момент, пока смотрел на нее, не зная, что предпринять. Она заканчивает копаться в своей сумке, несколькими секундами позже поднимает голову и, встретившись со мной взглядом, улыбается мне. Все мое тело сковано от нерешительности — наверное, это какой-то сбой, так как мои ноги отказываются подчиняться и двигаться в ее сторону. Я хочу к ней подойти, но не могу, и она это понимает.

Один Миссисипи.

Два Миссисипи.

Я не могу не смотреть на нее даже тогда, когда ее улыбка становится очень печальной и уголки ее губ опускаются вниз. И затем она машет мне рукой. Простое движение рукой, которое я начну ненавидеть с этого момента, потому что оно означает «Прощай».

Я беру себя в руки и машу ей в ответ. Она смотрит на меня в последний раз и, повернувшись, уходит прочь от меня. Через мгновение ее платиновые волосы теряются в толпе.

Я стою и смотрю, смотрю, как она удаляется.

И все это время мое сердце кричит разуму, требует догнать ее, но я ничего не делаю, просто стою и смотрю. После того как я теряю из виду ее светлые волосы, я делаю пару шагов, но потом опять останавливаюсь. Мне нужна остановка. Весь мир замедляется, но только моему сердцу плевать — оно отчаянно колотится в груди. Боль отдает в каждую кость, в каждый мускул в моем теле. Я делаю глубокий вдох и выдох, пытаюсь привести себя в чувство. Это помогает, сердце замедляет свой ритм. Проходит еще пару мгновений, и я, перевесив рюкзак на другое плечо, шагаю в другую сторону.

Это как в каком-то дурацком кино, я не оборачиваюсь и не знаю, оборачивается ли она.

Любовь вернулась в мою жизнь ровно на один час и сорок пять минут. Все было абсолютно не так, как я себе это представлял. Ничего общего с моими мечтами. Но так и должно быть. Все так, как должно быть.

Прошлое — два года назад

Рэм

— *Итак, вот оно, — говорю я, широко разведя руки. — Таймс-сквер Авы. Знаю, от всех огней и красок у тебя, скорее всего, рябит в глазах. Просто постарайся не смотреть на все сразу.*

Она дарит мне ласковую улыбку.

Это наше первое свидание. Я адски нервничаю, но она выглядит так свежо, как обратная сторона подушки. Мне бы ее смелость. Я оглядываю толпу, собравшуюся у лотка, где на гриле готовят хот-доги и продают дешевое пиво.

— *Можно, я скажу то, что ты, наверное, и так уже знаешь? — спрашиваю я.*

Она смотрит на меня снизу-вверх.

— *Конечно.*

— *Хорошо. Ну, это здесь, — произношу я, указывая на землю у нас под ногами, — скорее всего, это единственное место в Аве, где можно провести вечер пятницы.*

Она кивает.

— *Я так и поняла.*

Ее взгляд скользит по толпе.

— *Здесь все?*

— *Почти, — отвечаю я, охватив взглядом людей, уличного торговца и освещенный тротуар. Мы в центре города. Все называют его Солнечной площадью. Большинство людей не знает, откуда пошло это название. Но я помню. Бабушка когда-то давно рассказывала мне об этом.*

— *Можно я расскажу тебе о том, чего ты еще не знаешь?*

— *Конечно, — снова соглашается она, на этот раз широко улыбаясь.*

— *Это место получило свое название много лет назад, когда здесь был фермерский рынок и его использовали в качестве театра для дневных спектаклей, — я указываю в сторону большой стеклянной двери в дубовой раме под черно-белым навесом. — Ты не поймешь этого сейчас, потому что темнеет, но в полдень это солнечная сторона дома. Следовательно, Солнечная площадь.*

Казалось, она едва сдерживает смех.

— *Это звучит очень... логично.*

— *Ну, мы простые люди, мисс Уэскотт.*

Она склоняет голову и кивает, и мы продолжаем прогулку, проходя мимо Джо Кимпера, продающего свой знаменитый попкорн.

— *Подожди, ты должна это попробовать, — говорю я, возвращаясь и останавливаясь у лотка. — Можно мне пакетик, Джо?*

Он кивает и протягивает длинный белый бумажный пакет. Я тут же предлагаю ей, и она принимает.

— *Итак, я знаю твое имя и откуда ты, — начинаю я. — И знаю, что ты появилась здесь несколько месяцев назад. Еще я знаю, что ты чертовски красивая. Но больше я ничего*

о тебе не знаю.

Она немного приподнимает голову, как раз настолько, чтобы взглянуть на меня сквозь темные ресницы. Клянусь, она пытается скрыть румянец на щеках.

— Хорошо, что ты хочешь знать?

Она берет в рот немного попкорна, и на мгновение мой взгляд останавливается на ее чудесных розовых губах.

— Все, — говорю я.

— Все?

— Да, — я киваю. — Мне хочется узнать тебя лучше, чем я знаю этот город.

— Хммм, — тянет она.

— Я думаю, что все будет позже, хорошо?

— Довольно много, — соглашаюсь я.

Она закидывает еще одну горсть попкорна в рот.

— Ну, могу тебе сказать: мне нравится этот попкорн.

Я широко улыбаюсь. Знаю, что так и будет. Она хихикает и быстро прикрывает рот рукой. Выглядит это так, будто она пытается удержать вываливающуюся изо рта еду.

— Хорошо, — говорю я, сдерживая смех, — как насчет... самого яркого воспоминания из твоего детства?

— Моего что? — она глотает еду и снова тянется к пакету.

— Твое самое яркое воспоминание — то, что ты помнишь о детстве. Ну, ты понимаешь? То, что ты не сможешь забыть, даже если попытаешься.

Она смотрит на меня, скривив губы.

— Звучит так, будто ты на меня давишь.

Я пожимаю плечами, предлагая ей не уходить от ответа. Она закидывает голову назад и смотрит вверх, в темнеющее небо, после чего переводит взгляд на меня.

— Оно должно быть у всех?

— Да, — я утвердительно киваю. — О человеке можно многое рассказать по дорогому его сердцу воспоминанию.

— Ты это можешь?

Я смеюсь.

— Ну, моя бабушка так всегда говорила.

— Хорошо, — соглашается она. — Ну... — несколько секунд ее взгляд блуждает по земле. — Хорошо. Когда мы росли, у нас был старый дом. Такие строили на рубеже века, — она делает паузу. — Как в прошлом веке, не в этом.

— Я понял. Старый, как конный экипаж, а не как Y2K. (Примеч. Y2K — единственный мотоцикл для движения по обычным дорогам, который оснащен авиационным газотурбинным двигателем).

Она смотрит на меня с улыбкой.

— Правильно, — кивает она. — И, в общем, в доме была котельная. Это была просто маленькая комната с большой жуткой серой печью, которая подпрыгивала с громким треском каждый раз, когда выдавала порцию тепла. Но в комнате было очень тепло зимой, и мы с сестрой всегда ютились в углу рядом с этой большой печью. Мы считали это место своим секретным убежищем. Пробирались туда украдкой, пока никто не видел, и ели хлопья из коробки.

Она останавливается и смеется. Ее взгляд направлен перед собой, но, похоже, что ей

интереснее рассматривать что-то в глубинах своей памяти, чем то, что перед нами.

— *FrostedFlakes?* — спрашиваю я. (Примеч. *FrostedFlakes* — товарный знак сухого завтрака, выпускаемого компанией *Kellog*).

— *Да. Мама ненавидела, когда мы ели хлопья прямо из коробки. А мы ощущали себя такими бунтарками.*

Я улыбаюсь, потому что она выглядит счастливой, и потому, что мне нравится ее воспоминание.

— *Ну?* — спрашивает она.

— *Что, ну?*

— *Ну, и что ты можешь сказать обо мне?*

— *Ой, — спохватываюсь я. — Ну... ты любишь свою сестру — настолько, чтобы разделить с ней коробку хлопьев... И ты смелая.*

Тут я замолкаю, потому что она странно на меня смотрит.

— *Смелая?*

— *Да, ты не боишься большой страшной печи.*

— *Аааа, — улыбается она.*

— *И... в тебе есть какая-то диковатая черточка.*

Она смеется.

— *Итак, все началось с тех хлопьев.*

Я смотрю на нее, подняв брови.

— *Не сомневаюсь.*

На этот раз мы оба смеемся.

— *А что насчет тебя?* — спрашивает она. — *Какое твое любимое воспоминание?*

Я глубоко вздыхаю

— *Ну, — произношу я на выдохе. — Каждую весну мы с отцом ходили за грибами.*

Она вопросительно смотрит на меня. Вероятно, мне необходимо все пояснить.

— *За сморчками.*

Она все еще непонимающе смотрит на меня.

— *Ты никогда не пробовала?*

Она качает головой и морщится, от чего на лбу у нее появляются мелкие морщинки.

— *Нет, не пробовала.*

— *Ох, ну что ж, городская девчонка, вам нужно добавить сэндвичи с жареными сморчками в свой список покупок. Ты не пожалеешь.*

Она смеется.

— *Хорошо, в следующий раз я поищу их в продуктовом магазине.*

Я смотрю на нее, чтобы понять, не шутит ли она.

— *Что?* — переспрашивает она.

— *Нет, дорогая, ты не купишь их в продуктовом магазине. Ты должна найти их.*

— *Найти?* — она искренне удивляется.

— *Да, но не волнуйся, я возьму тебя как-нибудь с собой.*

На секунду она замолкает, но потом, к счастью, улыбается и пристально смотрит на меня. Клянусь, ее глаза способны довести до смерти или сердечного приступа мужчину, если он окажется недостаточно стойким.

— *В любом случае, мы часами могли высматривать их, — продолжаю я. — Я действительно не могу вспомнить ничего особенного из наших разговоров. Просто помню,*

как был вместе с ними, и это, возможно, было самой лучшей вещью в мире.

— С ними?

— Что?

— Ты сказал, что помнишь, как был с ними.

— О.

Я пытаюсь припомнить, что сказал.

— Разве я так сказал?

Она смотрит на меня и просто кивает.

— Я имел в виду папу.

Это по невнимательности.

— Я помню, как был с папой.

— О, так вы, ребята, были очень близки в то время — ты и твой отец?

— Да, — говорю я и быстро киваю. — Он — замечательный отец.

Я ловлю взгляд ее глаз и задерживаюсь в нем на секунду или две, пока наш разговор не затихает. Не знаю, как и почему, но от того, как она смотрит на меня, я чувствую себя хорошо. И еще я уверен, что именно по этой причине мне в голову внезапно приходит мысль поцеловать эти губы.

— Ладно, — говорит она. — Как ты попал в бизнес разработки веб-сайтов?

Я выдерживаю минутную паузу, пытаюсь собраться с мыслями, но, главным образом, просто молчу, чтобы вернуть свои мысли от поцелуев с ней назад к нашему разговору.

— Ну, — в итоге говорю я, едва замечая, что в данный момент мы обходим угол дома. — Я всегда был очарован компьютерами. Нашел единомышленников здесь, в небольшом колледже, и вместе с приятелем, которого знаю со школы, основал компанию. У него есть несколько мелких клиентов в Остине. У меня немного здесь. Это работает до сих пор.

— Правда?

Казалось, она проявляет искренний интерес.

— Это довольно круто.

Я всегда считал, что вся эта компьютерно-хвастливая болтовня делает меня в глазах других придурком. Здесь вокруг все работают на фермах, стройках или мастерят что-то еще, но своими руками. Компьютеры в этот круг не входят. Кстати, однажды я зашел к городскому механику — парню, который здесь настолько давно, что может рассказать, какую машину водил твой дедушка до того, как встретил твою бабушку. В любом случае, он спросил, чем я занимаюсь. Я сказал, что работаю с компьютерами. И он просто откинулся на пятки, прищурился, приложил испачканный маслом палец к подбородку и сказал:

— Ну, это какая-то ненастоящая работа.

Я только улыбнулся. Мне хотелось сказать, что я мог бы заменить карбюратор, если бы пришлось, но, полагаю, он уже убедил себя на мой счет. Я ненастоящий, вот и все.

Я кошусь на нее краем глаза.

— Ты слышала о партии тупиц-компьютерициков?

Она смеется. Ее смех хриловатый и искренний. Я думаю в тот момент, что просто влюбился в него, или, черт возьми, я просто влюбился в нее.

— Не думаю, что компьютеры делают людей еще б о льшими тупицами, — говорит она, скривив губки.

— Правда?

— Правда, — подтверждает она.

— Не могла бы ты повторить это парню за прилавком в Hochman Mechanics?

— Что?

— Ничего, — говорю я, смеясь про себя.

Затем наши взгляды встречаются, и мы оба замолкаем на несколько ударов сердца. У нее прекрасные глаза. В них нежность и любопытство. Все в них — в ней — заставляет еще больше хотеть поцеловать ее.

— В любом случае, — говорит она, — ты такой молодой, и у тебя уже собственный бизнес. Это очень впечатляет.

— Ну, — тяну я, пытаюсь вернуть самообладание, — я не так уж и молод.

Я смотрю на ее руку — мне действительно хочется взять ее — но я не делаю этого.

— Ты знаешь, кто такой Стив Джобс?

— Да.

— Ему был двадцать один год, когда он начал создавать Apple, — я поднимаю указательный палец. — И Уильям Харлей...

— Мотоциклист?

— Да, ему тоже был двадцать один год, когда он разработал модель первого мотора для велосипеда. Так что, видишь, двадцатиоднолетние не все такие уж молодые.

Она останавливается и секунду осматривает меня снизу-вверх.

— Подожди, так тебе?..

Поколебавшись, я признаюсь:

— Мне только что исполнился двадцать один год. Месяц назад.

Она обдумывает это примерно минуту, а затем кивает.

— Слишком молодой? Слишком старый? — интересуюсь я.

— Нет, я просто... — запинается она. — У тебя фирма, дом... Ты кажешься старше, вот и все.

— О, — бормочу я. — Просто это мой реальный возраст — тот, который ты могла бы выяснить, взглянув в мои водительские права. Мой провинциальный возраст старше.

— Провинциальный возраст? — она едва может произнести слова из-за смеха.

— Да, люди в провинциальных городках взрослеют немного быстрее, чем в большой деревне, вроде города.

— Боюсь спросить, почему.

И вид у нее немного испуганный, но и немного заинтригованный.

— О, это действительно очень просто, — говорю я. — Мы просто вынуждены все начинать раньше. Раньше садимся за руль, раньше начинаем работать, раньше начинаем пить. Думаю, на самом деле, все сводится к работе.

— К работе? — на ее лице появляется небольшая манящая улыбка. Интересно, известно ли ей, что это сводит меня с ума?

— Да, — говорю я. — Например, чтобы помочь деду по хозяйству, мне пришлось научиться водить в тринадцать лет. И после долгого дня работы в поле, все, чего мне хотелось, это стакан холодной содовой. Но у бабушки всегда было только холодное пиво. Таким образом, я впервые выпил пива в тринадцать лет, и никто даже глазом не моргнул. На самом деле, дед пришел следом за мной на кухню, тоже взял себе пиво из холодильника и сел напротив меня. И мы вроде разговаривали об отбивных и картофельном пюре на ужин, который готовила бабушка.

Я пожимаю плечами.

— Итак, видишь, я действительно выгляжу на двадцать три — двадцать четыре года, как ты и подумала.

Она ничего на это не отвечает, но почему-то я уверен, что ее улыбка искренняя. Может, это от того, что ее глаза такие же яркие, как закатный свет, который мы как раз сейчас имеем возможность наблюдать.

— Вау, это все объясняет, — наконец произносит она перед очередной паузой. — Прошлой весной я окончила Университет Миннесоты.

— Университет Миннесоты, да?

— Да, — подтверждает она.

Я пытаюсь сглотнуть.

— Мне двадцать три, — сообщает она.

— Хорошо, — говорю я, прочищая горло. — Могу заверить, что я самый старый из всех двадцатиоднолетних, которые тебе когда-либо встретятся.

Она смеется и берет меня под руку.

— Это мы еще посмотрим, — обещает она, даря мне еще одну манящую улыбку.

Боже, я уже обожаю эту улыбку.

Мы делаем еще несколько шагов, как вдруг она останавливается.

— Что? — спрашиваю я.

— Бамбук, — отвечает она.

Я смотрю в направлении ее взгляда. Роуз Даррен продавала здесь эти нелепо выглядящие растения в течение многих десятилетий. Ходили слухи, что все стены ее дома выложены бамбуком, и что даже прах покойного мужа она поместила в одно из растений и спит с ним каждую ночь. Я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть эти слухи, потому что, если честно, когда слушаешь подобные истории с детства, то держишься на расстоянии. Черт, до настоящего момента я даже не знал, как называются эти нелепые штуки.

Я наблюдаю, как Эшли подошла к киоску и сразу обратила внимание на бамбук с двумя длинными зелеными стеблями, торчащий из стеклянного кувшинчика.

— Два стебля означают любовь... и удачу, — произносит она.

Я подхожу ближе и вручаю ей это нелепое растение. Мне всегда казалось, что они похожи на свинячьи хвостики, потому что завивались на концах. То, что это символ любви и удачи, никогда не приходило мне в голову. Я смотрю, как она переходит к следующему кувшину с растением с тремя торчащими из него стеблями. И бессознательно я запоминаю то, как она нежно поглаживает пальцами стебель. Какое-то благоговение и нежность в ее движениях. Я не видел никого, кто бы так относился так к растениям. Знаю, это может показаться сумасшествием, но именно из-за этого я начинаю снова восхищаться ею.

— Три стебля означают счастье, долгую жизнь и богатство, — произносит она, вытаскивая меня из моих мыслей.

Я смотрю на выражение ее лица. Оно нежное и задумчивое.

— Откуда ты все это знаешь?

Она пробегает пальцами по маленьким листочкам.

— Моя бабушка любит такие вещи. Она знает, что означает каждый из них.

Эшли задерживает руку на листике, а потом убирает ее.

— Каждое число стеблей означает что-то свое.

Я киваю и улыбаюсь, одновременно поглядывая на Роуз, сидящую за своеобразной стеной из растений. Она сидит на шезлонге и вяжет что-то длинное и голубое. Она делает вид, что не интересуется нашим разговором, но я знаю, что все-таки незаметно подслушивает. Время от времени я ловлю ее взгляд и улыбку. И я замечаю еще кое-что: она не такая страшная, какой ее рисовал мой восьмилетний разум.

— Я думаю, мне нравятся два стебля, — сказала Эшли. — Я имею в виду: что хорошего в долгой жизни и богатстве, если у тебя нет любви?

Она смотрит на меня с вопросом в глазах.

— Хорошая мысль, — соглашаюсь я. — Мы возьмем кувшин с двумя... эээ...

— Бамбуковыми стеблями, — к счастью, Эшли заканчивает мою фразу.

Я достаю из заднего кармана свой бумажник.

— Нет, — возражает она, касаясь моей руки. — Ты не должен делать этого.

— Но я хочу, — заверяю ее.

Я достаю купюру и передаю ее Роуз.

— Плюс, Роуз никогда не спустила бы мне с рук, если бы я позволил заплатить тебе за растение любви.

Я подмигиваю Роуз.

— Это правда, — соглашается та.

Седая женщина дарит мне суровый взгляд, но его сразу же сменяет одобрительная улыбка. И улыбка не остается незамеченной, поскольку я беру кувшин и передаю его Эшли.

— Твой цветок любви, — говорю я.

— Спасибо, — благодарит она, принимая бамбук.

Она выглядит счастливой. Я надеюсь, так и есть.

Мы идем дальше, пока, несколько минут спустя, не добираемся до скамейки в парке, метко названном Тенистым, на противоположной стороне от Солнечной площади. Скамейка стоит прямо на вершине насыпи, с нее открывается вид на реку. Сейчас сумерки, и без света на этой стороне квартала еще темнее. На самом деле, пока мои глаза не приспособились, я не могу увидеть даже собственную руку, поднесенную к лицу. Но сейчас, спустя немного времени, все стало видно намного четче.

Я сажусь, она тоже. И поскольку мои глаза прикованы к ее цветку любви, то я замечаю, как она ставит его на землю возле наших ног. Я улыбаюсь, затем смотрю вверх и вижу звезды, появляющиеся одна за другой на черном небе, и вниз, на текущую, словно густая черная нефть, воду.

— Итак, какая у тебя специальность? — спрашиваю я, глядя на нее.

— Литература, — отвечает она, взглянув мне в глаза, прежде чем снова переводит взгляд на реку.

— Это имеет смысл — детские книги.

— Да, — соглашается она.

— Так тебе нравится то, что ты делаешь? — спрашиваю я.

Она около минуты колеблется.

— Да, — кивнув, отвечает она, — да... на данный момент.

Я смотрю на нее.

— А что потом? Какие большие мечты у тебя в рукаве, Эшли Уэскотт?

— Ну...

Я замечаю ее легкий вдох.

— Когда-нибудь я бы хотела написать книгу.

— Детскую книгу?

— Возможно... или, может быть, только для взрослых. Но это случится не скоро.

— Роман?

Она просто улыбается.

— Вау, это вроде как большая штука, мисс Уэскотт.

Я смотрю на черную воду, на глади которой собираются маленькие волны и разбиваются о берег, поднимая вверх отраженный свет луны и звезд.

— Самое большое, что я написал за всю жизнь, — это письмо моей маме, когда учился во втором классе. Это была пятистраничная диссертация на тему, почему мне необходим мотоцикл.

Она смеется:

— Сработало?

— Нет, — отвечаю я, опустив голову.

Я слушаю, как ее голос дрожит от мягкого смеха.

— Но знаешь, — говорю я, сохраняя в памяти то, как звучит ее смех, — это не должно быть... не скоро? Ты можешь начать свой роман уже сейчас, правда?

Ее улыбка становится чуть шире. Она выглядит почти легкомысленной, словно ее душа совершенно переполнена эмоциями.

— Ну, у меня точно еще нет сюжета.

Я киваю.

— Но, я полагаю, однажды он появится.

— Надеюсь на это, — говорит она, выглядя так, словно эта мечта у нее на расстоянии вытянутой руки.

— Иди сюда, — я жестом приглашаю ее придвинуться ближе. Не знаю, откуда внезапно у меня появляется храбрость. Просто в этот момент она выглядит такой счастливой, такой прекрасной, такой жизнерадостной — и я не могу не желать, чтобы она была ближе ко мне.

В ее глазах нерешительность.

— Давай, — зову я, замечая ее сомнения. — Это всегда предложение, ограниченное по времени. Сейчас ты откажешься, а я вынужден буду оставить предложение открытым на неопределенное время, и после этого моя репутация сгорит в аду.

Судя по ее виду, она пытается не рассмеяться, но сокращает расстояние между нами. И когда я чувствую тепло ее прижавшегося ко мне тела, обнимаю ее за голые плечи и прижимаю еще ближе. Это кажется таким правильным. На самом деле, это лучше, чем просто правильно.

— А что насчет тебя? — она смотрит на меня игривым взглядом.

— Что насчет меня? — переспрашиваю я.

— О, да ладно, Рэммингтон Джуд, я знаю твои мечты. Я вижу их в твоих глазах.

Я смеюсь.

— В моих глазах, да?

— Ммм, да, — говорит она. — Сердце не обманешь.

Я смотрю на нее, удобно устроившись под моей рукой.

— Откуда взялся этот миленький провинциальный акцент?

Она пожимает плечиком.

— Не знаю. Может, он просто сам появляется в этой местности.

— Ха, заметно, — я чувствую, что смеюсь намного больше, чем обычно.

— Теперь расскажи мне о своих мечтах, провинциальный мальчик, — просит она.

— Ладно, — соглашаюсь я с играющей на лице улыбкой.

Она удобно располагается в моих руках, и я мгновение молча гляжу на реку.

— Думаю, что хочу путешествовать. Я много размышляю об этом в последнее время.

Всю жизнь я провел здесь, не считая Остина, и действительно не слишком много видел. Я рисую картины... в своих фантазиях... тех мест, где я хочу побывать. И думаю, если в жизни получится увидеть хотя бы одно из них, я буду чертовски счастлив.

Она смотрит на меня своими теплыми глазами, и на мгновение кажется, будто она не здесь.

— Что? — спрашиваю я. — Глупая мечта, не так ли? Понимаю, это не о карьере или о чем-то подобном. Но я уже счастлив тем, что делаю.

— Нет, — отвечает она, останавливая меня. — Я думаю, это хорошая мечта.

Произнеся последние слова, она накрывает мою руку своей. Я опускаю взгляд на наши руки. От ощущения прикосновения ее кожи я забываю обо всем, кроме этого. И медленно мой взгляд возвращается к ее прекрасным сияющим глазам. И снова возникает ощущение, что в этом мире мы только вдвоем.

«Ты мне нравишься. Думаю, я нравлюсь тебе. Я хочу тебя и думаю, что ты хочешь меня тоже. Не хочу, чтобы это мгновение закончилось».

И потом, не думая ни о чем другом, я приближаюсь губами к ее губам. Мой мир словно взрывается, когда наши губы соприкасаются. Я закрываю глаза и не могу придумать ничего лучше, чем целовать ее, пока она не ответит мне. А потом я не могу представить ничего приятнее, чем ее ответный поцелуй. Ее губы мягкие. В ее поцелуе голод. Я просто хочу большего от нее. Убрав руку с ее плеча, я нежно касаюсь пальцами ее загорелого лица. И она целует меня так, как никто никогда раньше. Целует так, словно знает меня давно, хотя это наш первый поцелуй и мы действительно знакомы всего неделю. Это ощущается уютно, но в то же время ново и захватывающе, и я быстро обнаруживаю, что просто не могу насытиться ею: не могу насытиться сладким вкусом ее губ и тем, как они двигаются у моего рта. Это сексуально и чертовски захватывающе. Но чтобы продлить это, мне нужно сделать вдох. Я пытаюсь справиться с этим. Сопроотивляюсь изо всех сил, но, в конце концов, природа одерживает победу, и через несколько молниеносных мгновений наш поцелуй прерывается. Я прислоняюсь своим лбом к ее лбу. Улыбаюсь и практически могу услышать свое дыхание.

— Эшли Уэскотт, — произношу я, когда мне удается взять себя в руки, — ты чертовски здорово целуешься.

Я чувствую на своих губах ее дыхание, когда она мягко смеется.

— Это, должно быть, моя та самая диковатая черточка, — шепчет она. Ее голос, словно у Сирены, медленно притягивает меня больше и больше.

Боже, я хочу эту девушку так сильно.

— Должно быть, так, — говорю я, усмехаясь себе под нос. — На самом деле, во всем виноваты кукурузные хлопья.

Мне не видно, но я почти уверен, что на ее губах появляется игривая улыбка.

— Думаю, это из-за них, — признается она.

Она прижимается своим лбом к моему еще несколько секунд, а потом немного

*отстраняется, и взгляд ее зеленых глаз осторожно встречается с моим.
— Не беспокойся, — шепчу я, — я сохраню твой секрет.*

Настоящее

Рэм

Парни готовы. Игра вот-вот должна начаться. На этот раз Майкл пошел за чизбургерами к Хэллу и пока не вернулся, Джек сидит на диване, играя в телефон, а я — в своем кресле.

— Я видел ее, — едва слышно бормочу я.

Не уверен, хочу ли, чтобы он услышал это. Просто знаю, что должен произнести это вслух.

Он даже не поднимает взгляда. Выглядит так, словно не слышал. Я сажусь обратно в свое кресло и облегченно вздыхаю. Я сказал это. Это все, что имеет значение.

— Постой, — Джек опускает телефон и смотрит на меня. — Что ты сказал?

От его ястребиного взгляда я выпрямляюсь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Что?

Он поднимает брови и дарит мне удивленный взгляд.

— Ты сейчас что-то сказал.

Я качаю головой.

— Да ну, нет.

— Да, ты только что сказал, что видел ее.

— Неее, — я опять качаю головой. — Тебе снова послышалось.

Он прищуривает глаза.

— Во-первых, мне обычно не слышится. Во-вторых, черт возьми, я не глухой. Что значит, ты видел ее?

— Черт возьми, — шепчу я, вскакивая. — Я видел ее в аэропорту.

— Когда?

— Когда я был в аэропорту.

Я нервно смеюсь и провожу рукой по бедру.

— В Сент-Луисе. Она сейчас живет в Техасе.

— В Техасе?

— Да, — подтверждаю я.

— Ну, и как она выглядит? Что ты ей сказал?

— Она выглядит... по-прежнему. И я действительно немного говорил с ней. На самом деле, я вообще ничего не говорил.

Джек убирает свой телефон на картонный журнальный столик и садится обратно на диван.

— Вау, — произносит он, глядя прямо перед собой. Он вдруг уставился в одну точку на стене. — Столько времени, а потом — бац! — вот она.

Я киваю головой.

— Да, я знаю.

— Она словно пропала без вести.

Я снова киваю.

— Итак, она ничего не говорила о... Ты понимаешь?

Я издаю долгий вздох и качаю головой. Я знаю, к чему он клонит.

— Нет, — в итоге отвечаю я, — ничего.

— И ты не?..

— Поднял эту тему? — спрашиваю я.

Он просто непонимающе смотрит на меня.

— Нет, на удивление, за те несколько минут, что мы говорили, эта тема не поднималась.

— Ну не знаю, — он пожимает одним плечом. — Я просто спросил.

Я переворачиваю кепку на голове и ловлю себя на том, что смотрю в направлении телевизора. Кажется, я втайне надеюсь, что это отвлечет меня, а еще лучше, телепортирует из этой комнаты. Джек молчит. Я тоже больше ничего не говорю. Я жду, чтобы ушел Майк, прежде чем начать этот разговор, в основном, потому, что Джек — единственный, кому было бы интересно услышать об этом. Но сейчас я чувствую, что действительно больше не хочу об этом говорить.

— Вот дьявол, — он то ли вздыхает, то ли выдыхает, то ли еще что-то, и я вижу, как он выхватывает пиво из коробки. — Держу пари: это словно увидеть призрака.

Я равнодушно улыбаюсь.

— Да, так и было.

— Ты в порядке?

Он смотрит на меня тем самым взглядом, каким смотрел всегда в подобных ситуациях. Я видел его, по крайней мере, сто раз. Нам было по семь лет, когда я принял свою первую дикую подачу — прямо в глаз. Он сразу стал черно-синим. И, скажу я вам, Джеку хотелось плакать больше, чем мне, но он не стал. Просто посмотрел в мой единственный нормальный глаз этим своим взглядом и спросил: — Ты в порядке?

Я немного ерзаю в кресле.

— Да, — отвечаю, — да, я в порядке.

Он прикладывает к бутылке и делает большой глоток.

— Ну, она все еще... эээ... занимается издательским делом?

— Очевидно, она уже сама пишет, — говорю я.

— Ха, — он начинает смеяться. — Будь осторожен. Она может закончить тем, что впишет тебя в один из своих рассказов.

Я смеюсь про себя и усаживаюсь поглубже в кресле.

— Пока она дает мне нечто лучшее — увидеть художественную версию своих друзей.

Джек выуживает из ящика пластиковую бутылку содовой и бросает в меня.

— Черт. На первый взгляд я не так плох.

Я уворачиваюсь от бутылки, и она падает на пол. Хорошо, что пластиковая.

— Теперь Майк, — продолжает Джек, указывая горлышком бутылки в моем направлении. — Майку потребуется некоторый уход.

Мы оба смеемся, представив, как Майк катится, словно бочонок, вниз по лестнице, и его длинные лохматые волосы развеваются позади. Он думает, что его грива и дополняющая ее борода привлекают женщин. Джек и я думаем, что он полный засранец. Но опять же, он всегда оказывался с девчонкой под руку, поэтому, видимо, не совсем такой уж полный, как мы думаем.

— Принимайте жратву, лохи, — Майк бросает пакет на коробку, достает бургер,

завернутый в белую бумагу, и плюхается в свое привычное кресло в углу.

— Что я пропустил? — спрашивает он с набитым ртом.

— Ничего, — отвечаю я, — игра еще не начиналась.

— Ну, а над чем вы тогда смеетесь, девочки?

Джек смотрит на меня, потом на Майка.

— Ох, ну, Рэм сейчас просто сыпал комплиментами в наш адрес по поводу того, как хорошо мы выглядим.

Майк приподнимает брови, глядя на меня и дергая себя за бороду.

— Наконец-то вы заметили. Я же говорил вам — она сводит их с ума. Черт, даже моя собака таким меня любит больше.

Джек озадаченно смотрит на Майка, после чего поворачивается ко мне. Я просто качаю головой и включаю телевизор. Игра вот-вот должна начаться. Плюс, этот разговор стал слишком странным. Майк, в конце концов, перестает поглаживать свою бороду, и я хватаю гамбургер.

Но я не могу выкинуть Эшли из головы. Черт возьми. Она не должна быть здесь. Она ушла. Я забыл ее... или, по крайней мере, пытаюсь забыть. Вот как это должно быть. Она должна быть забыта.

Прошлое — четыре года назад

Рэм

— Я буду чизбургер с беконом и картошку-фри, — говорю я Кристен.

— О, и можно для меня пиво? — ляпает, не подумав, Джсек.

Кристен просто закатывает глаза и смотрит на Оуэна.

— Что я могу для тебя сделать, Оуэн?

— Мне просто то же самое, что и Рэму, — говорит Оуэн. — И пиво.

Оуэн смотрит на Джсека и улыбается, тот в ответ угрюмо смотрит на него.

— Теперь можешь получить одно, — говорит Кристен, улыбаясь Оуэну. И ни один из нас не пропускает подмигивание, которое она дарит ему. Кристен разворачивается и направляется за стойку.

— Пользуешься шансом, пока тебе нет двадцати одного, да? — спрашивает Оуэн Джсека. — Если я правильно помню, ты, вроде, был еще в пеленках, когда я пошел в школу.

— Дерьмо, ты не можешь помнить этого, — обрывает Джсек.

— Помню тебя. Два плачущих ребенка в кабинете директора в тот день, когда мисс Эванс поймала вас на обмане, — говорит Оуэн.

— О, мы там были, — говорю я, садясь на стул.

— Ну, — говорит Джсек, набирая обороты, — мы не стали бы обманщиками, если бы кое-кто не сказал нам, что написать таблицу умножения маркером на руке — это хорошая идея. И прямо перед контрольной.

— Эй, я же не говорил надевать рубашку с коротким рукавом, — говорит Оуэн. — Я всего лишь пытался тебе помочь.

— Да, помочь прикончить нас в кабинете мистера Герлатрика, — возражает Джсек. — Был май. В тот день было жарче, чем в аду. И мы должны были надеть рубашки с длинными рукавами?

— Держи, милый, — говорит Кристен, подталкивая стакан пива через весь стол к Оуэну.

— Спасибо, сладкие щечки, — говорит Оуэн, улыбаясь ей в ответ.

Джсек морщится на обмен любезностями Оуэна и Кристен, когда та поворачивается и уходит.

— Эй, а где мое? — кричит ей вслед Джсек.

— Оно сидит в кулере, — говорит она, даже не потрудившись обернуться. — И будет сидеть там еще несколько лет.

Джсек оглядывается на нас и просто вздыхает.

— Ну, теперь вы это видели, болваны.

Оуэн указывает горлышком своей бутылки в сторону Кристен.

— Есть некоторые вещи в этом мире, которые ты просто не можешь принять как само собой разумеющееся, и вот ... — говорит он, замолкая, чтобы встретиться глазами с Кристен. Он улыбается ей, а она улыбается в ответ. — Это — одна из них.

Оуэн пинает ножку стула Джсека и отпивает пива.

— Кто? Крис? — спрашивает Джек, то ли хмурясь, то ли улыбаясь.

Оуэн ничего не говорит в ответ, поэтому Джек поворачивается ко мне. Я же просто пожимаю плечами. Обычно Оуэн не говорит ничего подобного. Конечно же, Оуэн есть Оуэн. Я перестал расспрашивать его давным-давно.

— Старческая мудрость, — Дджека прорывает, широкая ухмылка внезапно появляется на его лице. — Это то, что есть у Оуэна.

Я смотрю на Оуэна и смеюсь.

— Должно быть, да, — соглашаюсь я.

— Ты — старый пердун, — говорит Джек сквозь смех.

— Эй, называй это как угодно, — отвечает Оуэн. — Я все еще пью свое пиво в общественном месте, в то время как вы, два болвана, вынуждены сидеть здесь с детскими напитками, вроде Колы. Он делает еще один глоток и качает головой. От этой нелепой насмешки его лицо приобретает сочувствующее выражение.

Могу сказать, Джек не знает, что ответить на это. Черт, мне тоже нечем парировать. Так что мы просто сидим и смотрим друг на друга, пока Джек, наконец, не начинает смеяться, следом за ним я, и, в итоге, к нам присоединяется Оуэн.

— Над чем вы, ребята, ржете? — спрашивает Кристен. Она останавливается у нашего столика и ставит три тарелки с бургерами и картошкой.

— Да ни над чем, — говорит Джек. — Мы просто проводим исследование, какая веселая жизнь нас ожидает в двадцать один год. На самом деле, пока Оуэн приканчивал свое пиво, я уже присмотрел симпатичный дом престарелых для себя.

— Что? — Кристен озадаченно смотрит на Дджека.

— О, Джек просто собрал свои трусики в кучку, вот и все, — говорит Оуэн.

— Что-то новенькое? — спрашивает Кристен, с улыбкой глядя на Дджека.

Джек просто закатывает глаза, а я откусываю большой кусок бургера и смотрю, как Кристен ворует картошку из тарелки Оуэна и закидывает ее себе в рот.

— Итак, мальчики, постарайтесь держаться подальше от неприятностей сегодня вечером, — говорит она, на этот раз улыбаясь мне. — Или, по крайней мере, расскажите мне, чтобы я тоже пошла.

— Конечно, — говорит Оуэн, подмигивая ей.

На этом Кристен разворачивается и направляется обратно в бар. И менее чем через минуту Оуэн снова пинает стул Дджека.

— Какого черта? — рявкает Джек.

— Помни, что я сказал, — предупреждает Оуэн.

— Да, конечно, старикашка, — отвечает Джек с широкой улыбкой, несмотря на полный рот еды.

Настоящее

Рэм

Я на Солнечной площади. Продавцов нет. Но есть люди, снующие вокруг меня. Здесь Майк. Он надел свою старую кепку «Кардиналс» и смеется над Джо Кеттлом. Но чего-то не хватает, что-то не так.

Я быстро пробегаю глазами вдоль улицы. Джек тоже здесь. Он облокотился на кирпичную стену театра и разговаривает с Кристен. Она улыбается. Джек тоже. Солнца нет, но воздух ощущается густым. Я ненадолго закрываю глаза и пытаюсь вдохнуть его.

— Сколько за покрывало?

Я открываю глаза и смотрю вверх. Какой-то пожилой человек, которого я не узнаю — видимо, он из другого города, — смотрит на меня. Мужчина склоняется над бледно-голубым с желтым покрывалом. Это мое покрывало. Эшли нашла его в антикварном магазине одним жарким июльским днем. Она сказала, что я должен иметь его, оно сделает мою гостиную уютнее. Я проигрываю ее слова в голове. Покрывало расстелено на диване, на котором Эшли и я проводим послеобеденное время, просматривая повторы *Sainfeld* (*Примеч. комедийный сериал 1989–1998 гг.*) и старые фильмы Хамфри Богарта. (*Примеч. американский актер, признанный Американским институтом киноискусства лучшим актером в истории американского кино*).

— Сколько? — спрашивает старик. Его тон становится нетерпеливым.

— Ох, это не продается.

Он смотрит на меня странным взглядом.

— Тогда почему оно здесь.

Я не отвечаю ему. Не знаю, что сказать. Я не знаю, почему оно здесь. Он хмурится на меня, а потом уходит с пожилой седой женщиной — полагаю, это его жена.

Мой взгляд задерживается на старой хоккейной клюшке рядом. Она моя. Я истратил свои деньги за стрижку газонов, чтобы купить ее, когда мне было двенадцать. Тогда я проходил хоккейную фазу — она длилась пару месяцев. Это клюшка для левшей. Я правша. Тогда я не видел разницы. Но почему она здесь? Почему все мои вещи здесь.

— Сколько стоит этот светильник?

Я оборачиваюсь. Брюнетка около двадцати лет, глядя на меня, держит большую зеленую лампу.

— Десять долларов, — говорю я. Эшли ненавидела эту лампу. Девушка дает мне десятидолларовую купюру и уходит с лампой.

— Сколько за это?

Прежде, чем успеваю обернуться, я узнаю голос.

— Эшли.

Она держит бамбуковый стебель — ее любовный бамбуковый стебель. Я, практически не дыша, просто смотрю на нее.

— Мы можем поговорить? — спрашиваю я.

— Я не могу, — ее улыбка исчезает под толстым слоем сочувствия. — Я с мужем.

— Ты замужем? — мое сердце падает в самое глубокое ледяное ущелье у меня в груди.

Она кивает и ставит растение обратно.

— Эй, дружище, Кристен сказала, что у Калеба позже собирается компания, — Джек внезапно оказывается передо мной. Я смотрю на него, а потом обратно на Эшли, но она ушла.

— Не сейчас, — говорю я Джеку.

Я сканирую толпу мужчин и женщин, детей и собак на поводках, резко разворачиваюсь на пятках, как всегда это делаю, и прежде чем успеваю обернуться полностью, Эшли возвращается.

— Пойдем, — говорит она. — Идем со мной.

Она взлетает к реке. Я так взволнован или ошарашен, но это проходит через несколько минут, и я отталкиваюсь и лечу за ней.

— Ты замужем? — догнав, снова спрашиваю я. Запах ее духов оживляет мои чувства и напоминает мне, как сильно я по ней скучаю.

— Да, недавно вышла, — говорит она и протягивает мне кольцо. С тем же успехом она могла бы протянуть мне нож.

— Ну, он счастливчик.

Удивительно, как спокойно я говорю. Удивительно, насколько спокоен я.

Я провожаю ее к скамейке с видом на реку. Вода темная, мутная и жуткая. Я никогда не видел ее такой.

Она садится, и я тоже. На ней длинное белое платье. Сбоку разрез. Угол платья поднимается на ветру, обнажая загорелую кожу ее бедра.

— Мы когда-то сидели здесь, — говорю я, делая вдох. Воздух больше не плотный, — ты помнишь? Это было наше первое свидание.

Она улыбается.

— Конечно, помню.

Я чувствую, как уголки моих губ приподнимаются от этого. То, что она думает и вспоминает то, что связывало только нас двоих, делает меня снова счастливым... на миг.

— Почему это причиняет такую боль? — спрашиваю я.

Ее улыбка немного увядает.

— Это не должно быть безболезненным, Рэм. Это должно того стоить.

Я принимаю ее объяснение. Однажды она произносила эту же фразу, когда мы были вместе. Но она произносила ее с улыбкой. Это было после того, как я высидел весь специальный просмотр «Титаника» — того, где Леонардо ДиКаприо рисовал картину и претендовал на полет на корабле в течение четырех часов. Однако на этот раз ее слова поражают меня совсем по-другому. И, в то же время, я замечаю, что река теперь чистая. Прозрачная как ручей. Я могу увидеть дно. И я точно знаю, что никогда ее такой не видел, но быстро отделяюсь от этого ощущения.

— Эшли, прости. Мне так много хочется вернуть.

Ее губы не шевелятся. Она просто смотрит на меня с маской печали на лице. Несколько секунд я смотрю ей в глаза, а потом отворачиваюсь. На зеленом фоне ее глаз написана история того времени, когда мы были вместе, и я не хочу это читать. Я смотрю вниз на заросшую травой землю под ногами, пока позади нас ревет звук проходящего грузового поезда.

— Я так сильно тебя любил, — начинаю я. — Я любил тебя больше, чем показывал это.

Мне так жаль.

Я останавливаюсь, чтобы перевести дыхание, но все равно не смотрю на нее.

— Эшли, я люблю тебя. Я всегда буду любить тебя.

Так тихо. Везде так тихо. На заднем плане я больше не слышу голосов с Солнечной площади. Звук поезда, только что прошедшего мимо, исчез. И воздух опять как тина. Я пытаюсь сделать еще один вдох и смотрю вверх. Эшли ушла. Тут же словно нож вонзился мне в сердце.

— Она ничего этого не слышала, — шепчу я, словно убеждая себя.

Я сижу на железной скамье. В горле такая сильная боль, что я едва могу вдохнуть или сглотнуть. Я опустошен. Я не спрашиваю, почему она ушла и была ли она тут вообще. Мои мысли полностью поглощены тем, что она ничего не слышала. Она не слышала ничего из этого — ни одного слова.

Я закрываю глаза. За моими веками прозрачные тени, однако, по той или иной причине, я не могу ощущать их, я просто их чувствую. И когда открываю глаза, здесь еще один поезд. Свисток звучит так громко, что пугает меня. Свист не прекращается. Я встаю и поворачиваюсь в сторону звука. И тут же замечаю, что поезд сходит с рельсов. Он несется прямо на меня. Я пытаюсь двинуться, но не могу. Мои ноги словно приклеены к земле. Поэтому я просто закрываю глаза и готовлюсь к удару.

Я резко открываю глаза.

Я в своей кровати. Мой будильник надрывается на картонной коробке, которую я использую в качестве ночного столика. Я ударяю по нему, и в комнате воцаряется тишина. Переворачиваюсь на спину и смотрю в потолок. Дышать тяжело. Это был просто сон.

— Это был просто сон, — шепчу я себе.

Тру глаза ладонями, потом запускаю пальцы в волосы. Такое чувство, словно пятнадцатикилограммовый груз застрял в моей груди.

— Эшли, — шепчу я, внезапно вспомнив остальную часть сна.

Вскакиваю и бегу к моему ноутбуку. Он на кухонном столе, где я оставил его накануне вечером. Вхожу в Facebook под логином Джека и набираю *Эшли Уэскотт* в строке поиска. Мы не друзья в Facebook. Мы ими не стали с тех пор, как она ушла. Я кликаю на ее профили и быстро прокручиваю сведения о работе и адресе. Там не говорится, что она замужем. Я возвращаюсь к ее ленте активности. Быстро прокручиваю последние фотографии: она, ее друзья, улыбки и веселье, маленький коричневый с белым бигль, закат над озером. Но свадебных фотографий нет.

Она не замужем.

Я облегченно выдыхаю.

Это безумие. Конечно, она не замужем. Я недавно видел ее. Она сказала бы мне. *Да?* Черт, а может, нет. В любом случае, я бы увидел кольцо.

Захлопываю ноутбук и закрываю глаза. Я пытаюсь услышать ее смех. Пытаюсь вспомнить, какой он. Я очень стараюсь. И затем я именно таким и слышу его. Я могу

расслышать маленькие заминки в ее голосе — эти низкие и высокие тона, которые делают этот смех уникальным, только ее. Это ее смех... точно. Мое сердце переполняется эмоциями.

Забавно, как вы можете вызывать в памяти нечто, вроде чьего-то смеха, а потом просто закрыть глаза, хорошенько подумать и вспомнить. Это — дар и одновременно проклятие памяти, я думаю. Это остается с вами, нравится вам или нет.

Я перевожу дыхание и слушаю его — ее — как будто она рядом со мной. А потом, будто где-то в глубине души, мягкий чистый голос поднимается и повторяет слова моего сердца:

— *Я хочу. Я хочу, чтобы она была рядом со мной.*

Прошлое — два года назад

Рэм

— *Мисс Уэскотт, вам кто-нибудь говорил, что у вас прекрасные глаза?*

Эта суббота выходная. Такое еще существует в маленьких городках. Мы идем вдоль реки к центру города, восхищаясь по пути тем, каким оранжевым и красным внезапно стал мир — как это бывает каждую осень. Она прислоняется спиной к старому клену, и в этом мире только мы вдвоем. Она улыбается и склоняет голову, прежде чем снова встретиться со мной взглядом. Уверен, что ей и раньше говорили это.

— *Ну, тогда тебе говорили, что твои глаза, как это ни странно, похожи на мои?*

Она тихо смеется, опустив взгляд.

— *Нет, — говорит она, — никто мне никогда не говорил, что мои глаза, как это ни странно, похожи на глаза Рэмингтона Джуда.*

— *Они похожи, — уверяю я ее. — Думаю, они одного цвета... почти.*

— *Почти? — спрашивает она.*

— *Да, — говорю я, — у твоих есть этот легкий темный оттенок, какой бывает у неба в один из таких дней, когда ты не уверен: если небеса разверзнутся, то сбросят вниз ураганный вихрь или потоки воды?*

Она просто смотрит на меня, прикусив нижнюю губу. Это приводит меня в такое смятение, что я не могу отвести глаз от ее рта, и очень быстро касаюсь ее губ своими. Поцелуй длится всего мгновение, но в этот момент мне кажется, будто он завис в воздухе, замедлился, словно птица на ветру. И мгновенно мое сердце переполняется, а моя жизнь принадлежит ей. Я знаю это. Она знает это. И без всяких слов мы оба понимаем: что бы ни произошло между нами, я всегда буду принадлежать этой девушке.

— *Эшли?*

— *Ммм?*

— *Ты действительно мне нравишься, — говорю я, нежно прижимаясь к ее лбу своим.*

Сердце так сильно бьется в груди, что, кажется, я в состоянии слышать его тяжелые удары. Я снова целую ее обожженные солнцем губы, потом нежно целую шею и загорелые ключицы. У меня не может возникнуть еще больше чувств к этой девушке. Я уже отдал ей все, что у меня есть. И, понимая это, мне следует быть напуганным до чертиков. Но я ни капельки не напуган.

— *Откуда ты узнал мое имя? — спрашивает она.*

— *Что?*

— *Когда мы танцевали, ты уже знал мое имя. Но мы раньше не встречались.*

Я смотрю вниз на траву под нашими ногами.

— *Ах, это.*

Она улыбается.

— *Да, это.*

— *Я спросил, — говорю я, пожимая плечами. — Кэрол из «Сандерс Маркет» знала. Должно быть, она видела твое имя на дебетовой карте.*

— Аааа, — говорит она, медленно кивая.

— Да, — продолжаю я, — впервые я увидел тебя в магазине. На тебе была футболка, завязанная внизу узлом. И была кружевная...

— Вязаная.

— Что?

— Вязаная. Юбка, — говорит она.

— Да, я так и предполагал. На тебе была вязаная длинная черная юбка и шлепанцы. Твои волосы были распущены и волнами спадали вниз по спине. И я просто... Ты посмотрела на меня... и это было, словно твои глаза пронзили меня насквозь. Знаю, это звучит безумно, но ты на мгновение отняла у меня дыхание. Поэтому, как только ты ушла, я расспросил Кэрол.

— Ты все это помнишь? — спрашивает она.

— Конечно. Как я могу забыть? Этот образ, когда ты стояла там, вытатуирован у меня на мозге. Не думаю, что смогу забыть, даже если захочу. Да я и не захочу...

Ее улыбка становится шире, когда она прижимается ко мне. Я обнял ее, позволив своим рукам расположиться на оголенной части ее спины. Она надела одну из тех обрезанных футболок. Я наслаждаюсь ощущением от прикосновений моих пальцев к ее нежной коже.

— Постой, — говорю я, немного отталкиваясь от нее. — Как ты запомнила, во что была одета, когда я впервые тебя увидел?

Она склоняет голову, а затем смотрит мне в глаза.

— Это был первый раз, когда я увидела тебя. Я была одета в белый топ и юбку. Ты был одет в серую футболку «Кардиналс» и темные джинсы. Я покупала апельсиновый сок. Ты держал в руках пакет молока. И ты остановился. Ты буквально остановился и посмотрел на меня. А я улыбнулась тебе. И ты не улыбнулся в ответ.

Я издал смешок.

— Что?

— Ты не улыбнулся в ответ, — повторила она.

— Нет, это не про меня. Я бы улыбнулся тебе.

— Ты этого не сделал.

— Это бред, — говорю я.

— Я серьезно. Ты просто смотрел на меня пару секунд, а затем перевел взгляд на свой пакет молока, словно читал его состав или что-то еще.

Я размашисто шлепаю себя по глазам и лбу, а затем ударяю кулаком в область сердца.

— Состав? Вау! И после этого ты позволила мне танцевать с тобой?

Она смеется.

— Тебе повезло, потому что это была моя первая неделя здесь, и на тот момент я думала, что это обычное приветствие здесь. Словно никто не мог решить: нужно ли со мной подружиться или сбежать от меня.

Я притягиваю ее еще ближе и касаюсь губами ее шеи.

— Нет, милая, нас просто пугают прекрасные создания, вот и все.

Чувствую, что она смеется, но просто продолжаю целовать ее шею.

— Я выделялась?

— Что? — спросил я.

— Впервые оказавшись здесь, я выглядела как-то необычно или что-то еще?

— Сладкая, — говорю я, на этот раз глядя ей в глаза, — все, кто не отсюда, выделяются.

Она опускает взгляд, и ее голос немного срывается.

— Нет, серьезно, — говорю я, возвращая ее внимание. — Ты, скорее всего, выделяешься везде.

— Что это значит? — она смотрит на меня так, словно не решается спросить.

— Это значит, что независимо от того, где ты находишься, во что одета и кто с тобой рядом, люди обратят на тебя внимание. Вокруг тебя словно... пузырь.

— Что?

— Да, — говорю я. — Не могу этого объяснить. Просто, когда ты улыбаешься мне, я словно становлюсь намного ближе к тебе — словно попадаю внутрь пузыря — и тогда все в мире становится правильным. И я точно не могу быть единственным, кто думает так же.

— Рэм, — ворчит она с улыбкой, — ты, наверное, единственный человек в этом мире, считающий, что я живу в пузыре.

— Нет, — говорю я, качая головой. — Я не могу быть единственным. Но если благодаря какому-то разладу в мыслях ты считаешь себя правой, тогда я — самый удачливый человек в мире, потому что вижу сокровище, которое не видит никто.

Она прижимается ко мне и нежно целует в щеку.

— Подожди, — говорю я, — ты помнишь первый раз, когда увидела меня?

Она смотрит мне в глаза.

— Конечно.

Я просто улыбаюсь. И несколько секунд спустя все еще продолжаю улыбаться.

— Рэм, — шепчет она, стоя на цыпочках и приблизив свои губы к моему уху. В этот момент озноб пробегает по моему позвоночнику. — Ты хочешь знать, почему?

— Да, — едва выдавливаю я.

— Ты тоже отнял у меня дыхание.

Я чувствую, как моя улыбка становится шире.

— А знаешь, что еще? — шепчет она, целуя меня в щеку, а затем заглядывает в мои глаза.

— Да?

— Ты тоже действительно мне нравишься.

Настоящее

Рэм

Я захожу в продуктовый магазин захватить немного хлеба и пива — два основных моих продукта. Осматриваю небольшой хлебный отдел. Я пытаюсь питаться здоровой пищей. *Пытаюсь* — ключевое слово. Стараюсь вспомнить, какой хлеб обычно покупала Эшли. Она была, пожалуй, самым большим приверженцем здорового питания из всех, кого я знал, — хотя понимаю, что это не говорит о многом, учитывая круг моих друзей. Но Эшли могла есть то, что называлось или звучало странно, вроде суши или киноа (*Примеч.: киноа — злаковая культура, вошедшая в топ-20 полезнейших продуктов питания в мире*), или каких-то подобных вещей, которые я, в конце концов, просто приравнял к полезным. Эти штуки не продаются здесь поблизости, так что нам приходилось ездить в большой город, чтобы купить их. Они не очень-то были мне по вкусу, и всегда вдогонку я съедал тарелку каши, потому что не наедался. Но я это ел, потому что она говорила, что это «здоровое питание», но больше потому, что это заставляло ее улыбаться.

Я рассматриваю этикетки: белый, пшеничный, овсяный, картофельный. *Картофельный?* Неужели? Дьявол, в наши дни хлеб делают из чего угодно.

— Я слышала, она покинула город, потому что он узнал о ее измене, — голос девушки проникает из-за полки с хлебом. Слышно так, будто она в соседнем проходе. И звучит так, словно она пытается сохранить в тайне то, о чем говорит.

— А я слышала, что это он изменял ей, — слышу я слова другой девушки.

Я не узнаю голоса и не знаю, о ком они говорят. В любом случае, меня действительно это не волнует. Это, вероятно, старшеклассницы, болтающие о том, о чем принято болтать в наши дни, что, скорее всего, не сильно отличается от разговоров старшеклассниц десять, двадцать, пятьдесят лет тому назад.

— Будь я на месте Эшли, я бы тоже уехала.

Хлеб немедленно перестает меня заботить, я всем телом замираю. Просто так, из-за одного ее имени, меня вдруг озаботил разговор двух школьниц по другую сторону хлебных полок.

— Но если ты меня спросишь, — говорит тот же голос, — я не думаю, что он стал бы ей изменять. Они были такой милой парой.

— Может, она просто сошла с ума, — говорит другой голос. — Я имею в виду, что красивые люди иногда совершают безумства, верно? Звезды всегда творят сумасшедшие вещи. А откуда она была? Из Айовы?

— Из Небраски, — поправляет ее высокий голос.

— Без разницы, — говорит другая. — Все, что я знаю — она нездешняя.

— Да, — продолжает первая. — Возможно, ты права. Может, она просто стала сходить с ума в этом маленьком городишке.

— Эй, знаешь, я слышала, что сейчас Рэм с Кристен Сойер.

— Кристен, которая Хэлла? — спрашивает первая.

— Да, — подтверждает другая.

Потом я слышу шарканье ног по линолеуму, быстро хватаю буханку хлеба, не заботясь какого именно, — самую большую.

Я не знаю, что думать об этом разговоре. Как могут две старшеклассницы знать что-то обо мне и Эшли? И почему их это волнует? Почему это всех волнует?

Я засовываю хлеб под мышку и направляюсь напрямиком к кассе, забыв про пиво. Меня не волнует, что думает весь этот чертов городишко о том, что произошло между мной и Эшли. Им не нужно знать.

Возвращаюсь домой и швыряю хлеб и ключи на стойку. Джек сидит на моем диване, крича на телевизор. Я знал, что он здесь. Его грузовик припаркован напротив.

— Эй, ты слышал, что я теперь с Кристен?

— Что?

Он выключает звук на телевизоре и театрально поворачивает голову в мою сторону, будто только что меня заметил.

— Совершенно точно: я теперь с Кристен, — говорю ему снова.

— Что ты мелешь? — он натянул выражение немой боли на лицо.

— Слухи, — говорю я. — Всего лишь слухи. Расслабься, приятель, — я поднимаю руки вверх в знак капитуляции. Да. Джек не нравится Кристен.

— О, да, — говорит он, тут же напуская на себя незаинтересованный вид. — Однажды я это уже слышал.

— Что?

— Да, — говорит он, — поэтому от кого бы ты это ни услышал, им следует проверить свой источник информации. Это старая новость. Я слышал ее год назад.

— Что? Почему ты ничего не сказал?

Он пожимает плечами.

— Не знаю. Я знал, что это неправда. Просто сбросил это в общую кучу.

Я вскинул голову.

— В кучу?

— Да, к таким же слухам.

Джек прилип глазами к телевизору. Мои прикованы к Джеку.

— Подожди, что ты имеешь в виду? — спрашиваю я.

Он прикладывает руку ко рту, словно вспоминая что-то, а потом снова смотрит на меня.

— Хорошо, когда ты и Эшли были вместе, у тебя был внебрачный ребенок, ты сбежал и женился... дважды... и... ты — тайный миллионер.

Он смотрит в сторону, словно опять задумался.

— Подожди, слух про миллионера я пустил про себя. Про тебя никто не думал, что ты миллионер.

— О, — ехидно говорю я, — это уже легче.

Он включает звук на телевизоре, и его глаза возвращаются к наблюдению за мячом в повторе старой игры «Быков».

— Они сказали, что она сошла с ума, — говорю я.

— Кто?

— Эшли.

Полсекунды он смотрит на меня, а потом возвращается к телевизору.

— Да? Ну, может, и сошла, — он делает паузу и поднимает с пола бутылку. — Но она не первая, кто покинул это место. И, совершенно точно, не последняя.

Он делает большой глоток из бутылки и ставит ее обратно.

— Но, да, возможно, что она сошла с ума.

Я перевожу взгляд с Джека на телевизор, с силой втягиваю в себя воздух, а затем делаю медленный выдох.

А может, и нет.

Прошлое — полтора года назад

Рэм

— Итак, лощина — это лучшее место, чтобы искать их, — говорю я, останавливая грузовик рядом с силосной ямой.

— Лощина?

— Ну да, — я указываю глазами прямо перед собой.

— Что такое лощина?

— Ты в ней, милочка.

— О, — она оглядывается, словно изучая местность. — Ну, я не думаю, что у нас в Западной Омахе есть что-нибудь под названием лощина.

Я смотрю на нее с чертовски удивленным — я уверен в этом — выражением лица.

— Девочка, можно подумать, что ты выросла в Нью-Йорке. Я знаю, что в окрестностях Омахи есть кукурузные поля. Конечно, у вас должно быть то, что вы называете лощиной.

Она сквозь зубы втягивает воздух и качает головой.

— Я так не думаю.

— Правда?

— Я имею в виду, да, у нас много кукурузных полей, — говорит она, — но ты же не становишься экспертом по женской части только потому, что тебя окружает много девушек, не так ли?

— Ну... — я склоняю голову набок. Она просто шутит. — Все верно, все правильно. Ты уела меня, — уступаю я.

— А если серьезно, — продолжает она, — люди могут подумать, что Омаха — маленькое захолустье, и кроме кукурузы, мы ничего не знаем. Но, если честно, я даже никогда не была на кукурузном поле. И совершенно уверена, что не знаю, что такое лощина.

Я просто смотрю на нее и улыбаюсь.

— Ну ладно, городская девушка, вытаскивай свою красивую задницу из машины, потому что я собираюсь преподать тебе урок о жизни в провинции.

Она хихикает и соскальзывает с сиденья. Я тоже выхожу и встречаю ее возле капота грузовика.

— Итак, — говорю я, указывая прямо перед собой, — это и есть лощина. Мой дед обычно пас тут свиней. А сейчас здесь почти ничего не осталось, кроме нескольких старых построек и множества деревьев — идеальное место для грибников.

— Но что это означает? Лощина? — она снова произносит это слово так, словно оно иностранное. На самом деле, я никогда не думал, что слово «лощина» может звучать так сексуально. И тут же попытался затолкать эту мысль на задворки своего сознания, когда заметил, как она смотрит на меня.

— О, — начинаю я, — знаешь, что? — я частично прикрываю рот ладонью. — Думаю, это что-то вроде долины, — я оглядываюсь вокруг. — Но знаешь, что? Мы на самом деле не в долине, так ведь?

Она оглядывается вокруг и просто улыбается.

— Не думаю.

Я всерьез озадачен.

— Мой дед всегда называл это место лощиной. Отец тоже. И за все это время я ни разу не поинтересовался, почему.

Ее тихий смех отвлекает меня на секунду.

— Как ты собирался объяснить мне все это, если даже сам не знаешь.

— О, милочка, — говорю я, даря ей самонадеянную улыбку. — В этом вся прелесть жизни здесь. Довольно быстро ты поймешь, что названия некоторых вещей — просто слова, передающиеся из поколения в поколение. Здесь не так много любопытствующих людей. Теперь, как любой ребенок, ты можешь спросить: почему? Но немногие люди смогут тебе ответить. И мне неизвестно: это потому, что они не знают ответа, не хотят отвечать или просто забыли?

Улыбка расплылась на ее красивом лице.

— Не знаю, должна ли я смеяться над этим или плакать.

— Как я уже говорил, мы простые люди, мисс Уэскотт.

Ее голос затихает. Я слышу, как он повисает в воздухе, и пытаюсь уловить каждый его нюанс.

— Ладно, — говорю я, когда звук ее голоса полностью растворяется, — мы ищем только те, что похожи на маленькие елочки.

— Елочки, — повторяет она. — Понятно.

Мы разгребаем ногами сырую листву, скрывающую землю на протяжении всей зимы. Солнце уже поднялось и проглядывает сквозь ветви деревьев. В воздухе пахнет весной.

— А вот это дуб, — я останавливаюсь и касаюсь рукой высокого толстого ствола. — Если ты видишь один из них, то нужно хорошенько посмотреть вокруг. Дуб любит солнце. Так же, как и сморчки.

— Дуб. Солнце. Грибы. Понятно, — она разгребает листву за деревом, а я просто смотрю на нее. Видно, что она возбуждена и взволнована. Такой взгляд у нее всегда, когда она волнуется. словно прикладывает все усилия, чтобы сдержать улыбку, но все равно улыбается. И глаза так искрятся, будто она все видит впервые.

— Рэм!

Я вырван ее возгласом из своих мыслей. Обхожу дерево, направляясь к ней.

— Нашла?

— Нет, но нашла потрясающий камень.

— Камень?

— Смотри, — она протягивает его мне. — Точь-в-точь сердце.

Она переворачивает его в руке. Глаза светятся счастьем.

— Ты уверена, что не высекла его сама прямо сейчас? — спрашиваю я, рассматривая камень.

— Ну, полагаю, я тебе еще не рассказывала о своих отличных навыках в обработке камней, — смеется она и ловит мой взгляд.

А потом мы затихаем, и все, что мне хочется сделать — это поцеловать ее. Я придвигаюсь ближе, но прежде, чем успеваю коснуться ее губ, замечаю, что она на чем-то остановила взгляд.

— Постой, это он?

Я смотрю туда, куда она показывает.

— Что ж, проверим. Думаю, мисс Уэскотт, вы только что нашли свой первый гриб.

Она широко улыбается, но потом я замечаю, как эта улыбка медленно исчезает.

— А что мне делать теперь?

Я пытаюсь подавить поднимающийся изнутри смех.

— Теперь сорви его.

Она смотрит на гриб, потом на меня, потом снова на гриб. Можно подумать, я сказал поднять с земли ядовитую змею или что-то в этом роде. В итоге, она придвигается ближе к грибу, низко наклоняется к земле и заставляет себя медленно протянуть руку к сморчку.

— Это ужасно, что я боюсь к нему притронуться? Он выглядит... сопливым... и странным.

Я ничего не могу с собой поделаться и начинаю смеяться.

— Сопливый и странный! Но на вкус он очень хорош. И он не укусит тебя, — я отворачиваюсь. — Хотя, как-то раз один ужалил меня.

Она отдергивает руку быстрее, чем кошка выпрыгивает из ушата с холодной водой.

— Я просто пошутил, — говорю я.

— Рэм! — она шлепает меня по штанине, выбивая из нее облачко пыли.

— Прости, я больше не буду, — обещаю я.

Она шутливо закатывает глаза, а потом одним быстрым движением выдергивает гриб из земли. И когда она подносит его ко мне, я не могу оторваться от ее взгляда. Она выглядит такой гордой... и такой счастливой. И снова в моем сознании проносится: я люблю эту девушку, я люблю эту девушку, я люблю эту девушку. Наклоняюсь к ней и целую эти счастливые губы, а когда наш поцелуй разрывается, прижимаю ее к груди и легко целую в макушку.

— Ладно, — говорю я, вдыхая сладкий запах ее волос, — давай найдем их побольше, и тогда сможем приготовить самые вкусные сэндвичи из всех, что ты когда-либо пробовала.

— Ты не будешь против, если мы приготовим их у моих родителей?

— Твоих родителей?

— Да, это недалеко отсюда. Плюс, я почти уверен, что у меня нет яиц... и муки... и сковородки.

Она смеется, и я вместе с ней. Я мог бы купить все это заранее, но мне очень хочется, чтобы Эшли встретила с моими родителями. Думаю, это больше похоже на я-просто-хочу-показать-ее-всему-миру.

— Но я не одета для встречи с родителями.

Я оглядываю ее внешний вид: синие джинсы, розовые теннисные туфли.

— Лошадиное дерьмо! — восклицаю я. — Ты выглядишь прекрасно!

Ее глаза мгновенно устремляются к моим. На лице такое огромное удивление, словно при ней никто никогда не произносил «лошадиное дерьмо» или не называл ее прекрасной — знаю, что последнее предположение — неправда.

— Тогда ладно, — соглашается она, с улыбкой вздыхая.

— Ты боишься?

Она сжимает губы и закрывает глаза.

— Возможно, немного.

— Моих родителей?

— Я не знаю. Да?

— Не бойся. Ты им понравишься. Если тебе от этого станет легче, моя мама — учитель. И она питает слабость к детям, которые пытаются есть камни на детской площадке и за ее пределами.

— Я похожа на ребенка, который ест камни?

— Не совсем, — отвечаю я с совершенно каменным лицом.

Она немного надулась.

— Я шучу, детка.

— Детка?

Мой взгляд мечется между ее лицом и дорогой. Было рискованно назвать ее деткой. Это может ей не понравиться. Секунды тянутся. Она реально заставила меня вспотеть. И только когда я уже собираюсь вернуть свои слова обратно, ее вопрошающий взгляд сменяется улыбкой, а я облегченно выдыхаю. Она устраивается на пассажирском сиденье, поглядывая на меня. Что-то есть в ее взгляде, и это сводит меня с ума. Черт, эта девушка действительно завладела мной! Я бы прямо сейчас остановил машину, если бы не день за окном... и для остановки есть места получше, чем обочина...

Дерьмо! К черту все!

Я останавливаю грузовик прямо посреди дороги. И вот так запросто ее милый взгляд превращается в манящий. словно мы оба думаем об одном и том же. А потом, не раздумывая и не говоря ни слова, я скольжу ближе к ней. Она встречает меня на полпути, и в это мгновение наши губы соприкасаются. И прежде, чем я это осознаю, одна моя рука подхватывает ее под спину, а другая запутывается в ее волосах. Мое внимание привлекает тот факт, что одной рукой она сжимает мою рубашку, а другой притягивает за шею ближе к себе. Мои губы усиливают давление. Она жадно обхватывает их своим ртом. Поцелуй становится более глубоким. Я привык к медленным и нежным поцелуям с этой девушкой. Но сейчас это — огонь, страсть, жар, и я влюблен в каждую секунду происходящего, пока нечто не останавливает нас. Это производит эффект, подобный тому, как если бы чертов шар бульдозера рассек кабину и влетел внутрь. Громкий монотонный сигнал заставляет нас вздрогнуть. Наши взгляды быстро перемещаются в сторону звука, чтобы увидеть дурацкий пикап, стоящий прямо за нашей машиной.

— Проклятье, — выдыхаю я.

Я нежно прижимаюсь к ее лбу своим и, не знаю, почему, но на моем лице появляется улыбка. Она опускает глаза и начинает смеяться.

Еще один гудок.

— Чтоб его черти взяли! — снова ругаюсь я, качая головой. Если бы дорога была достаточно широкой, я просто махнул бы ему, чтобы объезжал. — Мы можем продолжить это позже? — спрашиваю я, все еще пропуская пряди ее волос сквозь пальцы. Ее глаза встречаются с моими, и сначала она просто улыбается, а затем кивает. — Хорошо, — говорю я, словно пытаюсь этим словом приободрить себя, убедить себя, что на самом деле смогу отпустить эту девушку и вернуть свою задницу за руль, хотя готов дать

себе пинка даже за одну подобную мысль. — Хорошо, — снова повторяю я перед тем, как вернуться на водительское сиденье и оставить ее в покое. Просто, чтобы успокоить парня позади нас. Но меня он не слишком волнует. На самом деле, думаю, что до сих пор молча проклинал бы его имя — кем бы о ни был — если бы не она. Я смотрю на Эшли. Она проводит пальцами по волосам и сжимает губы. Поймав мой взгляд, улыбается.

Черт, я люблю ее... и ее нежные губы... и ее гладкую кожу... и ее длинные спутанные волосы.

— Ну вот, мы и на месте, — говорю я, съезжая с окружной трассы на дорогу, ведущую к дому моих родителей.

— Уже?

— Эй, — говорю я, привлекая к себе ее внимание, — ты им понравишься.

Она глубоко вдыхает и слегка улыбается, пока мы едем по дороге. Примерно минуту спустя мы выбираемся из машины и входим внутрь. Зайдя в дом, я зову маму и папу, но никто не откликается.

— Ну, они точно здесь, — говорю я, — просто не знаю, где конкретно. Они появятся. А для начала, давай займемся грибами.

Мы порезали и помыли грибы, обваляли их в муке и несколько минут обжаривали на сковороде.

— Ну вот, — говорю я, кладя жареные кусочки грибов между двумя кусками белого хлеба. — Твой первый сэндвич с жареными сморчками.

— Постой, ты ничего сюда не добавишь?

Я покачал головой.

— Неа. Без всего вкуснее.

Она улыбается и кивает.

— Без всего вкуснее, — повторяет она и берет сэндвич. Смотрит на меня, потом на сэндвич, а затем откусывает. Не знаю, почему, но я внезапно начинаю нервничать. У меня нет ни одного объяснения тому, почему мне так сильно хочется, чтобы ей понравился этот дурацкий бутерброд. Она недолго жует, а затем закрывает глаза и сглатывает. Когда же она снова открывает глаза и смотрит на меня, я просто не могу этого больше вынести.

— Ну, скажи же мне, женщина! Разве это не самый лучший сэндвич из всех, что ты пробовала?

Она смеется, а затем, наконец, кивает.

— Ты хочешь знать правду?

— Да, правду, — требую я, едва сдерживаясь.

— Это лучший сэндвич из всех, что я пробовала.

— Рэммингтон! — я слышу, как мама зовет меня со ступенек подвала.

Эшли смотрит на меня. У нее нос в муке. Я целую ее туда, где муки больше, а затем стряхиваю остальное подушечкой большого пальца.

— О, привет, — мама останавливается на верхней ступеньке, увидев нас вдвоем.

— Привет, — говорит Эшли, тут же протягивая руку.

Секунду мама смотрит.

— О, сладкая, здесь у нас принято обниматься.

Она обхватывает Эшли руками.

— А ты, должно быть, та самая Эшли, — говорит она, отстраняясь.

Эшли смотрит на меня. На ее лице играет легкая улыбка, словно она не знает, что ответить, и это не вызывает у нее восторга.

— Ой, да ладно. Я не рассказывал о ней... или?

Мама закатывает глаза. Эшли поддерживает ее, даже не взглянув на меня.

— Ладно, может, я рассказывал о тебе совсем немного, — говорю я, показывая щелочку между сближенными указательным и большим пальцами.

— Синди, куда я положил эту проклятую дрель? — мой отец несетя вверх по лестнице, и через каких-то пару секунд он уже в кухне и смотрит на нас, как на двух инопланетян, вторгшихся в его дом. Ну, или что-то в этом роде. — О, — говорит он, — не знал, что у нас гости. Я бы надел парадную кепку.

Я смотрю на него с выражением полнейшего недоумения на лице.

— Папа, что за чертова парадная кепка?

— Да ты знаешь. Это та, «Кардиналс», которую ты мне подарил. Я берегу ее только для гостей, — говорит он, горделиво сидя на корточках.

— Тогда почему я никогда не видел, как ты ее надеваешь?

— Не знаю. Видимо, потому что ты не гость.

— А что насчет Джека и Майка?

— Ха, — говорит он, — ты имеешь в виду тех двоих мальчишек — как это ни странно, я не помню, когда их привезли из роддома — тех, что каждую субботу совершали рейд к моему холодильнику и съедали весь мой сырный соус?

Я просто опускаю голову и смеюсь сам с собой.

— Папа, — говорю я, снова взглянув на него, — это Эшли.

— Здравствуйте, мистер Джуд, — говорит Эшли, протягивая руку.

Мой папа берет и пожимает ее.

— Просто Кен. Мистер Джуд — это только для Джека и Майка, — он подмигивает Эшли, и она слегка улыбается.

— Вы, ребята, что-то готовили? — спрашивает мама.

— Мы просто пожарили немного сморчков, — говорю я.

— Ну, если получится, оставьте мне немного, — вставляет папа. — Я должен найти эту чертову дрель.

И с этими словами он выходит.

— Ну, было приятно познакомиться, Эшли, — говорит мама. — Я хотела бы остаться и поговорить подольше, но у меня подключен поливочный шланг, и, к тому же, надо принести мужу дрель, — она прикрывает рукой рот и продолжает шепотом: — Я прячу ее, потому что он всегда ее теряет. Таким образом, я всегда знаю, где она, когда это нужно.

Эшли дарит маме широкую улыбку.

— Нет, все нормально, — говорит она вежливо. — Было приятно познакомиться.

— Мы скоро обязательно поболтаем, — уверяет ее мама, даря еще одно объятие. Затем, пройдя пару шагов, кричит отцу: — Я нашла ее, дорогой.

И, мгновение спустя, уходит. Поэтому мы с Эшли снова оказываемся в кухне вдвоем. И

я не в силах сопротивляться желанию прижать ее к себе.

— Видишь, я же говорил, что ты им понравишься.

Она шмыгает носом:

— Ты думаешь?

Тогда я притягиваю ее в свои объятия, прижимая ее голову к своей груди. Мне это приятно.

— Я хочу познакомиться с твоей семьей, — шепчу я ей на ухо.

Она отстраняется от меня.

— Ты хочешь познакомиться с моей семьей?

— Да, — говорю я. — И я хочу увидеть, где ты выросла.

— Правда?

— Да, — уверяю я ее.

Она словно обдумывает это несколько секунд, а потом, улыбнувшись, кивает.

— Ладно, — шепчет она.

— Да? — спрашиваю я.

— Да, — подтверждает она с широкой улыбкой на прекрасном лице.

Настоящее

Рэм

— Эшли.

Она смотрит, как будто испугалась, увидев меня.

— Рэм... Привет.

— П-п-привет, — говорю я. Трудно представить, что можно заикаться на коротком знакомом слове, но мне это удастся. Все так же, как тогда в аэропорту. Хотя, я думаю, что был меньше удивлен, встретив ее там, чем здесь — в баре Авы. — Так что привело тебя в город? — спрашиваю я.

Ее легкая улыбка быстро исчезает.

— Я... хм... просто нужно было вернуться, знаешь ли, ненадолго. Мне нужно было обсудить некоторые вещи.

Я смотрю в пол и киваю головой.

— Понятно, — говорю я, прерывая ее. Я услышал то, что она недоговорила. Знаю, почему она здесь. И еще знаю, что она пришла не для того, чтобы поговорить со мной. Взглянув на нее, я заметил, что мягкая улыбка вернулась на ее лицо.

— Ну, возвращаться приятно, — говорит она.

— Уверен, что это так.

— Вижу, мы не перестали быть поводом для сплетен, — почти шепчет она, окидывая взглядом бар.

Я оглядываюсь через плечо и встречаюсь взглядом с парой человек, сидящих за столиком на противоположной стороне зала. Мы знакомы еще со школы. Заметив мой взгляд, они сразу же отводят глаза. Стараясь не рассмеяться, поворачиваюсь обратно к Эшли.

— Представь себе.

Она склоняет голову и улыбается.

— Ну, приятно видеть, что некоторые вещи не меняются.

— Да уж, — бурчу я.

А потом никто из нас не произносит ни слова, пока часы на стене отсчитывают секунды, тикая громче обычного.

— Как работа? — спрашивает она, наконец, нарушая тишину.

— Замечательно, — резко отвечаю я. — Как всегда.

Уголки ее губ немного опускаются, и я понимаю, что веду себя не лучшим образом. И в этот момент осознаю, что понятия не имею, как теперь вести себя рядом с ней. Привычным жестом я поправил кепку на голове и прислонился к стойке.

— Как продвигается писательская деятельность? — спрашиваю я, стараясь вложить больше заинтересованности в этот разговор.

Внезапно выражение ее лица становится счастливым.

— Все идет хорошо. Книга почти готова. С одной стороны, я просто не могу дождаться этого, а с другой — я совершенно напугана. Я буквально в ужасе от понимания того, что после публикации настоящие, реальные люди смогут прочесть ее.

— Настоящие, реальные люди, — повторил я с улыбкой.

Она смеется и дарит мне этот взгляд, который обычно использовала, давая понять, что ей хочется поцеловать меня. И поскольку ничего лучшего не приходит мне в голову, то думаю в этот момент о том же самом.

— Как долго ты в городе? — спрашиваю я.

— Я... хм... на самом деле, я уезжаю. Просто зашла выпить чашку чая на дорожку.

Я киваю, прерывая ее объяснение. Понимаю, что она здесь не для того, чтобы остаться, но ее слова о том, что она практически уже одной ногой за дверью, немного ранят мое сердце. Знаю, что так не должно быть. Черт возьми, я понимаю, что не должно. Она больше не моя. Черт, я даже не знаю, была ли она когда-нибудь действительно моей. Но, проклятье, я-то — ее. Как бы глупо и нереально это звучало, но я — ее. Я это знаю. Я понимаю это в глубине своей души. Никогда я не люблю другую девушку так, как любил Эшли Уэскотт. Интересно, знает ли она об этом?

— Хочешь кое-что узнать? — спрашивает она, вырывая меня из этих мыслей. Уверен, она пытается сейчас подбодрить меня. Она может не знать в точности, о чем я думаю, но легко прочитает это по моему лицу. Уверен, его выражение не самое счастливое. И все же смотрю на нее с легким удивлением. Знаю, что она не обязана быть милой со мной.

— Конечно, — говорю я, соглашаясь на продолжение игры.

— Я пыталась приготовить грибной сэндвич.

— Да? — спрашиваю я.

— Ну, я пыталась. Я действительно не смогла приготовить его так, как ты.

— Лошадиное дерьмо! — вырывается у меня. Я сказал это слишком громко, и взгляды всех присутствующих устремились на меня. Даже Эшли пораженно посмотрела, прежде чем рассмеяться. Я вижу, как уголки ее губ приподнимаются, когда она отворачивает лицо в сторону. А потом, когда она снова поворачивается ко мне, наблюдаю за ее рукой, заправляющей за ухо прядь длинных светлых волос. И потом она дарит мне этот взгляд — взгляд, заставляющий меня жалеть о том, какой я есть, и что между нами все могло бы сложиться иначе. А потом мне в голову приходит безумная идея. Скорее всего, это совершенная глупость. Но я ничего не могу с этим поделать — временами я бываю глупым. Думаю, это у меня от природы.

— Пойдем, — говорю я, поднимаясь.

— Что?

— Я заново тебя научу.

Она смотрит на меня так, будто я только что потерял рассудок.

— Где?

— Здесь.

— Ты не сможешь учить меня здесь, — она качает головой, словно пытается отогнать саму эту мысль.

— Уверен, что смогу. Подожди. У меня есть немного в машине. Я сбегая за ними.

— Ну, конечно, — говорит она с заминкой в голосе. — Ну, конечно, у тебя в машине есть грибы.

— Какой девиз у бойскаутов? — спрашиваю я, проходя через бар.

— Не знаю, — говорит она, тихо смеясь.

— Всегда будь готов!

— Но ты никогда не был бойскаутом.

— Ну, технически нет, но это только потому, что каждый, кто родился здесь, — от рождения бойскаут. Просто мы никогда не задумывались о том, чтобы дать этому название, — я оставляю ее улыбающейся в баре, а сам, толкнув дверь, направляюсь к грузовику. Я замечаю, что, впервые за долгое время, передвигаюсь вприпрыжку. Хватаю грибы и меньше, чем через минуту, влетаю в бар через заднюю дверь, направляясь к кухне.

— Рэм, что ты делаешь? — спрашивает Кристен.

— Хочу пожарить немного сморчков.

— Что?

— Все в порядке, Кристен, — заверяю я ее. — Мы быстренько.

— Ты хоть понимаешь, что это нарушение 110 санитарных норм, — говорит Кристен, упираясь руками в бока.

— Я никому не скажу, — обещаю я.

Она просто закатывает глаза и уходит в ту часть бара, где стоят столики и находится большинство людей. А я в это время кладу сморчки рядом с фритюрницей и оглядываюсь назад. Эшли стоит перед дверью в кухню.

— Давай, — говорю я, жестикулируя. — Все в порядке.

Выглядит так, будто она размышляет над этим несколько секунд, а потом бросает взгляд на Кристен.

— Бывало и хуже, — говорит Кристен, пожимая плечами. — Мне никогда не удавалось переспорить Джуда. Поэтому я перестала с ним бороться.

Эшли смотрит на меня с улыбкой и, прежде чем я это осознаю, встает вплотную ко мне.

— Это моя девочка, — говорю я.

Она одаривает меня полусердитым взглядом, но потом уголки ее губ приподнимаются. Мне все понятно.

— Хорошо. Итак, нам нужно сделать немного панировки, — говорю я, глядя на муку.

— Ох... — этот звук вырывается у нее с несколько разочарованной интонацией. Я прерываюсь и смотрю на нее. На ее лице появляется такая полуулыбка, словно она только что услышала откровение.

— Дай-ка угадаю. Ты их не панировала?

Она закрывает глаза и морщит носик. Я с хохотом откидываю голову назад. Мы готовим сэндвичи, но больше смеемся. Это длится не более пятнадцати минут, но мука везде. Даже у нее на лбу. Ничего не могу поделать — мне все сейчас очень нравится. Хочу, чтобы это продолжалось бесконечно. И уже понимаю, что буду скучать, когда все закончится. Я откусываю от сэндвича с грибами и смотрю на нее. Она сидит на стойке, болтает ногами и жует. Я могу смотреть на нее дни напролет — эта мысль так ненавистна и так приятна.

— Господи, Рэм! — всплеснув руками, Кристен входит в кухню. Мы вздрагиваем от ее пронзительного вопля. Я выпрямляюсь. Эшли спрыгивает со стойки и, едва коснувшись ногами пола, теряет равновесие. Заметив, что она вот-вот упадет, я отбрасываю сэндвич и подхватываю ее рукой за талию. На мгновение она замирает и смотрит мне в глаза. И я вижу мою Эшли. А она, клянусь, видит меня.

— Ладно... хорошо... — заикается Кристен. Ее голос звучит так, будто она извиняется за то, что чему-то помешала. — Скоро на смену заступит Карен. Просто сделайте так, чтобы здесь все выглядело хотя бы наполовину приличнее.

Я не оборачиваюсь, потому что уже знаю, что Кристен ушла. Вместо этого, убедившись, что Эшли твердо стоит на ногах, отступаю на шаг назад. Она одергивает футболку и

поправляет несколько выбившихся прядей волос.

— Спасибо, — шепчет она.

Я только киваю. Кажется, я просто не могу подобрать нормальных слов. Она смотрит на меня, а я на нее. Между нами все еще что-то есть. Я чувствую это. Но через мгновение она отводит взгляд, прочищает горло и хватает пакет с мукой, подтверждая тем самым, что момент упущен. А я просто стою и в душе вздыхаю о том, что ощущалось вечностью, прежде чем поднять свой сэндвич с пола.

Мы прибираемся и вытираем стойку, а потом я провожаю ее до машины.

— Эй, — говорю я, — ты ведь пришьешь мне книгу, когда она будет закончена, правда?

Она бросает на меня странный взгляд, значения которого я не понял. Не знаю: то ли сочувственный, то ли печальный, то ли все вместе.

— Конечно, — говорит она, кивая. Затем поворачивается и садится в машину.

— Эй, — снова говорю я, привлекая ее внимание. Жду, когда она повернется ко мне лицом. — Если бы все было по-другому, мы были бы вместе?

На ее лбу образуются маленькие морщинки. Могу сказать, что она задумалась.

— Ты имеешь в виду, если бы я жила в сказке, ты жил бы в сказке — мы оба жили бы в сказке, были бы мы вместе?

Я медленно киваю.

— Да. Вроде того.

Я замечаю ее улыбку, прежде чем она качает головой.

— Да, думаю, мы смогли бы, — она останавливается на мгновение, прежде чем сказать следующую фразу. — Если там живут долго и счастливо, у нас был бы шанс, но...

Она не договорила, но это и неважно. Я и так знаю, чем все закончится. Делаю глубокий вдох и склоняю голову, прекрасно понимая, что у нас никогда не будет «долго и счастливо».

— Рэм?

— Да?

Она сжимает губы и смотрит вдаль, словно хочет что-то сказать.

— Не имеет значения, — говорит она, тряхнув головой.

— Ты уверена?

Скажи что-нибудь, Эшли. Пожалуйста, скажи что-нибудь.

Знаю, что ни черта не могу изменить между нами, поэтому не понимаю, зачем сам себя мучаю. Но ничего не могу с собой поделать: хочу, чтобы она поверила в нас, даже если мы все испортили, даже если все это всего лишь обман.

— Да, — говорит она, глядя на меня своими прекрасными глазами. — Это неважно.

— Ладно, — нехотя шепчу я.

Она заводит машину, и я протягиваю ей чай, слегка хлопаю по капоту и отступаю назад.

— Ну, береги себя, Эш.

— Ты тоже, Рэм.

С этими словами она медленно выруливает со стоянки. Я наблюдаю за ее машиной, пока она не исчезает из виду примерно в полумиле дальше по дороге. В итоге она ушла — ушла так же быстро, как и пришла. А я просто остался с воспоминаниями о тех нескольких моментах в кухне небольшого старенького бара — сладостными, прекрасными воспоминаниями, навсегда запечатлевшими то время, где мы — это почти снова *мы*.

Прошлое — полтора года назад

Рэм

— Привет, мистер Катц.

Я снимаю кепку, стоя перед его плитой. А затем поворачиваюсь к плите Оуэна.

— Привет, дружище, — говорю я, замечая что-то скрытое за редкой травой. *Очередная открытка. Я наклоняюсь и поднимаю ее. На этот раз почтовая открытка с острова Фиджи. Переворачиваю ее. Как обычно, на обороте ничего. Пустые четыре строчки для адреса получателя. Снова переворачиваю открытку. Здесь фото острова, покрытого пальмами и окруженного бирюзовыми водами. Я вглядываюсь в картинку, пытаюсь представить себя там. Это выглядит так экзотично и так отличается от того, к чему я привык. Даже цвета отличаются от тех, что я когда-либо видел в реальной жизни. Черт, это место словно с другой планеты — даже представить не могу себя где-то в похожих краях. Я поставил открытку на надгробие и занял свое место на маленьком стульчике.*

— Итак, должно быть, ты уже знаешь. Или нет. Я не знаю, что тебе видно оттуда.

Я снимаю кепку, провожу рукой по волосам и, по привычке, сжимаю ее так, чтобы края соприкоснулись.

— Я встретил девушку.

После этого я спокойно сижу и представляю себе, что Оуэн сказал бы дальше.

— Мужик, я знаю, о чем ты думаешь: от девчонок одни проблемы. Девчонки этого не стоят.

Я одергиваю джинсы, натягивая ткань вниз к ботинкам.

— Я понял, я услышал тебя, но эта девушка другая. Я имею в виду, что она прекрасна. И она, конечно же, чертовски умнее меня. А это должно кое-что значить.

Я смеюсь и кладу кепку на колени.

— И она, на самом деле, кажется намного добрее всех, кто здесь живет. Я имею в виду, про нее действительно можно сказать, что она заботится о людях. Ты знаешь, как много здесь людей. Они видят что-то изо дня в день, и это становится частью их жизни. Ни один не задумывается о том, чтобы взять и изменить все это. Но она — да. Черт, вчера она купила «Безумный сон» — это еда в закусочной Нэнси. «Просто так», — сказала она. И знаю, что это звучит безумно, но в ее глазах есть какая-то история, и я хочу ее узнать. Я хочу знать о ней все.

Я смотрю в небо, расписанное темно-синими с белым узорами, а потом на дерево передо мной.

— Эта девушка, — говорю я, качая головой, — она просто... Она городская. А я, ну, знаешь, почти деревенский. Но она не может спокойно переносить час пик. В то же время, она может несколько часов просидеть на качелях перед домом, наблюдая за закатом солнца. И, кстати, мужик, она сексуальна. Господи, я могу продолжать все это рассказывать дни напролет.

Я перестаю смеяться.

— Но я не буду изводить тебя этим. Просто, похоже, я пытаюсь сказать: в ней так много всего и сразу, и в этом ее неповторимость... и красота.

На этом слове я останавливаюсь, совершенно не заботясь о том, что прямо сейчас Оуэн будет надо мной смеяться всего лишь за произнесенное слово «красота».

— Знаешь, я просто не был готов к ней. Я не заметил, когда она появилась. Но, думаю, это неважно, не так ли? Она здесь, я здесь, и мне радостно быть здесь с ней.

Я бездумно поднимаю с земли камень и обвожу пальцем его края.

— Плюс, ты не можешь высказывать мне много дерьма. Я все знаю о твоей девушке. Может, вы и смогли скрыть тот факт, что были влюблены, когда ты был жив, но сейчас, и можешь быть чертовски уверен, это не очень здорово получается.

Я улыбаюсь и позволяю камню выскользнуть из моих рук.

— Ты, наверное, уже знаешь об этом, если можешь видеть здесь нас всех, выставляющих себя дураками, но Джек думает, что это Кристен. Ну, понимаешь, оставляет открытки. И, черт возьми, я думаю, что это очень может быть. Я бы спросил ее, но в душе не хочу портить твой секрет. Поэтому вот, что я скажу тебе, приятель. Я просто не буду спрашивать.

Несколько минут я просто молчу и слушаю звук проезжающего грузового поезда. Он ревет и лязгает, затем гудит, а потом снова наступает тишина.

— Но... — продолжаю я, — с другой стороны, было бы неплохо однажды узнать, кто она. Ну, если ты сам захочешь рассказать мне, — добавляю я.

Мой взгляд медленно скользит по надгробному камню, на котором высечено его имя — Оуэн Катц. И я сижу, думая о нем, об Эшли, желая, чтобы эти двое могли бы встретиться.

— Думаю, она понравилась бы тебе. Она элегантна, воспитана, и все такое, но в ней есть какой-то дух свободы. Думаю, ты сравнил бы ее с Кейт Миддлтон и Кейт Хадсон вместе взятыми — если ты можешь такое вообразить.

Я позволяю пространству вокруг нас наполниться тишиной. Так тихо, что я могу услышать, как прыгает белка на соседнем дереве. Это кладбище действительно небольшое. Я ни разу никого здесь не встречал. Но знаю, что люди приходят сюда. Рядом с могилой Оуэна стоят две банки пива — значит, Джек снова был здесь. И, конечно, открытки. Я смеюсь про себя. Думаю, можно было бы установить слежку. Тогда я узнал бы, кто их оставляет. Но, в то же время, что-то мне подсказывает — Оуэн даст мне знак, когда захочет, чтобы я узнал это... и ни минутой раньше.

Через какое-то время, пока я сижу и думаю, слышится первая цикада, затянувшая свой вечерний плач, напоминая мне, что уже поздно.

— Ну что же, приятель. Думаю, мне пора сматываться, — говорю я, поднимаясь со стульчика. — До встречи.

Встаю и смотрю в последний раз на открытку. Знаю, что, когда приду в следующий раз, на том же месте будет лежать еще одна. Интересно, куда он отправится в следующий раз. Париж? Сидней? Неаполь?

Я оставляю табурет рядом с могилой Оуэна и натягиваю кепку на голову. Потом приподнимаю ее за козырек перед могилой мистера Катца и неспешно направляюсь к старым железным воротам, охраняющим вход на маленькое кладбище.

Настоящее

Рэм

Выйдя из грузовика, я направляюсь к почтовому ящику. Рабочий день был не то что трудным, а просто долгим. Когда имеешь дело с компьютерами, и компьютеры решают позлить тебя, то это добавляет веселья в атмосферу рабочего дня. В ящике я обнаруживаю пару конвертов — старая почта — и небольшой сверток. Я хватаю все, но в первую очередь рассматриваю сверток. Обратного адреса нет. Есть только мой, написанный по центру на лицевой стороне черным маркером. Я сую конверты под мышку и иду по дороге, попутно пытаюсь разорвать одной рукой упаковку, но ничего не получается. В итоге, достаю брелок и ключом от дома разрезаю ленту. Получилось.

Стягиваю ленту и открываю, наконец-то, одну из сторон коробки. Заглядываю внутрь и обнаруживаю книгу. Мои ноги тут же замирают на вымощенной маленькими белыми камешками дорожке, и мое сердце близко к тому, чтобы сделать то же самое. На обложке книги указано имя — но не просто имя. Ее имя. *Эшли Уэскотт*. Большим жирным шрифтом. А под именем — название. «*Это стоило*». В течение секунды я разглядываю обложку. На ней изображены парень и девушка. Она на качелях. Он как бы подталкивает ее. Открываю обложку и, наконец-то, чувствую, как на моих губах появляется улыбка. Вау! Она это сделала. Я смотрю на первую страницу, и тут же взгляд останавливается при виде знакомого почерка:

Рэм,

это стоило?

Это стоило? Я перелистываю страницу, чтобы посмотреть, написано ли что-нибудь на обратной стороне этой или на следующей. Это стоило? Стоило что?

Больше ничего. Только вопрос. Я закрываю книгу и снова смотрю на обложку. Имя ее, все правильно. Переворачиваю и замечаю фото на обороте книги. А еще там написано, что она живет в Лэйквэй, имеет собаку по кличке Тигр и работает над новым романом. На фото она выглядит так же, как и во время нашей последней встречи. И так же красива, как и в тот день, когда я впервые ее увидел.

Итак, сосредоточимся. Она сделала это. Написала книгу — настоящую книгу. Довольно странно ощущать гордость за нее, но я горжусь. Скольжу взглядом по оборотной стороне обложки. Там говорится, что эта книга о девочке, которая влюбилась в мальчика, и о мальчике, который разбил ей сердце.

Я дочитываю все слова, и потом до меня постепенно доходит.

О, черт!

Прошлое — полтора года назад

Эшли

— Ты уверена, что эта дорога ведет к большому городу? — спрашивает Рэм, глядя в окно.

Последние сорок пять минут мы едем по Айове. И все это время вокруг нет ничего, кроме полей.

— Терпение, мой дорогой, — говорю я, поймав на мгновение его взгляд. Он так мило смотрится на пассажирском сиденье моей машины. Кажется, он не знает, чем себя занять, когда перед ним нет руля. Первые полчаса поездки он чинил мой бардачок. Около года назад я сунула туда инструкцию по эксплуатации автомобиля, и случилось так, что она там застряла. В течение года я не могла открыть дверцу. Но сегодня это изменилось — в день, когда Рэмингтон Джуд просидел на пассажирском сиденье моей машины более пяти минут.

Следующим объектом он выбрал боковое зеркало. Видимо, оно находилось не в том положении. Он что-то рассуждал об углах, а затем просил смотреть в него каждые две секунды.

Последним объектом стало его сиденье. Скорее всего, сейчас оно идеально по высоте и углу наклона. И теперь, как я понимаю, ему больше нечем себя занять.

— Знаешь, — говорю я, возвращая его внимание. — Я никогда раньше не приводила в дом молодого человека.

Он отрывает взгляд от окна, чтобы взглянуть на меня.

— Совсем никогда?

Я качаю головой.

— Совсем никогда.

— Проклятье.

— Что? — спрашиваю я.

— Ну, теперь твои родители будут ожидать такого идеального парня лет тридцати, работающего в «Майкрософт» и водящего «Порше» или что-то в этом роде.

— Что? — я начинаю смеяться. — Почему они будут этого ждать?

— Не знаю. Я бы ожидал именно такого. И я чертовски уверен, что не ожидал бы какого-то деревенского мальчишку из Авы штат Миссури, водящего пикап.

— Тогда ты плохо меня знаешь, Рэмингтон Джуд. Потому что я предпочитаю мальчишку из Авы, водящего пикап, парню, который, вероятно, слишком злоупотребляет гелем для волос.

Он смотрит на меня и улыбается.

— Эшли Уэскотт, ты слишком хороша для меня.

— Я знаю, — говорю я с широкой улыбкой на лице.

— P.S., я не пользуюсь гелем для волос.

Я смотрю на него — его лицо абсолютно серьезное.

— Я знаю, за это ты мне и нравишься.

Он протягивает руку и отрывает мои пальцы от рулевого колеса.

— Не могу дождаться встречи с твоей семьей, — говорит он, целуя мои пальцы, а потом сжимает мою руку в своей.

— Они любят тебя, — обещаю я. — И твой гель для волос.

Он просто дарит мне довольную ухмылку, а потом снова смотрит в окно. И все, о чем я могу думать: как мне могло настолько повезти, что я встретила такого мужчину?

На въезде в Омаху движение на дороге уплотняется — несколько километров мы тащимся бампер к бамперу — но потом все приходит в норму. Мы съезжаем с дороги, и могу сказать, что Рэм начинает нервничать. Он волнуется. У него тот взгляд, который появляется перед началом игры, или когда я соглашаюсь на что-то, вроде похода за грибами. Точно могу сказать, что он взволнован, и это делает меня счастливой.

— Кстати, моя младшая сестра Лана приехала домой на выходные, чтобы познакомиться с тобой, — говорю я. — Она учится в университете Небраски и немного увлечена хиппи — это просто, чтобы ты был в курсе.

— Чем?

— Хиппи. Ну, ты знаешь? Мама считает, что у нее просто такой период, но я так не думаю.

— Ох... не думаю, что когда-нибудь встречался с настоящими хиппи, — говорит он, выглядя немного испуганным. Я вижу выражение его лица и смеюсь. У него это выглядит так мило.

— Не волнуйся, — говорю я. — Она любит всех.

— Ладно, — шепчет он. Сделанный им глубокий вздох не остается незамеченным.

— Серьезно, — говорю я, — тебе не о чем беспокоиться. О, и я упоминала, что мой отец — бывший морской пехотинец?

— Что? — почти выкрикивает он.

— Шутка, — говорю я.

— Черт, девочка, — бормочет он, опустив голову. — Ты пытаешься меня убить, я знаю это.

Я просто смеюсь и выхожу из машины. Встретив его с пассажирской стороны, я беру его за руку. Он тут же смотрит вниз на наши руки.

— Думаешь, мы должны держаться за руки? — спрашивает он.

— Рэм!

— Ну, я не знаю! Я все еще не убежден, что твой отец не является кем-то большим и важным, и совсем не уверен, кого больше мне следует бояться: его или твою сестру.

Стараясь подавить смех, я целую его в щеку.

— Вот кого ты действительно должен бояться, так это мою маму, — шепчу я ему в ухо.

Он дарит мне испуганный взгляд, и это абсолютная умора — адский испуг безо всякой причины.

Мы входим внутрь, и я ставлю свою сумку на пол рядом с кучей обуви. И тут же сладкий запах корицы заполняет мои ноздри. Я дома.

Дом моих родителей пропитан запахом корицы с тех пор, как однажды моя сестра упомянула при маме, что он улучшает работу мозга. Это было почти три года назад. Теперь, почувствовав запах корицы, я не могу не думать о доме.

— Мама, — зову я. — Мы здесь.

— Эшли, — моя сестра вбегает в холл и обхватывает меня руками, а потом, без особых колебаний и предупреждений, она обхватывает руками Рэма. — У тебя хорошая аура, — говорит она, отстраняясь от Рэма. — Я это чувствую.

Рэм просто улыбается и кивает. Думаю, он просто не знает, что сказать... или сделать.

— Это хорошо, — говорит моя сестра.

— Лана, — говорю я, улыбаясь. — Это Рэм.

— Рэмм?.. — мурлычет она, растягивая последний звук его имени. — Это сокращенно от какого имени?

— Рэмингтон, — отвечает Рэм.

— Хорошо, — говорит она. — В таком случае, могу я звать тебя Рэмингтоном?

Рэм смотрит на меня, а потом улыбается Лане.

— Конечно, если хочешь.

Лана склоняет голову.

— Думаю, хотела бы.

И с этими словами она протанцевала прочь — буквально влетая в следующую комнату — в то время как Рэм наклоняется и шепчет мне на ухо:

— Она сказала, что я хорошо пахну?

— Да, — говорю я, улыбаясь, — что-то вроде того.

— Дорогая, ужин почти готов, — мама неожиданно появляется в коридоре и целует меня в щеку, прежде чем повернуться к Рэму. — А вы, должно быть, тот молодой человек, о котором мы столько слышали.

Рэм смотрит на меня с довольной ухмылкой, после чего переводит взгляд на маму.

— Здравствуйте, миссис Уэскотт, — и протягивает ей руку. Мама пожимает ее.

Мой отец говорит, что о человеке можно многое узнать по его рукопожатию. Поэтому знакомство с новыми людьми в нашем доме начинается с рукопожатия.

— Мама, это Рэм, — говорю я.

— Ну что же, приятно познакомиться с тобой, Рэм.

Рэм просто кивает и улыбается. Он выглядит застенчивым, но, в то же время, некоторым образом, уверенным в себе. Думаю, как раз это мне так сильно нравится в нем. Он всегда такой — словно два в одном. Например, он не может быть только милым. Он должен быть милым и сексуальным. Или если он говорит мне, что я красивая, то обязательно шепотом или хриплым голосом, с голодным блеском в глазах. Или даже когда он расстроен, его лицо будто говорит: я не откажусь от тебя.

— Почему бы вам не пройти в столовую, — мамин голос звенит в ушах, разбивая мои мысли.

Я улыбаюсь Рэму.

— Ты им понравился, — шепчу я ему на ухо и замечаю, что его плечи как будто немного расслабились. Потом беру его за руку и веду в соседнюю комнату. Там мой папа как раз

ставит миску вареной моркови на стол.

— Папа, — говорю я, — это Рэм.

— Привет, — здороваются папа, потерев друг о друга ладони, прежде чем протянуть руку Рэму. Рэм берет ее и пожимает.

— Приятно познакомиться с тобой, сынок, — говорит отец.

Рэм вежливо улыбается. И еще я не пропускаю тот еле заметный папин кивок в мою сторону. Он делает так всю мою жизнь. Каждый человек, которому он пожимает руку, либо удостаивается его кивка, либо нет. Это его способ дать мне понять, кто «годится», а кто «не годится». Кивок означает, что этому человеку можно доверять. Отсутствие кивка: я не хочу, чтобы ты находилась с ним в одной комнате. Я знаю эту процедуру и вздыхаю с облегчением, когда получаю кивок, даже если для меня это просто формальность. Я уже доверяю Рэмингтону Джуду и не думаю, что есть нечто в этом мире, способное убедить меня в обратном.

Вскоре после этого мы все садимся за стол. Я занимаю свое место, Рэм рядом со мной. Моя сестра напротив нас, а родители рассаживаются по обоим концам стола. Пока мы едим, мои родители расспрашивают Рэма обо всем: о том, где он живет, какие телепрограммы смотрит. Мой папа почерпнул это из ТВ-шоу. Если вы смотрите спорт или исторический канал, значит, в его классификации вы в разряде «годится». Если вы говорите, что смотрите что-то другое, то автоматически попадаете в его список тех людей, в которых он не уверен. Рэм сказал, что смотрит много спортивных передач, так что, полагаю, тест пройден.

— Рэмингтон? — произносит моя сестра в одну из пауз в разговоре. Она говорит в своей обычной мягкой и задумчивой манере. Рэм, жуя, поднимает глаза от своей тарелки. — На какую сторону фасада твоего дома?

— Прости?

— Ты живешь в доме? — спрашивает она.

— Ой, да, — запнулся Рэм.

— На какую сторону выходит фасад?

Мама закатывает глаза и улыбается. Папа ведет себя так, словно не слышит вопроса. Думаю, он считает, что если «не слышал» вопроса, то он и не был произнесен. Ни один из моих родителей до сих пор полностью не согласен с ее образом жизни.

— Ох, мм, на восток, я уверен, — говорит Рэм.

— Хорошо, — Лана кивает и возвращается к поеданию сырой моркови.

— Хорошо, — просто повторяет Рэм с улыбкой.

Ужин проходит без потерь. Потом Лана отправляется в свою комнату. Мама с папой уходят в гостиную. А я веду Рэма на заднее крыльцо.

— Ты сделал это, — говорю я.

— Я сделал это, — повторяет он.

Я сажусь на скамейку с мягкой обивкой, и он присоединяется ко мне.

— Думаешь, я им понравился?

Я нахожу его взгляд. Сейчас вокруг нас темнеет, но я все еще могу разглядеть прекрасное море его глаз.

— Я думаю, они полюбили тебя, — говорю я.

— У тебя клевая сестра.

Я киваю.

— Она очень похожа на нашу бабушку — ту, что рассказывала нам про бамбуковые стебли.

— Да, — говорит он, будто вспоминая. — Я прямо вижу это. И уверен, что у твоей сестры тоже есть один из этих любовных бамбуковых стеблей.

Я смеюсь.

— У нее есть. Но у нее не любовный стебель. У нее стебель с десятью отростками, что означает завершенность.

— Ааа, — протягивает он, немного отклоняя назад голову. — Звучит неплохо. Но, должно быть, это чертовски большой стебель.

— Это так, — соглашаюсь я. — Он занимает, вроде как, весь ее стол в комнате наверху.

Он негромко усмехается.

— Иди сюда, — говорит он затем, притягивая меня ближе. Я опускаю голову ему на грудь. Он теплый и пахнет одеколоном. Я люблю его запах. — Итак, здесь ты выросла? — спрашивает он.

— Да. Недалеко отсюда есть парк, в котором я проводила большую часть времени каждое лето. На самом деле, именно там я получила свой первый перелом, когда сломала руку, упав с турника.

— Первый?

Я киваю.

— Да, я сломала ее снова в средней школе, играя в софтбол. И не спрашивай меня, как. В одну секунду я поскользнулась, а затем почувствовала эту острую боль, и неожиданно это стало вторым переломом руки, — я поднимаю вверх два пальца.

— Вау, — восклицает он, — ты крутая.

Я просто смеюсь ему в грудь.

— Которая? — спрашивает он.

— Правая.

Я поднимаю свою правую руку, и он прокладывает дорожку из нежных поцелуев от локтя до запястья. Ощущение его губ на моей коже вызывает прилив тепла к лицу. Пытаясь скрыть это, я сильнее утыкаюсь ему в грудь.

— А дальше по дороге — примерно в миле отсюда — моя старшая школа, — говорю я после его последнего поцелуя на моей руке.

— Как думаешь, ты обратила бы на меня внимание в старшей школе? — спрашивает он.

Я смотрю в его глаза.

— Не представляю, как смогла бы не сделать этого.

— Даже если бы я был второкурсником, а ты...

— Я все равно заметила бы тебя.

— Мы могли бы влюбиться в старших классах.

— Могли бы, — говорю я, мягко усмехаясь. — На самом деле, у меня не было школьной любви.

— Серьезно?

— Неа, — подтверждаю я.

— Это сюрприз для меня.

— Ну, ты не был знаком с парнями из моей школы.

— Бедняжка, — говорит он, осторожно проводя ладонью по всей длине моей руки.

Контраст от прикосновения его шершавой ладони к моей коже каким-то образом действует на меня успокаивающе.

— Ну, у меня тоже не было школьной любви, — говорит он, прижимая меня крепче. — В моей жизни было слишком много придурков, настраивавших меня против этого.

— Нееет, — говорю я ехидно.

— Понимаю, в это трудно поверить, — говорит он.

Я чувствую смех, зарождающийся в его груди, еще до того, как он срывается с губ. Затем он затихает, и я просто пытаюсь впитать в себя все детали этой ночи, в том числе и то, как мой отец смеялся над его шутками и как мама улыбалась ему. Они увидели в нем то же, что и я. И то, что я вижу, — это только начало того, что я чувствую к этому молодому человеку.

— Эшли?

— Ммм? — я поднимаю на него взгляд, не желая отрывать голову от его груди.

— Теперь это один из моих самых любимых моментов в жизни.

Я широко улыбаюсь.

— Рэм?

— Да?

— Я счастлива, что ты здесь.

Я слышу его дыхание — вдох-выдох — и чувствую, как при этом поднимается и опадает его грудь.

— Я тоже, — говорит он. — Я тоже.

И на этом я зарываюсь глубже в его мускулы и чувствую, как он крепче сжимает меня в объятиях. В этот момент я не вспоминаю о боли, она ощущается сейчас очень далекой. Теперь все просто представляется таким счастливым, полным жизни, любви и возможностей. Я изо всех сил хочу удержать эти ощущения. Не хочу и думать, что могу это потерять. Не хочу представлять, что могу потерять Рэммингтона Джуда. Я влюбляюсь в него. Знаю, что это так. Я пропадаю из-за Рэммингтона Джуда.

Прошлое

Эшли

— Рэммингтон, — напеваю я его имя, потому что думаю, ему нравится, когда я так делаю.

— Что, детка?

Я подхожу к нему сзади и обнимаю за шею.

— Не ходи сегодня на работу, — шепчу я ему на ухо. — Останься дома и поиграй со мной.

Я целую его в гладко выбритую щеку и крепче обнимаю за плечи. Он раскачивается в своем кресле, и я сажусь к нему на колени.

— Мы можем погулять вдоль реки или съездить на ферму твоего дедушки... или развести костер и пригласить весь город, — от последнего он поеживается, и я смеюсь. — Или ... — говорю я, — мы можем просто свернуться калачиком на диване и весь день смотреть старые фильмы.

— Я думаю, — говорит он, поднимаясь вместе со мной. Я игриво визжу и закидываю руки ему на шею, а он подхватывает меня одной рукой под колени, а другой под спину и несет в сторону гостиной. Укладывает меня на диван и целует в лоб. — Я думаю, что последнее мне нравится больше, — говорит он, осторожно опускаясь на меня. Его рот сближается с моим. Я чувствую его теплое дыхание и нежное прикосновение губ. — Я люблю тебя, Эшли Уэскотт.

Моя улыбка начинает исчезать. В сердце возникает какое-то небольшое жжение. Я не слышала этих слов очень давно. Но я смотрю в эти глаза и вижу его: мужчину, такого родного, сексуального, любимого, такого моего.

— Я... — я беру в ладони его загорелое лицо. — Я тоже люблю тебя, Рэммингтон Джуд. От моих слов уголки его губ приподнимаются.

— Я давно должен был сказать тебе это, не так ли? — спрашивает он.

Ничего не могу с собой поделать и улыбаюсь.

— Днем раньше я бы не поверила тебе.

Он смотрит на меня с таким страстным желанием, и я не думаю, что смогу когда-нибудь этим насытиться. Я чувствую себя единственной в мире девушкой для него.

— И, — говорит он, засовывая руку в карман и вытаскивая маленький блестящий ключ, — я хочу, чтобы это было у тебя.

— Что это? — спрашиваю я и беру ключ в руку.

— Это мой запасной ключ.

— Отсюда? От твоего дома?

Он просто кивает, и я чувствую, как моя улыбка становится шире.

— Ты знаешь, Эшли Уэскотт, — говорит он тихим хриплым голосом. То, как он произносит мое имя, заставляет меня сосредоточиться. — Я понимаю, что, вероятно, был шанс — до того, как мы встретились — что наши пути в этой жизни никогда не пересекутся, — он слегка пожимает плечами. — Знаешь, может, это был некий выбор,

который мы сделали или не сделали. И это — или что-то еще — заставило наши пути изменить направление, но мы могли бы разминуться всего лишь на сантиметр. Конечно, мы никогда бы не узнали об этом и жили бы дальше в блаженном неведении того, что пропустили... Я не знаю, может, мы вступили бы в брак с другими людьми и имели бы по паре ребятшек. И, возможно, прожили бы с этими людьми до старости, — он замолкает и опускает глаза, прежде чем снова найти мои. — Но знаю, если бы случилось так, если бы я никогда не пересекся с тобой, я никогда не познал бы любовь. Потому что, насколько я понимаю, есть только одно определение любви... и я убежден, что оно лежит прямо здесь, рядом со мной.

Он произносит последнее слово, наклоняется и прижимается своими губами к моим.

— Ты знала это? — спрашивает он, отстраняясь от моих губ и оставляя дорожку нежных поцелуев на моей шее.

Я не могу выдавить из себя ни слова. В моих глазах слезы — они словно прорываются из глубины моей души, а его поцелуи заставляют меня тонуть под его телом в омуте сладкого головокружения. И оставив еще один, последний, поцелуй на моей ключице, он обнимает меня и притягивает к себе. Я чувствую себя так безопасно в этой счастливой тишине. И вскоре слышу, как он начинает напевать нежную мелодию возле моего уха. Я узнаю ее. Это песня, под которую мы впервые танцевали. Эту песню мы слушали, когда я думала, что мы оба знаем — у нас впереди долгий путь. Я сжимаю ключ в ладони и прижимаюсь щекой к его груди, вдыхая его запах. Я люблю этого мужчину. И в этот момент не сомневаюсь — я была права насчет этого места и переезда сюда. Для меня Ава — это развилка на дороге. Это место словно исцелило мою душу и похитило мое сердце. Спасибо Господу за этот маленький городок. И спасибо Господу, что Рэммингтон Джуд называет его домом.

Настоящее

Рэм

— Привет, Джек, — бубню я себе под нос. Мои мысли рассеяны, словно находятся где-то не здесь.

— Привет, Рэм. Бери стул, — он произносит это слишком бодро.

Я бросаю куртку на старый деревянный стул напротив него. Прежде чем сесть, я украдкой оглядываю взглядом небольшой бар, проверяя, кто здесь.

— Спасибо, что встретился со мной здесь, — говорю я.

— Нет проблем. Итак, что случилось?

Я опираюсь на стол. В баре никого, кроме старика Сигера, который уже не слышит, но я не хочу рисковать.

— Короче, помнишь, как мы однажды шутили над тем, что она пишет книгу?

Джек молчит секунду, а затем склоняет голову в сторону.

— Эм, да?

— Нуууу... — тяну я.

Он не двигается. Просто прищуривает на меня глаза.

— Подожди, что ты сказал?

Я чувствую, как под его взглядом долгий растянутый выдох прорывается через мои губы.

— Я сказал, что она написала книгу.

— Эшли?

— Да, — говорю я.

— О тебе?

— Ну, не совсем. Но очень близко, если ты понимаешь, о чем я, — я снова окидываю взглядом бар, прежде чем опять посмотреть на него.

— Вау, — он произносит это слово, как будто пытается уложить все в своей голове. Затем откидывается назад, пока обе ножки стула не отрываются от пола. — Вау, — говорит он снова.

Я сижу на стуле и просто смотрю, как он качает головой.

— Она про тебя? Ты узнал? — говорит он.

Я пожимаю плечами и открываю рот, чтобы опровергнуть это утверждение, но ничего не получается.

— Ну...? — спрашивает он.

— Что, ну?

— Ну, что она говорит?

Я тру шею.

— Я не знаю. Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что она говорит о тебе?

— Не знаю. Я просто прочитал несколько глав. Книга оказалась в моем почтовом ящике прошлой ночью, когда я вернулся домой.

Я не скажу ему, что прекратил читать, потому что меня это слишком задело за живое. Я не скажу ему, что просто испугался. Эту часть я опущу.

Джек разглядывает потолок бара, словно это самая интересная вещь в мире.

— Вау, — восклицает он снова, все еще качая головой. Он делает это довольно долго, пока окончательно не возвращает свой взгляд ко мне. — Ты должен дочитать эту книгу.

Резким выдохом я выталкиваю, кажется, весь запас воздуха из легких.

— Серьезно, что ты делаешь здесь? — спрашивает он. — Иди, дочитывай.

— Я просто... Ну, так и что с того?

— Что значит «что с того»?

— Ну, так и что с того, что она это написала? — спрашиваю я. — Что с того, если это звучит знакомо? Ну и что?

— Ну и что? — он смотрит на меня так, будто я несу какую-то чушь. Затем опускает ножки стула на пол и склоняется над столом. — Это твоя жизнь, чувак. Если все правильно описано в начале, то и концовка должна быть правдивой, верно? Или, по крайней мере, такой, которую она считает правдивой. Правильно?

Он придвигает стул еще ближе и упирается локтями в стол.

— Разве ты не хочешь узнать, о чем она думает? Не хочешь узнать концовку? Я имею в виду, ведь она просто встала и ушла. Просто так. Разве тебе не интересно узнать, почему?

Я сижу и минуту обдумываю сказанное им. А затем медленно качаю головой.

— Нет.

— Давай, мужик. Ты должен прочесть это, — он хлопает меня по руке и садится обратно на свой стул.

— Я не хочу знать.

— Но ведь это твоя жизнь, чувак.

— Это глупо.

— Это? — спрашивает он.

Он делает большой глоток пива и ставит его обратно на стол. Я громко вздыхаю, в основном из-за того, что мне нечего сказать. Звучит глупо, но, кажется, он попал в точку. Что если книга является сообщением и написана именно с этой целью? Но что она может сообщить? Что она может рассказать такого, что способно что-то изменить?

Я качаю головой.

— Нет.

— Нет? Что значит — нет?

— Нет. Я не буду это читать.

Он смотрит на меня, будто хочет спросить, почему, но не делает этого.

— Кто сказал, что я должен прочесть эту чертову вещь? — спрашиваю я.

Его локти на столе.

— Чувак, позволь мне высказать свое мнение, — он подпирает пальцем подбородок. — Представь, что кто-то просто подарил тебе машину времени и хрустальный шар предсказаний, а ты даже не попытался заглянуть ни туда, ни сюда... И все?

Я качаю головой.

— Я предпочел бы не представлять снова, как все это разыгрывалось, и предпочитаю не знать, чем бы все это сейчас закончилось. В конце концов, я разберусь с этим — так или иначе.

Джек делает долгий глубокий вдох, после чего скрещивает руки на груди.

— Справедливо, — кажется, он признал свое поражение. — Хорошо, тебе не нужно читать книгу. Но ты не сможешь удержать весь этот чертов город от того, чтобы прочесть ее. И тебе известно — как только они поймут, откуда дует ветер, то захотят приложить к этому руку и слетятся быстрее, чем мухи на дерьмо.

На этот раз мои локти оказываются на столе. Подперев подбородок ладонями, я сижу и проигрываю все это в голове. В итоге, я откидываюсь на спинку стула и пожимаю плечами.

— Пусть читают.

Я пытаюсь вложить в эти слова все безразличие, на которое способен, но даже простая мысль о том, что весь чертов город узнает эту историю, пугает меня.

— Значит, ты согласен с ними, с их мнением о том, как ваша история развивалась... и как она закончилась?

Огонь разгорается в моей груди. Он охватывает легкие, добирается до горла и не дает дышать.

— Насколько я могу судить, история Рэма и Эшли закончилась в тот момент, когда она ушла, — говорю я.

После этого встаю, хватаю куртку и иду к двери, пока весь этот огонь не достиг моих глаз и не пролился слезами. Но перед тем, как толкнуть дверь рукой, я слышу громкий и четкий голос Джека за моей спиной — жаль, что не успел выйти.

— И насколько причина в ней?

Я останавливаюсь.

— Это взяло и закончилось в один момент, поскольку причина в ней? — повторяет он снова, на этот раз немного спокойнее.

Я делаю вид, что игнорирую его последние слова, и выбегаю из бара. Джек знает, что этим на меня лучше не давить. Это единственная вещь, способная меня сломать.

Прошлое — полтора года назад

Эшли

— Ты слышишь это?

— Слышу что? — спрашиваю я.

— Цикады. Они плачут, — шепчет Рэм.

Я слушаю. И словно впервые — хотя знаю, что это не так — я слушаю их. Я слышу громкие вибрации крыльев, звучащие как шум поездов, мчащихся по рельсам. Звук непрерывный — сплошной поток ритмичных ударов и эхо от них. И когда ты фокусируешься на нем, он становится почти оглушающим.

— Почему они плачут? — шепчу я ему на ухо.

Он сидит, привалившись спиной к перилам крыльца, а я, как обычно, прижимаюсь к нему в небольшом пространстве между его руками и ногами — мое маленькое владение.

— Потому что они знают... — он останавливается на мгновение. Его слова затихают и рассыпаются, как нежная поэма или грустная песня. Но я молчу, и плач цикад медленно окутывает нас. И я жду. Я слышала эту печальную песню прежде.

— Потому что они познали бессмертие... но не вечную молодость, — продолжает он.

Я смотрю на него снизу вверх, и его светлые глаза встречаются с моими. Он заправляет прядь волос мне за ухо — я люблю, когда он так делает.

— Они плачут, потому что у нас есть то, чего хотят они: быть смертными, — рассказывает он. — Знаешь, был такой греческий бог Тифон, и он полюбил богиню Аврору. Однажды Аврора попросила Зевса сделать Тифона бессмертным, как и она, чтобы они могли вечно жить вместе. Но она забыла одну вещь, — он прижимается губами к моей щеке. — Она забыла попросить о вечной молодости для Тифона, — шепчет он тихо возле моего уха. — И вот Тифон состарился и жил, навечно скованный цепями старости. В конце концов, он превратился в цикаду и провел остаток вечности, ненавидя свое бессмертие.

Я позволяю пройти нескольким минутам, чувствуя, как тепло солнечного дня уходит, легко касаясь наших лиц.

— Где ты услышал это? — в конце концов спрашиваю я..

— Что?

— Легенду, — говорю я охрипшим от волнения голосом.

— О, — он, кажется, задумался. — Я не знаю. Эта история, наверное, так же стара, как и этот город. Не могу сказать, потому что не знаю. Но все вокруг знают эту легенду.

— Ох, — выдыхаю я, чувствуя, как мои плечи снова расслабляются.

— Это просто легенда. Я в это не верю. Не волнуйся — я не сумасшедший.

— Я знаю, — говорю я, снова улыбаясь. — Мне понравилась эта история.

Я делаю вдох и, протянув руку, запускаю пальцы в его темные волосы. Я не говорю ему, что слышала это раньше. Просто закрываю глаза и, позволив голове откинуться к его сильной груди, слушаю грустный плач цикад.

— Думаю, я приняла бы бессмертие, даже если бы это означало не сохранить вечную молодость, — говорю я, помолчав. — Думаю, я была бы счастлива, зная, что могу навсегда

остаться с тем, кого люблю.

— Звучит неплохо, — говорит он, обнимая меня под грудью и прижимаясь губами к моей макушке. — Но дело в том, что наши легкие дышат, сердца радуются, наш разум отсчитывает время... Видишь, мы не вечны, поэтому дорога каждая минута. Каждый миг имеет значение.

Я мысленно повторяю его слова. Я хочу поверить им. Этим вечером они звучат так прекрасно. Но мне также хорошо известно, что если завтра я его потеряю, то буду по-прежнему хотеть вечности вместе с ним. Я так сильно его люблю. Я словно чувствую его в каждой косточке. Он будто стал частью меня, элементом моей ДНК. Я люблю его. Мне нравится, что он не боится ходить с моим именем, написанным на его сердце для всеобщего обозрения. Мне нравится, что он заставляет меня смеяться, то, как он произносит что-то, пародируя меня, так чертовски похоже. Я люблю, что он может быть уверенным и застенчивым, и неуклюжим — и, зачастую, все это одновременно. И я люблю то, что он любит свою семью и друзей. Знаю, что он все для них сделает, и это заставляет меня верить, что и для меня тоже. И я знаю, что это звучит глуповато, но с ним я всегда чувствую себя... желанной. Независимо от того, надеты ли на мне грязные ковбойские сапоги или туфли на каблуке, он ведет себя так, как будто не может мной насытиться. И какая девушка не захочет этого? Он, на самом деле, удивительный человек. Я думала, что встретила с Навсегда в прошлом, но, оказывается, Навсегда ждал меня все это время в маленьком городке под названием Ава.

Настоящее

Рэм

Я сижу за кухонным столом. Сейчас вечер субботы, и я не выходил отсюда весь день. В моих руках ее книга. Я продолжил с того места, на котором остановился перед разговором с Джеком. Думаю, я всегда знал, что прочту эту книгу так быстро, насколько способен. Кажется, я просто хотел, чтобы Джек мне сказал не делать этого. Мне хотелось, чтобы он сказал, что это нормально — не желать знать, чем заканчивается моя история. Но, естественно, Джек этого не сделал. И в глубине души я понимал, что он этого не сделает. И вот я здесь, смотрю, как на страницах книги разворачивается полотно моей жизни, переданное через двух персонажей, с которыми пару дней назад я начал знакомство. Некоторые главы читать тяжело. Я стараюсь пробежать слова в них так быстро, как могу. Зато другие главы я перечитывал по несколько раз. Например, тот отрывок, где они впервые пошли за грибами, или о том моменте, когда они впервые поцеловались, там, у черной реки. А ту часть, где он пригласил ее на танец, перечитывал, наверное, раза четыре. А затем, слишком уж быстро, на мой взгляд, я добираюсь до последней страницы и переворачиваю ее. И глаза сразу же перемещаются к нескольким предложениям, следующим за финалом книги:

Я знаю, что это не должно быть безболезненным. Я знаю, что оно должно стоить этого — стоить всех этих белых шрамов, вырезанных на сердцах друг друга, стоить этой истории, которую мы с такой болью, но, к счастью, все же выгравировали собственными руками на хрупкой поверхности наших душ.

Но стоит ли?

Стоит ли, зная, что сейчас ты и я будем отмечены в вечности? Стоит ли, зная, что когда-нибудь ангелы увидят наши души, прочтут и узнают? Они будут знать, что однажды у нас была одна жизнь на двоих — та, что на земле. И хотя наши пути разошлись, наши сердца и наши души шли бок о бок.

Да, я знаю — это не должно быть безболезненным. Считается, что любовь не может быть без боли. И предполагается, что она того стоит. Но все, что занимает мои мысли до сих пор, это: стоило ли? Стоило ли всей этой боли? Стоит ли все это... для тебя?

Я переворачиваю страницу.

Конец.

Я читаю последнее слово и медленно закрываю книгу. А потом очень долго смотрю на белую стену перед собой. Кажется, я ожидаю, что вот-вот что-то произойдет. Я почти жду, что стена сдвинется и появится она, словно все это время наблюдала за тем, как я перечитывал страницы нашей жизни. Или, возможно, ожидаю, что реальность вторгнется в меня, я проснусь и пойму: все, что я когда-то знал, — это просто сон или какая-то хорошо написанная повесть. Но ничего из этого не происходит.

Ни-че-го.

Поэтому я просто сижу здесь и пялюсь на стену, пока каждая моя вена, каждая моя косточка, каждый миллиметр моего сознания наполняется словами: *стоит ли все это... для*

тебя?

Настоящее

Рэм

— Ладно, что случилось? Чего ты хочешь? Мне пришлось ради этого одеваться. Я не смог найти чистые боксеры, так что вынужден был выйти без трусов под этими старыми трениками, поэтому...

Я тут же останавливаю его.

— Господи, я не так уж и благодарен тебе за красочное описание, чувак.

Он садится на стул напротив меня. В зале тихо. Обычное дело для воскресного вечера. Из музыкального автомата раздается какая-то старая песня, и, кроме нее, никто и ничто не нарушает тишины.

— Я прочитал.

Это все, что я говорю. А потом сижу и смотрю, как его лицо, до этого утомленное и апатичное до чертиков, вдруг загорается, словно лампочки на рождественской елке.

— Ну, и что она говорит?

— Ну, ребята, вы не вляпались ни в какие неприятности? — Кристен ставит бутылку перед Джеком.

Джек упирается локтями в стол и улыбается ей.

— А я когда-нибудь вляпывался в неприятности? — спрашивает он.

— А кто на прошлой неделе устроил экстремальные гонки с тем парнем, Фишером из Типтона? — говорит она, упирая руки в бедра.

Джек смотрит на нее с изумленным выражением лица.

— Клянусь, девочка, ты знаешь меня, как прочитанную тысячу раз книгу. Почему мы до сих пор не женаты?

Кристен закатывает глаза и переключается на меня. Вглядывается в меня несколько секунд, а потом склоняет голову набок.

— Ты говоришь об Эшли, не так ли?

Я прищуриваю на нее глаза.

— Что?

Она поворачивается к Джеку.

— Всякий раз, когда у него такое лицо, я слышу ее имя, — говорит она и вновь переключает внимание на меня. — Это действительно не секрет, сладкий.

— Хорошо, ты нас раскусила, — говорит Джек, вскидывая вверх руки.

— Проклятье, Джек, — говорю я, опуская глаза и качая головой.

— Не волнуйся, малыш, — говорит Кристен, опуская руку мне на плечо. — Я уже знала это.

Она оставляет нас, и я бросаю хмурый взгляд на Джека.

— Меня она никогда не называет *сладким*... или *малышом*, — говорит Джек, провожая ее взглядом.

Я игнорирую его, потому что он явно игнорирует меня. И, черт возьми, я не говорю об Эшли, во всяком случае, не столько, чтобы иметь при этом особенное «лицо».

— Эй, Крис, у тебя здесь осталось что-нибудь из еды? — обращается Джек к Кристен.

— Кухня закрыта, — кричит она через плечо.

— Что-нибудь, — просит он.

В ответ ему тишина, и его взгляд, в конце концов, возвращается ко мне.

— Итак, ты прочитал ее?

— Да, — говорю я, кивая. — Она, или Джен, заканчивает...

— Джен?

— Да, главная героиня, — поясняю я. — Ее зовут Джен. Но, в любом случае, она заканчивает...

Возвращается Кристен и бросает на стол пачку чипсов. Джек смотрит на Кристен взглядом, полным обожания, но я не могу утверждать, сарказм ли это или реальное положение вещей.

— Я люблю, когда ты готовишь для меня, детка, — говорит он.

Кристен отмахивается и закатывает глаза.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Да-да. Не ешь слишком быстро. Это все, что ты получишь.

Джек разрывает пакет и, запрокинув голову, высыпает себе в рот половину содержимого упаковки. Между тем, Кристен поворачивается ко мне.

— Знаешь, ты подлетел слишком близко к солнцу.

Я смеюсь. Может, звучит и нервно, но, все равно, это смех.

— Что это должно означать?

— Это значит, что ты играешь с огнем. Ты обожжешься.

— Проклятье, девочка, — смеюсь я, — прекрати говорить загадками.

Она улыбается и пожимает плечами.

— Слушай, мне неизвестно, что между вами двумя произошло. Все, что я знаю, — она ушла. И не пойми меня неправильно. Я любила Эшли и не понимаю, почему вы двое не вместе. Я всегда думала, что вы поженитесь и заведете детей. И даже выбрала платье для свадебной церемонии, — она делает паузу, а потом продолжает. — Но она причиняет тебе боль, Рэм. Она огонь. Ты должен просто смириться с этим.

— Кристен, — говорю я, — Эшли не огонь... по крайней мере, не в этом смысле.

Джек бросает на меня быстрый взгляд с самодовольной улыбкой, и, вздохнув, мы оба ухмыляемся.

— Рэм, другого пути нет. Огонь есть огонь, — говорит она с легкой улыбкой.

Невольно моя ухмылка сменяется тяжелым вздохом. Иногда я жалею, что они все знают. Все они предполагают, что здесь нет моей вины, но я — нет. Я был бы счастлив все им объяснить, но даже Эшли не хочет, чтобы я узнал ее тайну, так что у меня просто нет права говорить кому-то об этом.

— Спасибо за разговор, Крис, — говорю я.

— Угу, — бурчит она, хватая пачку соли с верхней полки бара. Я смотрю, как она отходит и начинает заполнять маленькую солонку на столе через два от того, за которым сидим мы с Джеком. — Все, что я тебе скажу: когда тебе звонит прошлое, не отвечай, — говорит она. — Оно не скажет ничего нового.

Я снова смеюсь, но мой смех неискренний. Знаю одно: она не общалась с моим прошлым. Я киваю в ее сторону козырьком кепки и возвращаю внимание Джеку, который уже прикончил пачку чипсов.

— У нее там цитатник или что-то в этом роде? — спрашиваю я.

— Возможно, — возможно он, нисколько не удивляясь вопросу. — Ладно, так каков вердикт?

— Книга не закончена.

— Что?

Я качаю головой.

— Она не закончена.

— Как она может быть не закончена? Разве не все книги заканчиваются?

Я чувствую, что непроизвольно пожимаю плечами.

— Эта — нет. Я имею в виду, что они не воссоединились, либо не воссоединятся никогда.

— Хммм, — он покусывает нижнюю губу.

— Но она написала ее, — говорю я.

Он смотрит на меня, словно не понимает.

— Ну?

— Она написала так: *это стóит?*

— Это стóит? — повторяет он.

Я киваю.

Он приподнимает плечи и дарит мне удивленный взгляд.

— Это стóит — чего?

— Ну, когда я сначала увидел это, то не понял, о чем она говорит. Но потом я добрался до последней страницы, где прямо перед финалом книги Джен — девушка — спрашивает парня, стóит ли оно того — стоит ли оно того, чтобы быть с ней. И, насколько я могу судить, это единственный подобный вопрос в книге.

Глаза Джека округляются, и могу сказать, что он схватывает буквально на лету.

— Вау, — говорит он, кивая головой. — Ты должен на него ответить?

Я качаю головой и вздыхаю.

— Я не знаю.

— Подожди, почему она спрашивает об этом у тебя? Я имею в виду, ты явно любил ее. Ну, а если ты любил ее, то это, как минимум, того стоило, да? Так почему она об этом спрашивает?

Я ничего не говорю.

— Ты ведь любил ее, — он склоняет голову набок. — Ты любил ее? Да, Рэм?

Я киваю.

— Да. Да, конечно.

— Тогда как она могла не знать этого? Вы двое были, как вечно возбужденные Джонни и Джун, ну, или что-то в этом роде. (*Примеч. Джонни Кэш и Джун Картер — знаменитые исполнители музыки в стиле кантри, признаны эталоном романтической любви и величайшей парой XX века*). В городе не было ни одного человека, который бы не знал, что ты любишь... — он остановился. — Нет, погоди минутку. Позволь мне начать сначала, — он поднял вверх палец. — Нет ни одного человека в городе, который не знал бы, что ты все еще любишь Эшли Уэскотт.

Я ничего не говорю. Просто кусаю внутреннюю сторону щек.

— Кроме нее, — добавляет он. — Знают все, кроме нее.

Между нами на мгновение воцаряется звенящая тишина.

— Это так, правда? — он качает головой. — Почему так получилось, Рэм? — его взгляд внезапно становится обвиняющим.

Я коротко вздыхаю и оглядываю бар. Кристен в дальнем углу все еще заполняет маленькие солонки. Она вне зоны слышимости, а больше в баре нет никого. Прикрыв ладонью рот, сижу так около секунды, после чего опускаю руку на стол. Все это время Джек в упор смотрит на меня, словно готовится к тому, что я могу сказать. И правильно делает.

— Что ты сделал, Рэм?

Я качаю головой и смотрю на небольшую вмятинку на поверхности стола.

— Я ничего не сделал.

Джек вздыхает.

— Это из-за того, что я сказал ей прямо перед тем, как она ушла, — признаюсь я.

— Подожди минутку. Так ты знаешь, почему она ушла?

Я ничего не говорю. Думаю, это лучший ответ на его вопрос.

— Все это время... — продолжает он, — все это чертовое время, пока мы все сидим здесь и гадаем, почему эта девушка вернула ключ, закрыла банковский счет и уехала из города, ты знаешь причину? — он делает паузу, чтобы перевести дух. — Рэм, что ты ей сказал?

Я смотрю в потолок и, на миг зажмурив глаза, выдаю:

— Я сказал, что никогда не любил ее.

— Что? — практически кричит он.

Мои глаза распахиваются, и я тут же замечаю быстрый взгляд Кристен в нашу сторону. Подняв руку и покачав головой, даю ей понять, что все нормально. Кажется, это срабатывает, потому что она возвращается к своему прежнему занятию.

— Что? — снова говорит Джек, как будто я не расслышал его с первого раза. К счастью, на этот раз он не кричит.

— Я был не в себе. И она искала повод, чтобы сбежать. Я просто подумал, что дам ей его.

— Что? — он проводит рукой по волосам, смотрит вокруг, а затем устремляет свой взгляд обратно на меня. — Почему? Почему ты был не в себе? И почему она искала повод, чтобы сбежать?

Я пытаюсь рассмеяться и небрежно пожимаю плечами.

— В этом городе это вопрос на миллион долларов, не так ли?

— Черт, Рэм! — теперь он в нетерпении. — Я, вроде как, твой лучший друг. Разве я не должен знать о таких вещах? Лучшие друзья знают друг о друге то, что больше никому не известно, верно?

Я выдыхаю и секунду смотрю на него. Действительно не знаю, почему я никогда не рассказывал ему. Он бы сохранил тайну Эшли, я знаю. Но опять же, я принципиально никогда никому не рассказывал. Конечно, никто никогда и не спрашивал. Либо они слишком боялись, либо им просто нравилось верить в свою собственную версию.

— Что она сделала? — спрашивает он.

Мой взгляд снова падает на Кристен в дальнем углу зала и задерживается там на несколько секунд. Я вижу, как немного соли просыпается на стол. Она берет щепотку и бросает ее через плечо, а остальное смахивает на пол. Потом я обращаю внимание на часы рядом. Обыкновенные черно-белые офисные часы, спешащие на пятнадцать минут и висящие на стене, оклеенной выгоревшими обоями. Без них стена смотрелась бы пустой. Их

секундная стрелка издает несколько ритмичных щелчков, после чего мои глаза перемещаются на повтор какой-то старой игры в маленьком телевизоре над нами. А потом ничего не остается. Не остается ничего, что помогло бы мне увильнуть ответа.

— Она любила кое-кого еще, — переводя дыхание, говорю я.

Он сужает глаза, но ничего не говорит.

Мое сердце разгоняется, но, несмотря на это, по моим венам стало разливаться какое-то спокойствие. Я никогда не говорил об этом вслух.

— Она изменила тебе? — он выглядит так, будто слова даются ему с трудом.

— Нет, — быстро отвечаю я, — нет, она не изменяла.

— Тогда какого черта ты несешь? — спрашивает он.

Я скрещиваю на груди руки и ищу ответа на потолке. Несколько мгновений спустя возвращаю взгляд на Джека.

— Оуэн, — говорю я. — Она любила Оуэна.

У Джека такой вид, будто он увидел привидение. С лица сползает краска, челюсть отвисает.

— Как? — спрашивает он.

Чувствую, как мои щеки раздуваются, и я с силой выталкиваю из них воздух.

— До того, как она переехала сюда. В Миннесоте. В школе.

К нему, кажется, начинает приходить понимание. Он слегка прикрывает рукой рот. В остальном он словно одеревенел, глаза прикованы к чему-то в противоположной стороне бара, а потом снова мечет взгляд на меня.

— Открытки?

Я просто киваю головой.

— Это была она.

— Ничего себе, — говорит он, кажется, частично переварив эту информацию, — так же, как и я год назад. — Ничего себе. Прости, приятель. Это... Я не видел, чтобы она туда ходила.

Я просто сижу и тяжело вздыхаю.

— Да, — говорю я. — Ну, я тоже.

Прошлое — год назад

Рэм

Я умышленно положил открытую коробочку с кольцом внутри на журнальный столик. Эшли в Небраске навещает свою семью, поэтому я уверен, что она не сможет прийти и заметить ее.

— Сегодня большая игра, — я слышу, как Джек кричит мне из прихожей.

Мое сердце заколотилось, как сумасшедшее, когда до меня дошло, что он может легко заметить коробочку. Ощущения, как в тот год, когда на Рождество я получил железную дорогу. Я так взволнован, что едва могу сдерживаться — как тогда, в шестилетнем возрасте. Я осторожно отхожу от столика, добегаю до стула и плюхаюсь на него. Потом, закинув ногу на ногу, пытаюсь принять непринужденный вид и щелкаю кнопками на пульте телевизора.

— О, — он испуганно смотрит на меня, входя в комнату. — Ты здесь. Когда твоя тупая задница мне не ответила, я подумал, что ты еще не вернулся.

Я качаю головой

— Я все время был здесь.

— Тогда почему ты, черт возьми, молчал?

— Просто так, — говорю я.

— Что с тобой?

— Что? — смеюсь я. — С чего ты решил, что со мной что-то не так?

Около минуты он, вроде как, изучает меня. Затем оглядывает комнату.

— Чувак, я не знаю, какую хрень ты куришь, — он падает на диван перед столиком и замирает. — Чувак, черт возьми, что это?

Я начинаю смеяться.

— Ну, мы ведь знаем друг друга с пеленок. Знаешь, я решил, что время пришло.

Он смотрит на меня с глупой улыбкой на лице.

— Черт, приятель, тогда оно должно быть золотым. Золото мне нравится больше.

Я просто посмеиваюсь, наблюдая за тем, как он рассматривает кольцо.

— И все же? — спрашивает он. — Это правда?

Он выглядит так, будто хочет взять кольцо в руки, но почему-то боится.

— Это правда, — подтверждаю я. — Я уже разговаривал с ее отцом.

— Черт! Ты уже спросил ее?

— Нет, придурок, поэтому кольцо все еще здесь.

Он смотрит на меня так, словно пребывает в небольшом шоке, а потом берет черную коробочку и подносит ее к глазам.

— Итак? Как давно ты это решил?

— В тот же день, когда впервые увидел ее.

— Вау! — восклицает он. — Это реально взрослое дерьмо.

— Да, я знаю, — громко смеюсь я, а он все продолжает разглядывать кольцо. — Так что ты думаешь?

Он делает вдох, выдох, а затем уголки его губ приподнимаются.

— Я думаю, она будет сумасшедшей, если откажется.

— Хорошо, — говорю я, кивая. Чувствую, что широкая улыбка словно приклеилась к моему лицу. — Теперь осталось только рассказать Оуэну.

Прошлое

Рэм

Я прошел половину пути от входа на кладбище до могилы Оуэна и остановился.

— Что ты здесь делаешь? — я спрашиваю это без осуждения и гнева. Я просто спрашиваю. Девушка в желтом сарафане с длинными светлыми волосами, вздрогнув, поднимает на меня взгляд. Выражение ее лица настолько же смущенное, насколько поражен я сам. Я смотрю, как она заправляет за ухо прядь волос, затем переводит взгляд на надгробие и снова смотрит на меня.

— Я... я вернулась пораньше и просто решила навестить старого друга.

Она опускает взгляд на землю, а я просто смотрю на нее несколько секунд, после чего заставляю свои ноги двигаться. Подойдя немного ближе, замечаю у нее в руке открытку. И тут меня осеняет. Только сейчас до меня доходит.

— Эшли, — шепчу я, — откуда ты знаешь Оуэна?

В ее глазах слезы, но, приблизившись, я понимаю, что появились они не только что. Она совершенно точно плакала до этого.

— Прости, — говорит она, вытирая глаза тыльной стороной ладони. — Я не хотела, чтобы ты видел меня такой. Я была в этом районе и решила зайти. Он был просто моим другом в колледже, — она смеется сквозь слезы. — Не смотри на меня. Я, наверное, сейчас ужасно выгляжу.

Я ничего не говорю, потому что все еще пытаюсь переварить информацию. В моем мозгу всплывают все открытки, которые я находил рядом с его могилой.

— А ты почему здесь? — спрашивает она после нескольких минут молчания.

Я смотрю на открытку, пытаюсь убедить себя, что они были просто друзьями или что, возможно, она ошиблась могилой. Но видя открытку в ее руке, понимаю, что шла она именно сюда. Я вздыхаю и чувствую, как воздух проходит по моим дрожащим губам.

— Я здесь, чтобы навестить его, — я указываю глазами на могилу Оуэна.

С ее розовых губ слетает легкое «ох».

— Ты знал его?

Я ничего не говорю — просто потому, что не могу заставить свои губы двигаться.

— Конечно, знал. В этом городе его, скорее всего, знал каждый.

— Мне жаль, — она делает паузу и тянется к моей руке, но я быстро отстраняюсь от нее. Это движение удивляет даже меня. Я удивлен, как я мог не взять ее за руку.

— Рэм? В чем дело?

Она расстроена. В ее словах звучит боль. Но я ничего не говорю. Чувствую, как мои губы начинают дрожать, — как и в тот день, когда я услышал новости про Оуэна.

— Рэм, это не ... Я не ... Он был просто другом. Я не хотела тебя расстраивать.

Она снова замолкает, а я не могу перестать думать о ней и Оуэне. Не могу перестать думать о них вместе, об этих открытках. Она любила его. Я знаю, что любила. Она была той единственной, что любила его. Эшли — моя девушка, любовь всей моей жизни — была любовью и всей его жизни тоже.

— Рэм?

Я все еще не отвечаю и смотрю на нее.

— Малыш, откуда ты его знаешь? — спрашивает она.

Я заметил, что она перевернула открытку лицевой стороной к платью.

— Предполагаю, что вы были близки, — говорит она.

Впервые ... не знаю, за какое долгое время, я смотрю в эти наполненные слезами глаза и как будто больше не узнаю ее.

— Малыш, — я слышу слово, сорвавшееся с ее губ, и оно обжигает каждую частичку моей души.

— Малыш? — по голосу чувствуется, что она снова плачет. Ее слова звучат прерывисто, словно осколки стекла, — именно это я сейчас чувствую по отношению к нам. Как будто нас посадили в стеклянную колбу, а затем бросили ее на твердую землю и разбили.

Вдребезги.

Она начинает рыдать. Я должен что-то сказать. Я должен сказать ей.

Делаю глубокий вдох и, закрыв глаза, через силу выдавливаю:

— Он был моим братом.

Прошлое

Рэм

— Что? — ее голос хриплый и неровный. — Нет, — говорит она, качая головой, прежде чем я могу сформулировать очередную мысль.

Я застыл. Не могу двигаться. Даже смотреть на нее не могу.

— Нет, — шепчет она, и в ее голосе слышны слезы. — Нет, — повторяет она снова, как будто сама не может в это поверить.

Я все еще не двигаюсь. Чувствую, как бешено колотится мое сердце. До боли. Смотрю на надгробие, на котором высечено имя моего брата. Смотрю на открытку, которую она прижимает к платью. Мой брат любил Эшли Уэскотт. Эшли Уэскотт любила моего брата. Смысл этих слов засасывает меня. Но, может быть, если я отброшу их до того, как они завладеют моим разумом, то все это просто исчезнет в небытие. Я стараюсь думать о чем-то другом. Эшли; первый день, когда я увидел ее в продуктовом магазине; ее улыбка — такую же улыбку она, наверняка, дарила Оуэну ... Я не могу этого вынести.

Я поворачиваюсь в сторону выхода с кладбища и просто ухожу. Она не окликает меня. Хотя вряд ли я бы услышал ее. Такое ощущение, что я ослеп, оглох и ничего не чувствую. Черный железный забор, ограждающий это место, держит меня в ловушке. Небо, земля, могилы — все это душит меня. Я просто должен выбраться отсюда.

Не так быстро, как хотелось бы, я добираюсь до своего грузовика. Хватаюсь за ручку двери, но не открываю. Вместо этого прислоняюсь спиной к металлическому боку машины и сползаю вниз, опускаясь на корточки. Через ткань брюк ощущаю бедром лежащую в кармане коробочку с кольцом, и она посылает через все мое тело невероятную боль. И еще я чувствую онемение и беспомощность. Я шел сюда с намерением сказать моему брату, что хочу сегодня просить любовь всей моей жизни выйти за меня замуж. А теперь такое чувство, будто я пытаюсь удержать в кулаке воду, а моя мечта медленно утекает сквозь пальцы.

Я обхватываю лицо руками. Тело не подчиняется мне. Я словно снова теряю Оуэна, потому что теряю Эшли Уэскотт — единственного человека на земле, который мог знать его лучше, чем я. Теперь все понятно. Чем больше я получал от нее, тем больше забирал у него. И если бы все это осталось тайным, она могла бы заполнить ту часть моего сердца, которую он забрал с собой. Но теперь я все знаю ... Теперь я знаю ... Я не могу. Я не могу быть с ней.

— Я не могу. Не могу. Не могу.

— Рэм.

Я слышу ее голос и убираю руки от лица. Она стоит передо мной, качая головой. Слезы градом катятся по ее щекам и каплют на грудь.

— Я не могу, Эшли, — я поднимаюсь на ноги и поворачиваюсь к машине. Не могу даже посмотреть на нее.

— Я не ... — начинает она, но потом замолкает. — Я не знала. Почему я не знала? Рэм, почему я не знала? — умоляет она.

Я прилагаю чертовски много усилий, борясь со слезами, и потираю ладонью шею.

— Все знают, Эшли. Ты не должна смотреть так строго.

— Так вот почему ты никогда ничего не говорил? Поэтому никто здесь не говорит о нем? Все! Они говорят обо всем на свете, но никто никогда не говорит ни слова о нем.

Я чувствую, как мой взгляд медленно перемещается в ее сторону.

— Хочешь верь, хочешь нет, — мне удастся справиться с волнением, — есть некоторые вещи, которые считаются запретными в этом городе ... И это — в их числе.

А потом, несмотря на все мои усилия, мой взгляд скользит по ней, и сердце чуть ли не разрывается пополам.

— Прости, Эшли.

Я хватаюсь за ручку и открываю дверь.

— Что? — она качает головой. — Куда ты собираешься?

Я тяжело и протяжно вздыхаю.

— Эшли, — говорю я самым спокойным и ровным голосом, на который только способен.

— Я буду бороться за тебя, — я останавливаюсь и исправляюсь: — Я бы боролся за тебя до скончания дней.

Не могу больше смотреть в ее печальные глаза, поэтому перевожу взгляд на землю под ногами, после чего продолжаю.

— Но я не стану соперничать. Я не буду соперничать из-за тебя с моим братом — моим покойным братом.

И после этого между нами воцаряется тишина. Это похоже на затишье перед бурей.

— Соперничать? Рэм! — она выкрикивает эти слова, но я, несмотря на это, сажусь в машину. И сижу там несколько секунд, уставившись на руль. Неужели это происходит на самом деле?

— Рэм! — она кричит громче, ее голос пронизан болью. Мои глаза наполняются слезами. Я не могу оставить ее в таком состоянии. Черт, не могу оставить ее так. Но она принадлежала Оуэну. Она принадлежит Оуэну. И она все еще любит его. Я не могу больше встречаться с ней.

Я заводжу машину.

— Рэм! — я поднимаю взгляд и вижу ее в открытом окне. — Я совершенно запуталась.

Ее прекрасные глаза полны слез. Я хочу обнять ее. Хочу любить ее. Хочу поцелуями прогнать ее печаль. Но вместо этого я заталкиваю свои желания поглубже внутрь. И, не раздумывая, разворачиваюсь и уезжаю, оставляя позади себя облако белой пыли и любовь всей жизни моего брата в зеркале заднего вида.

Прошлое

Рэм

— Рэм.

Она поднимается на три ступеньки по лестнице крыльца и подтаскивает шезлонг, ставя его напротив меня.

После кладбища я пришел сюда и с тех пор не двигался. Сажу в этом кресле уже несколько часов, глядя вдаль, на синий горизонт, и думаю — назад, вперед, назад, вперед.

— Рэм, ты должен поговорить со мной. Должен объяснить мне, что происходит.

Ее глаза красные. Похоже, она проплакала весь день.

Я ничего не говорю.

— Рэм, — говорит она, на этот раз более строго.

— Что ты хочешь знать? — мои слова рассекают воздух. Они злые. Мне грустно, что они злые, но я не могу сейчас чувствовать себя иначе. Я просто не понимаю, как случилось, что я ничего не знал. Я просто не понимаю, как она могла прийти сюда, понимая, что все знала, но ничего не говорила.

Она делает вдох и медленный выдох, пока ее глаза разглядывают что-то в районе моей груди.

— Это была его куртка, не так ли?

Я бросаю взгляд на свою старую кожаную куртку, прикрываю глаза и медленно киваю.

— Да.

Она сжимает губы, словно пытается сдержать эмоции.

— Как твоя фамилия? — спрашивает она.

Я сглатываю. Действительно не хочу говорить об этом.

— Его отец и моя мать были влюблены в старшей школе. Потом они поженились, и родился Оуэн. Но вскоре после рождения Оуэна его отец умер. Потом, пару лет спустя, моя мать вышла замуж за моего отца, и родился я. Мой отец воспитал Оуэна как собственного ребенка, но на самом деле он мой сводный брат.

Я вижу, что ее рот приоткрывается, и она подносит ладонь к губам.

— Как? Как умер его отец? Он никогда не говорил мне.

— Сердечный приступ, — коротко отвечаю я.

Я бросаю на нее взгляд только для того, чтобы снова увидеть слезы, наполняющие ее глаза. Я отворачиваюсь и сосредотачиваю свое внимание на птичьей кормушке во дворе. В горле появляется болезненный ком. Я часто сглатываю в надежде избавиться от него. Никогда ни перед кем не плакал. И сейчас не буду.

Тишина. Она молчит. Я молчу.

— Зачем ты приехала сюда, Эшли? — даже обращаясь к ней, я избегаю на нее смотреть. Но поскольку сейчас она ничего не говорит, я понимаю, что мои глаза возвращаются к ней.

Она смотрит на меня грустным озадаченным взглядом.

— Рэм, нам нужно поговорить об этом. Мы должны все выяснить. Я совсем

запуталась. Не знаю, как мне чувствовать себя.

— Нет, — говорю я, — зачем ты приехала в Аву? Ты знала, что он был отсюда родом?

Сейчас я смотрю на нее. Она прикусывает губу и отводит взгляд куда-то вдаль.

— Он говорил об этом, — ее слова звучат, как признание. — Это место мне представлялось таким волшебным, таким мирным. И, не знаю, может, я просто хотела узнать о человеке, которого в действительности так и не узнала. Мы были вместе всего несколько месяцев. Он был таким тихим, таким загадочным, таким ...

— Я знаю. Он был моим братом, — мои слова звучат слишком холодно. Я слышу, как они срываются с моих губ, и тут же жалею об этом. Но слышать ее разговор о моем брате ... Она знала его. Она любила его.

— Рэм, ты думаешь, мне легко?

Я ничего не отвечаю, по-прежнему не глядя на нее. А потом чувствую прикосновение ее руки к моей, и, словно рефлекторно, я отдергиваю руку и поднимаю на нее взгляд. Слезы — одна за другой — катятся сейчас по ее щекам. Глаза красные. Она трясет головой. — Не надо, — просит она. — Не уходи, как сделал он. Не отталкивай меня.

— Нет, — я встаю и подхожу к ступенькам, ведущим на задний двор. — Ты не можешь сравнивать нас. Он мог бы любить тебя, но ... — я останавливаюсь и тру рукой шею. — Я — нет.

И если по выражению лица человека можно определить, что его сердце разбилось, то, думаю, я только что видел, как сердце Эшли Уэскотт раскололось надвое.

— Что? — слово прозвучало тихо и с надрывом.

— Я никогда не любил тебя.

А потом я отворачиваюсь.

И это все.

Как только я уйду, мой мир разрушится.

Прошлое

Рэм

Я захожу в бар и устраиваюсь на одном из старых стульев. Она осталась у меня дома. Я не знал, куда еще мне пойти. Просто ушел гулять и, пройдя пару километров, оказался здесь.

— Рэм, — Кристен оборачивается и смотрит на меня. Я отвожу взгляд. — Что случилось? — спрашивает она.

— Паршивый день, — отвечаю я, снимая кепку и бросая ее на барную стойку. Даже не пытаюсь объяснить. Как объяснить кому-то, что потерял все?

Кристен достает из холодильника бутылку пива, открывает ее и ставит передо мной. — Хочешь рассказать мне об этом?

Я качаю головой и делаю глоток из бутылки.

— На самом деле, нет.

— Ладно, — говорит она, кивая. — Хочешь, я вызову Джека, чтобы ты смог рассказать ему?

Я смотрю на нее. Она криво усмехается, но выражение лица по-прежнему какое-то сочувствующее.

— Нет, — отказываюсь я.

Она быстро поджигает губы, и я понимаю, что, вероятно, ответил слишком резко.

— Но спасибо, — добавляю я уныло.

— В любое время, — почти шепчет она.

Я склоняю голову и смотрю на старую деревянную барную стойку, обдумывая то, что произошло сегодня. Не уверен, что до конца поверил в это. Из всех людей в этом чертовом мире это должно было произойти с ней, с моей Эшли. Проклятие, Оуэн.

Я поднимаю взгляд и вижу Кристен, все еще смотрящую на меня.

— Ты уверен, что в порядке?

— Я никогда не говорил, что в порядке.

Ее плечи поднимаются и опускаются от глубокого вздоха.

— Это Эшли?

Я ничего не говорю, но уверен, что ответ просто написан у меня на лице.

— Настоящая любовь дается с кровью, знаешь?

Я делаю еще глоток пива, ставлю бутылку на стол и привычно киваю.

— Только так ты понимаешь, что она настоящая, — говорит она.

Я пытаюсь не реагировать на ее высказывание, даже если оно бьет в самую болезненную точку моего сердца.

— Ну, по крайней мере, причешишься, — говорит она, возвращая мое внимание.

Подняв глаза, я встречаю ее игривый взгляд.

— На тебе словно выросла люцерна.

Я бездумно провожу руками по волосам только чтобы порадовать ее.

— Держись, — говорит она, наклоняясь ко мне и обеими руками равномерно

приглаживает мне волосы. — Вот, — говорит она, выпрямляясь.

Я хохотнул. Даже не пойму, откуда возник этот звук. Он ощущается неправильным. На самом деле, попытка по-настоящему улыбнуться просто еще больше разрывает мне сердце, потому что понимаю, что не могу почувствовать эту улыбку. Губы шевелятся, но сердце продолжает истекать кровью. А потом я слышу, как хлопает дверь, и мы с Кристен оборачиваемся, чтобы увидеть стоящую у входа Эшли.

Я немедленно вскакиваю. Эшли смотрит на меня, и по ее взгляду я понимаю, что внутри нее словно что-то щелкнуло. Это больше, чем боль. Это похоже на ярость. Она мельком смотрит на Кристен и останавливает на мне долгий взгляд. А затем разворачивается к двери.

— Эшли, подожди! — я зову ее, но тщетно. Мне видно, как ее светлые волосы волнами рассыпаются по спине, когда она выскальзывает за дверь. Я застыл. Как все это выглядело?

— Рэм.

Кристен вырывает меня из моих мыслей. Я смотрю на нее. В ее глазах чувство вины.

— Я не ... Имею в виду, что я не думала ... — заикается она.

— О, черт! — восклицаю я, наконец-то соединив все детали. Неужели она действительно подумала, что между мной и Кристен что-то есть?

Я бегу к двери. Даже не помню, прошел я или пробежал большую часть пути к парковке.

— Эшли! — кричу я.

Она поворачивается, и ее глаза, словно кинжалы, пронзают меня насквозь, вынуждая замереть на месте.

— Как ты здесь оказался? — спрашивает она.

— Просто гулял, — я все еще злюсь, но еще больше мне грустно ... за нас. — Ты не знала, что я здесь?

Она скрещивает руки на груди.

— Я шла сюда поговорить с Кристен. Я не собиралась разговаривать с тобой.

Я делаю резкий вдох. Ее слова холодны, как лед.

— Эшли, это не то, чем может показаться ... там.

Она переступает с ноги на ногу, не отрывая от меня холодного взгляда.

— Эш ... — я запинаясь и останавливаюсь. Хочу сказать ей, что мои мысли сейчас как после крушения поезда; что я не знаю, плакать ли мне или биться головой о стену ... или смеяться. Но слова не идут.

— Вы смеялись, — говорит она. — Не думаю, что мои глаза мне врут. Ты говоришь, что не любишь меня, а потом, примерно через час, ты уже здесь и смеешься, как будто для тебя это всего лишь игра.

— Эшли, ты же знаешь, что это неправда.

— Я уже больше не знаю, что правда, — ее слова разрезают плотный воздух, а затем наступает тишина, заполняя все пространство между нами. Но она не отводит от меня глаз. Они прокалывают меня насквозь, вызывая головокружение и заставляя бешено колотиться сердце. Я хочу сказать что-нибудь, но не знаю, что. Каждый раз, когда пытаюсь оформить мысль, образы ее и Оуэна заполняют мое сознание. Проходят длинные напряженные минуты, после чего она качает головой, и огонь исчезает из ее взгляда. Теперь она просто смотрит — печально и почти испуганно. Хочу сделать к ней шаг, но

слишком боюсь. Это не работает. Это все было обречено с самого начала.

Одна секунда.

Две секунды.

Три секунды.

Четыре секунды.

Она смотрит на меня своими прекрасными нежными глазами, и от этого мне еще сильнее хочется подойти к ней. Черт возьми, я люблю эту девушку. Я люблю ее. И я ненавижу то, что делаю, — потому что она не моя.

Проходит несколько секунд.

Не знаю, понимает ли она, о чем думаю я, но я понятия не имею, что сейчас происходит в ее голове. Все, что я знаю, — это боль, появившаяся в моем горле. Словно я взял каждый нежный поцелуй, каждое ласковое прикосновение, каждое сладкое воспоминание о нас, когда мы были вместе, и, разорвав все это на куски, просто проглотил. Проклятие! Это несправедливо! Я так хочу подойти к ней. Но я не сделаю этого. Я не подойду к ней, и взгляд ее глаз говорит мне, что она это знает. И один миг — этот один миг бездействия, когда я сделал выбор не двигаться, — решил нашу судьбу.

Она поняла это.

Цвета исчезают с ее лица, и она дарит мне этот взгляд. Я не могу быть уверен в том, что он означает, — могу только догадываться. Могу только предположить, что он означает:

КОНЕЦ.

Мое сердце раскалывается пополам.

Наше время истекло.

Прошлое

Рэм

— Чувак, прошлой ночью между тобой и Эшли что-то произошло? — спрашивает Джек. Он бросает полено в кучу и вытирает руки о джинсы.

Сначала я ничего не говорю. Просто беру под мышку несколько веток и иду к основной куче. Но когда он разворачивается и смотрит на меня, я понимаю, что он ждет какого-то ответа. Я бросаю ветки и возвращаюсь к засохшему дереву, которое мы распиливаем на части. — Почему ты спрашиваешь? — говорю я, стараясь не звучать разбитым, каковым себя и чувствую.

Он колеблется. Никто бы не смог этого заметить, но я знаю Джека всю свою жизнь. Такая пауза означает: он что-то знает, но не хочет мне говорить. Я поднимаю с земли топор и устанавливаю полено вертикально на пень. С первого жесткого удара оно разлетается надвое.

— Сегодня утром она уехала.

Даже не задумываясь, я пересекаюсь с ним взглядом.

— Что значит — она уехала?

Он просто смотрит на меня. Так смотрит человек, который знает, что принес плохие новости.

— Видимо, она просто взяла машину и уехала, — говорит он. — Сегодня утром в банке я видел Карен. Она сказала, что чуть раньше там была Эшли и закрыла счет. Я ей не поверил, но, когда проезжал мимо ее дома, он выглядел пустым. Даже эта легкомысленная вещица, висевшая на крыльце, исчезла, и еще коврик у двери.

Я удерживаю на нем взгляд, пока слова, которые он произносит, медленно, но верно накрывают меня. Потом я опускаю голову, беру другое полено, ставлю его на пень и взмахиваю топором.

— Чувак, — слышу я его голос за моим плечом, — знаю, я не очень хороший советчик ... и я не знаток того, что нужно говорить в такой ситуации, но у меня есть уши.

Я ставлю очередное полено на пень и тяжело замахиваюсь.

— Мы расстались, — говорю я, адски стараясь, чтобы это прозвучало как не вызывающий сомнений факт.

— Вы расстались.

— Да, — я не поднимаю взгляда. Вместо этого беру два отрубленных куска под мышку и иду к куче.

— Что случилось?

Я бросаю обрубки вниз, один на другой, и пожимаю плечами.

— Просто у нас ничего не вышло.

— Но, чувак! Она уехала.

Я игнорирую его, но он расценивает это как приглашение к продолжению разговора.

— Эй, я, конечно, не семи пядей во лбу, но это кажется чем-то немного большим, чем просто «не вышло», — он рисует в воздухе кавычки.

— Да, ну, я не знаю, — я смотрю на кучу поленьев, позволяя себе на секунду задуматься. Проклятье. Куда, черт возьми, она отправилась?

— Но ты собираешься ...

— Я не собираюсь, — говорю я, обрывая его.

В горле растет ком. Я пытаюсь проглотить его, но ничего не получается. И вдруг чувствую, как будто острые иттыри боли вонзаются в мою грудь. Закрываю глаза и тотчас ощущаю головокружение. Это все становится слишком привычным.

— Ты в порядке, приятель?

На ответ мне требуется секунда.

— Да, я просто зайду в дом на минутку.

С этими словами я медленно ухожу в сторону дома, не переставая пытаться вдохнуть так глубоко, как только могу. Но каждый вдох дается с трудом, словно я дышу через трубочку, по которой воздух пытается добраться до легких. К тому моменту, когда я добираюсь до задней двери, моя голова словно плавает в мутной воде. Она уехала? Кажется, все это убьет меня прямо сейчас. Я не могу быть с ней, и мне это известно. Но я уже знаю кое-что еще: это будет самая трудная вещь из всех, что мне когда-то приходилось переживать, даже если я все-таки смогу пройти через это.

Захожу внутрь и падаю на стул около стола — просто потому, что стул визуальнее ближе, чем пол. Я боюсь, что ноги меня подведут. Ставлю локти на стол и обхватываю лицо руками. Чувствую себя полностью потерянным. Никогда не думал, что можно чувствовать себя потерянным в своем собственном доме. Проходит какое-то время, пока я поднимаю голову, но она падает обратно. В это же время я наконец-то могу вдохнуть и мое сердце замедлилось на чертову секунду. Уехала. Я снова и снова прокручиваю в голове это слово. Она уехала. Я снова открываю глаза и улавливаю мерцание экрана моего телефона.

Эшли.

В следующую секунду я уже тянусь через стол в направлении мерцающего света. Это сообщение. От нее. Трясущимися руками нажимаю на кнопку, чтобы прослушать его.

— Рэм.

Ее первое слово звучит мягко и нежно, но мне слышно, что она говорит сквозь слезы. Жалящая боль в моей груди возвращается, и я прижимаю другую руку к сердцу, пытаюсь ее ослабить.

— Я не знаю, — сообщение продолжается. — Я не знаю, что чувствовать, — она останавливается и, кажется, пытается смеяться, но в результате звучит так, будто сдерживает рыдание. — Раз ты сделал так, чтобы мне было легче уйти ... Я помогу тебе и сделаю так, чтобы ты мог легче меня забыть. Я покидаю Аву, Рэм. Я уезжаю сегодня.

И здесь сообщение заканчивается. Моя рука, держащая телефон, опускается на стол. Я просто сижу и смотрю на мерцающий экран телефона до тех пор, пока он не становится темным.

Несколько месяцев назад я встретил красивую блондинку с широкой улыбкой и понял, что должен узнать ее имя. А потом, узнав имя, я понял, что люблю ее — это лишь вопрос времени. И затем, поняв, что люблю, должен был найти способ сделать ее своей.

Но это все было раньше.

Теперь я знаю, что должен найти способ забыть ее.

Прошлое

Рэм

Я подъезжаю к ее дому. Мне нужно самому во всем убедиться. Паркую свой грузовик на обочине и выхожу на тротуар. В моей руке письмо. Но, кажется, она никогда не увидит его, потому что подвесной «ветерок», всегда висящий на ее крыльце, не позвякивает, и ее любовного бамбука тоже нет. Он всегда стоял на столе прямо напротив ее окна. На мгновение я останавливаюсь на маленьких бетонных ступеньках, переносясь во вчерашний день и вспоминая, почему она ушла. Потом медленно подхожу к качелям и сажусь. А затем я кое-что замечаю. Тот камень в форме сердца, который она нашла, когда мы вместе собирали грибы. Он лежит на подлокотнике качелей, словно она специально хотела оставить его здесь, как будто знала, что когда-нибудь я вернусь сюда. Я беру его в руку, поворачиваю и сжимаю в ладони. Потом убираю в карман и сосредотачиваюсь на письме. Я написал его прошлой ночью. Знал, что ее уже нет в городе, но какая-то часть меня хотела, чтобы это все оказалось просто страшным сном и что она вернется утром.

Я откидываюсь на деревянную спинку качелей и разворачиваю лист бумаги. На короткий миг мои глаза закрываются. Я чувствую прикосновение мягкого летнего ветерка на своем лице. Воздух наполнен запахами свежескошенной травы и кизила. Я вдыхаю все это. Воздух заполняет мои легкие, но запах ослабевает. Всему виной туман, накрывший город вчера, — из-за него все чувствуется менее ярким, чем есть на самом деле. Он приглушает запах травы и придает листьям кизила грустный увядший вид.

Я разворачиваю письмо. Все, о чем я думаю, находится на этой бумаге. Пробегаю глазами по тексту, перечитывая в последний раз. И не знаю, для чего собираюсь прочитать это. Чтобы вызвать в себе какие-то чувства или в надежде, что она может каким-то образом почувствовать мои слова. Не знаю, почему, но все равно делаю это.

Моя исповедь

Эшли Уэскотт, ты самый прекрасный и особенный человек, которого я когда-либо встречал в своей жизни. Любой парень отдал бы все на свете за то, чтобы просто познакомиться с тобой. Я не виню своего брата за это.

В тот момент, когда я впервые увидел тебя, я понял, что в тебе есть что-то невероятное. Ты заставила меня почувствовать то, чего я никогда не чувствовал раньше. Прошла целая вечность, прежде чем я набрался мужества и пригласил тебя на свидание. Ты была... такая красивая. И, думаю, какая-то часть меня была уверена, что нет никакого шанса, что ты заинтересуешься мной. Но я должен был попробовать. Я должен был узнать тебя.

А потом ты согласилась дать мне шанс. И вскоре после этого во мне возникло

чувство, сильнее которого я ничего в жизни не испытывал. Единственное объяснение, которое у меня было для этого, — я, должно быть, влюбился.

Эшли, ты не представляешь, что значишь для меня. Все, чего я хотел, но не смел желать. Ты умная и веселая, сексуальная и безумно красивая изнутри и снаружи. У тебя полный комплект, детка. И я уже скучаю по тебе. Я скучаю по тому, чтобы держать тебя за руку — простое ощущение твоего прикосновения согревает мне сердце. Я скучаю по нашим объятиям на диване, по тем ленивым воскресеньям и некоторым понедельникам тоже. Я не променяю это на все радости мира. И я скучаю по таким мелочам, как вкус твоей кожи, сладкий запах твоих волос, звук твоего смеха. И пока я пишу все это, в голове крутится вопрос: думаешь ли ты обо мне? Не уверен, что я когда-нибудь перестану о тебе думать. Правда, если бы ты была здесь, я обнял бы тебя и не переставал обнимать до тех пор, пока ты сама меня не остановила бы. Я хочу... Прямо сейчас я хочу очень многого. Но больше всего я хочу вернуть нашу первую встречу. Знаю, что мы не можем этого изменить. И, честно говоря, я не знаю, что это означает для нас. Но я просто хочу, чтобы ты знала: что бы ни происходило с нами, ты всегда будешь частью меня и всегда будешь в моем сердце... всегда.

И... прости.

Ты заслуживаешь того, чтобы знать это.

Рэм.

Я заканчиваю читать и аккуратно складываю письмо пополам. А потом еще раз. Закрываю глаза, и единственное, что я сейчас ощущаю, — это биение моего сердца. А потом рву страницу надвое, и еще раз, снова и снова, пока она не превращается в кучку маленьких обрывков в моей руке. Я сжимаю их в кулаке и, не раздумывая, бросаю в воздух. На мгновение они повисают, а потом плавно опускаются на бетон и разлетаются по всему крыльцу. Несколько секунд я наблюдаю за тем, как они, словно в танце, кружатся на ветру. Будь все иначе — и то, что я сделал, не имело бы значения. Но ничего не изменить, и это уже ни на что не повлияет. Мой брат полюбил ее первым. И даже если она уже не любит его, я просто не могу сделать этого по отношению к нему. Я просто не могу так поступить со своим братом.

Настоящее

Рэм

Я пишу слово. Всего одно слово, но оно значит все для меня и, может быть, будет значить все и для нее.

Кладу ручку на стол и опускаю страницу книги в конверт. Запечатываю и оставляю на столе, пока смотрю на ее адрес — номер ящика в почтовом отделении, который я нашел в конце книги.

Это не роман. Я не описывал историю нашей жизни от своего лица.

Это не длинное письмо, объясняющее мои поступки и их причины.

Это даже не предложение.

Это просто одно короткое слово.

Это всего лишь простой ответ — ответ на ее вопрос, который она должна узнать.

Настоящее

Эшли

Обратный адрес на конверте — его. Недолго думая, я быстро вскрываю его и достаю листок бумаги. Это страница из книги, на которой я задала ему вопрос. Я вижу рваный край с одной стороны, вижу мой почерк и замираю.

Закрываю глаза. Каждая частичка моего тела ноет от желания прочитать то, что следует за этим коротким вопросом — *Это стóит?* — и каждая частичка моего сердца умоляет не делать этого.

Я медленно считаю про себя *до трех*, но, досчитав, держу глаза закрытыми. Миллион сценариев проносится в моих мыслях. Что, если он сказал *да*? Что, если он сказал *нет*? Что, если он вообще не ответил?

Заставляю себя осторожно открыть глаза и медленно опускаю взгляд к нижней части страницы, пока, наконец, не вижу это.

Одно короткое слово, написанное его почерком.

Легкие с трудом справляются с дыханием.

Страница падает на стол.

Я прижимаю руку ко рту.

И вот уже я пытаюсь сдержать слезы.

Прошлое — год назад

Рэм

Я останавливаюсь и смотрю на его могилу. Мне трудно подобрать слова. Потребовался месяц, прежде чем я смог снова вернуться сюда. Меня не было здесь с тех пор, как я застал тут Эшли с открыткой в руках. Просто не представляю, что ему сказать. Но сегодняшний день кажется достаточно хорошим, чтобы навестить его.

Итак, я здесь.

Некоторое время просто смотрю и думаю об Эшли, о нем, о моем детстве, о том, как проходила здесь моя жизнь. Из меня вырывается протяжный вздох, а затем я подхожу к стульчику. Сажусь и несколько секунд просто сижу. Чувствую, как в глазах начинает скапливаться влага. Я прочищаю горло и вытираю оба глаза одновременно указательным и большим пальцем.

— Прости, дружище.

Я пытаюсь проглотить болезненный ком в горле.

— Я не знал, что ты и Эшли ... — я не могу закончить фразу, поэтому через секунду пробую еще раз. — Ты же знаешь, я бы никогда даже не взглянул в ее сторону, если бы только знал.

Прижимая ладонь ко рту, я опускаю голову.

— Прости, дружище.

Мои глаза прикованы к земле, но потом взгляд перемещается на его надгробный камень.

— Мне жаль, что ты здесь. Мне жаль, что ты не с ней. Мне жаль, что я не уговорил тебя играть в гольф ... или в шахматы, или во что-то другое, менее опасное, чем футбол. Мне жаль, что я наябедничал маме, когда ты пришел домой пьяный. Я не знаю никого лучше тебя и чертовски уверен в этом. Но тогда я ничего не знал о братском кодексе. И мне жаль, что мы не назвали собаку Бастером, как ты хотел. Это действительно было бы лучше, чем Спанч Боб. Не представляю, как мама и папа разрешили так поиздеваться над бедным колли. И я ... Мне жаль, что я не показывал, как люблю тебя.

Я делаю паузу и глубоко вдыхаю.

— Мне очень жаль, дружище.

Капля соленой воды сбегает вниз по моей щеке. Я быстро вытираю ее и усаживаюсь на стуле поудобнее. В течение нескольких минут сижу в тишине. Теплый воздух. Приятный ветерок. Он пробегает по кронам деревьев, заставляя листья издавать спокойный тихий шелест.

— Оуэн, я хочу тебя спросить, — я подтягиваю вверх штанины и сгибаю колени. — В другой ситуации это не было бы даже вопросом. И мне жаль, что она не другая. Ты знаешь, я хотел бы, чтобы так и было, — я останавливаюсь и делаю вдох. — Но я считаю: что есть — то есть, и просто не знаю, что делать. Я в отчаянии. Имею в виду, что я люблю ее, Оуэн. Действительно люблю. И не могу перестать думать о ней.

Я делаю паузу и глубоко вдыхаю.

— Но, хм... я буду держаться от нее подальше, если ты хочешь этого от меня. Я сделаю это. Это будет трудно, но я сделаю.

Мне требуется секунда, чтобы вытереть эту чертову воду, которая продолжает течь по моим щекам.

— Но если... хм... — я останавливаюсь и прикусываю изнутри губу, а потом продолжаю, — если есть хоть какой-то шанс во всем этом безумном хаосе, который мы создали, на то, чтобы Эшли и я могли бы быть вместе... Я имею в виду, если такое вообще возможно...

Я смотрю вниз на свои ботинки.

— Ты, по возможности, подай мне какой-нибудь знак, хорошо? Это не обязательно должна быть молния или какая-нибудь фигня, вроде папиного призрака, или что-то подобное. Seriously, пожалуйста, не посылай молнию... и, пожалуйста, не посылай привидение, — я немного смеюсь. — Не знаю, — продолжаю я, взглянув на его могилу. — Наверное, это безумие, да? — я вздыхаю и потираю тыльную сторону шеи. — Посмотри на меня, дружище. Я сошел с ума, — я снова смеюсь и качаю головой.

Мне действительно нужно взять себя в руки.

Я перевожу дыхание и опускаю руку на его надгробный камень.

— Дружище, я действительно хочу, чтобы ты был здесь и помог бы мне пройти через все это. Сейчас бы мне точно пригодились некоторые из твоих мудрых стариковских поучений.

Я улыбаюсь, но улыбка быстро исчезает.

— Но, честно говоря, Оуэн, — говорю я, прижимаясь лбом к руке, лежащей на надгробии, — чего мне действительно не хватает сейчас ... это брата.

Настоящее

Эшли

Я паркую арендованный автомобиль перед его домом. Так странно ощущать себя снова здесь — здесь, где он живет. Какая-то часть меня чувствует, что я не должна находиться в этом городе. Несколько минут я сижу за рулем, пытаюсь убедить себя в этом. Убавляю громкость радио, но все еще слышу из него негромкое бормотание.

Чуть дальше по дороге девочка катается на велосипеде. Это розовый велосипед Барби с дополнительными учебными колесами. У меня был такой, когда я была маленькой. Образ девочки на велосипеде вызывает у меня короткую улыбку. Но затем я делаю глубокий долгий вдох, чувствуя, как воздух медленно заполняет мои легкие. Очень хочется, чтобы мое сердце не скакало со скоростью миллион километров в минуту, но, похоже, действительно не могу ничего сделать, чтобы усмирить его. Провожая взглядом девочку на велосипеде, пока она не исчезает за поворотом дороги. Затем какое-то время смотрю на линию деревьев, растущих вдоль посыпанной гравием дорожки. Легкий ветерок качает их ветки. Он словно призывает меня к движению.

— Ладно, — наконец-то шепчу я про себя. — Ты можешь сделать это.

Я выхожу из машины и аккуратно закрываю за собой дверь. Последнее, чего я хочу, это привлечь к себе внимание.

Поворачиваюсь и смотрю на дом. Смотрю на маленькие белые перила на этой маленькой белой веранде. И на эти старые качели, раскачивающиеся сейчас на ветру вперед-назад. Они почти такие же, какие были у меня, но это не удивительно. Я уверена, у всех в этом городе одинаковые качели на крыльце.

Я перевожу дыхание. Чувствую, как бешено колотится мое сердце. Слышу его стук прямо в барабанных перепонках.

Ты можешь сделать это.

Прохожу по каменной дорожке, потом преодолеваю пару бетонных ступенек до его двери.

Я могу сделать это.

Открываю первую дверь и мгновение сомневаюсь, прежде чем дважды постучать. Стук звучит странно и как-то нервно. Делаю шаг назад и позволяю первой двери закрыться. В этот момент я уже подумываю сбежать, но мои ноги будто приросли к коврику у его двери. И я жду. Жду несколько мучительных секунд, пока ручка не начинает медленно поворачиваться. Дверь не спеша открывается. И вот уже передо мной он — стоит и смотрит на меня. А я таращусь на него — это все, что я могу делать.

— Привет, — говорит он, в конце концов.

Я благодарно выдыхаю.

— Привет.

Он открывает дверь и делает пару шагов назад. Полагаю, это означает, что я могу войти.

— Хм ... — начинаю я, но слова где-то потерялись.

— Я ждал тебя, — говорит он, спасая меня. — Имею в виду, может быть, не именно

сегодня, но со временем.

Я нервно улыбаюсь.

— Наверное, мне следовало предупредить тебя, — говорю я, входя внутрь.

Он качает головой.

— Неа. Ураганы никогда не предупреждают. Эшли не нуждается в предупреждениях.

Моя нервная улыбка становится чуть менее напряженной.

— Хочешь, посидим снаружи? — спрашивает он. — Такой хороший день.

Я киваю.

— Конечно.

Я следую за ним на веранду, и он жестом приглашает меня расположиться на качелях. Я так и делаю. Он садится на стул напротив. Выглядит так, будто не брился неделю. Волосы длиннее, чем обычно, джинсы потертые и рваные. И его кожа: лицо, руки, части ног, просвечивающие через дырки в штанинах, — все это по-прежнему темно-загорелое от долгого жаркого летнего солнца. *Он прекрасен.* Но я стараюсь не думать об этом.

— Могу предположить, что ты получила мой ответ? — спрашивает он.

Я смотрю на него.

— Да. Ты можешь это предположить.

Я опускаю взгляд на свои руки, лежащие на коленях. Я сцепила их так крепко, что пальцы покраснели. — А я могу предположить, что ты прочел книгу?

Он просто кивает и улыбается.

— Да. Ты можешь это предположить.

На секунду его взгляд останавливается на мне. Затем он смотрит на что-то под ногами, после чего возвращает внимание ко мне.

— Это хорошая книга. Хотя, думаю, я могу быть немного необъективен.

— Да, — соглашаюсь я, пытаюсь не улыбаться, — возможно.

Проходит несколько тихих мгновений, когда не слышно ничего, кроме пения птиц. Мой взгляд скользит по темному пятну на половице. В голове роится миллион слов, но я не могу составить ни одного предложения.

— Ну, думаю, ты все-таки нашла свой сюжет.

Тут же мои глаза находят его.

— Да, — говорю я, кивая, — думаю, что нашла.

И это все, что я произношу, но не все, что хочу сказать, потому что это не совсем правда. Вся правда заключается в том, что я написала книгу, потому что мне надоело смотреть, как пересыпается песок в песочных часах. Я хочу сказать ему, что написала книгу, потому что теперь мне известно — все, оставленное недосказанным, ломает нас сильнее всего. Хочу сказать, что написала ее, потому что сломлена. Хочу сказать ему, что наша судьба, возможно, предрешена заранее — возможно, навсегда и без нашего ведома — но мне необходимо быть уверенной в этом. Я хочу сказать ему, что все еще нуждаюсь в завершении. Я хочу сказать ему все это. Но не говорю.

— Рэм, — вместо этого говорю я. — Я здесь потому, что хочу сказать тебе кое-что.

В течение нескольких минут он не произносит ни слова. Даже не двигается. Даже не моргает. И, клянусь, в этот момент мое сердце практически перестает биться. Но потом, наконец, он кивает и бормочет:

— Хорошо.

У меня вырывается тревожный вздох.

— Я ... — начинаю я, но потом останавливаюсь, чтобы собраться с мыслями. — Я хочу сказать, что сожалею о том, что никогда ничего не рассказывала. Не знаю, почему держала это в секрете. Это было моей ошибкой, — я снова нахожу взглядом то темное пятно на полу, прежде чем вернуться к его глазам. — Я не ожидала влюбиться здесь, — я делаю паузу, пытаюсь усмирить поднимающуюся в груди боль. — Думаю, все слова, которые я никогда не говорила, в конечном итоге убивали меня — и это было довольно больно. И, думаю, я поняла это, когда действительно влюбилась, — продолжаю я. — Я боялась тебе сказать, потому что знала, что вы должны были быть знакомы ... некоторым образом. Но еще я, думаю, все же молилась, чтобы в этой безумной вселенной оказался малюсенький шанс на то, что вы друг друга не знали.

Я пытаюсь прочитать выражение его лица, но не могу. И это пугает меня. Я практически всегда могла прочитать его мысли.

— Эшли, — говорит он спокойным размеренным тоном, — я ... я не сержусь, что ты держала это в секрете. Я имею в виду, может быть, поначалу, но ... — он смотрит вниз на ноги, а затем обратно на меня. — Но я понимаю.

Я наблюдаю, как он поправляет кепку.

— И я не имел в виду то, что говорил, — что я никогда тебя не любил, — продолжает он. — Я просто подумал ... Я просто подумал, что это поможет тебе быстрее возненавидеть меня.

— Ненавидеть тебя? Почему ты хотел, чтобы я тебя ненавидела?

— Не знаю. Я только что узнал, что ты была влюблена в моего брата. Просто ... просто я подумал, что ты тоже в шоке, и предположил, что тебе хотелось бы уехать. Я думал, что для тебя так буде проще. Я просто ... я просто не понимал, что делать.

— Рэм, — говорю я и делаю паузу, втягивая воздух. — Мне действительно нравился твой брат. И да, возможно, на каком-то уровне ... — я чувствую, как мой взгляд переходит на деревья, пока мы слова затихают. — Может, на каком-то уровне я любила его.

Он ерзает на своем стуле, и это возвращает к нему мое внимание. Я знаю, что ему неудобно, но он выслушает все — на этот раз.

— Когда мне был двадцать один год, в течение четырех месяцев мы проводили вместе довольно много времени.

Он выглядит так, словно его напряжение растет. И не знаю, зачем делаю это, но я кладу свою руку ему на колено. К счастью, он позволяет это.

— И да, он был вспыльчивым и скрытным, загадочным и тихим — в общем, таким, каким и был. Я знаю, тебе это известно не хуже моего.

Кажется, он немного расслабляется.

— Он был совсем не таким, как ты. Но я все думаю ... что-то я увидела в нем.

Я делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю.

— Рэм.

Он смотрит мне в глаза, как будто впитывает каждое мое слово.

— Я увидела *тебя* ... в нем. В нем была часть тебя, которую он словно носил с собой. Он никогда не говорил о своей семье. Я спрашивала, и он словно застывал. Думаю, он скучал по вам, ребята. Наверное, он в тайне тосковал по дому — по этому месту. Хотя и никогда не говорил, но могу сказать, что он любил все здесь. И пусть он никогда не говорил конкретно о тебе, я знаю, что он любил тебя.

Я замечаю, как его кадык прыгает вверх-вниз, и сжимаю его колено.

— Рэм, в нем была часть тебя. Это была лучшая часть, — я стараюсь не заплакать, но у меня не очень хорошо получается. — И я думаю, что просто пыталась найти в нем больше от тебя.

Он сглатывает, и, кажется, я замечаю, что его плечи немного расслабляются. А тем временем цикады вокруг нас начинают выбивать свой мягкий медленный ритм.

— Но я никогда не любила его так, как тебя, — говорю я. — И, честно говоря, думаю, это было взаимно. Наверное, мы были просто связаны общей нитью. И я считаю, что эта нить — *ты*.

Небольшая улыбка появляется на моем лице.

— Это был ты, Рэмингтон Джуд. Мне суждено было найти тебя. И, видимо, Оуэн был предназначен для того, чтобы привести меня к тебе.

Он удерживает взгляд на моих глазах, но его губы не двигаются.

— Рэм, я могла бы полюбить его. Но я никогда не была в него *влюблена*.

Он молчит. Могу догадываться, что он обдумывает это. Его глаза прикованы теперь к чему-то под ногами.

— Рэм? Что на самом деле у нас пошло не так?

Он смотрит на меня.

— Ты имеешь в виду, кроме всего этого?

Я тихо смеюсь, но не отрываю от него глаз.

— Ты действительно так считаешь? — спрашиваю я. — Ответ?

Он кивает.

— Конечно, я так считаю, — в его словах звучит боль. Я не хотела делать ему больно. Мне просто нужно было знать.

— Эшли Уэскотт, — он произносит мое имя и отводит взгляд. Я вижу, как его язык нервно движется по внутренней стороне губ. Через мгновение его глаза возвращаются к моим. — Я любил тебя больше, чем когда-то мог себе представить полюбить кого-то в этой жизни, — он замолкает на секунду. — Я так сильно любил тебя, когда ты ушла. Я потерял себя. Я забыл, кто я, — он начинает тихо посмеиваться. — Я даже больше не знал, какой хлеб нужно покупать. И я не знал, что мне нужно делать в понедельник вечером. Я не знал, что мне делать с пустым пассажирским сиденьем. Черт, я даже не знал, какую выпивку должен заказать в том непонятном кафе в Парквилле.

— Ты ходил туда?

— Да, один раз. Но я был поставлен в тупик всеми этими названиями, которых не знаю, и ушел.

Я прижимаю ладони к губам, стараясь не рассмеяться, хотя мое сердце разрывается из-за него.

— И, Эшли, — продолжает он, не давая мне вставить ни слова, — в общем, я словно забыл, как *мне* жить ... без *тебя*.

Слезы мгновенно заструились по моим щекам. Даже не знаю, откуда они взялись, и я совсем не пытаюсь остановить их.

— Почему ты не сказал мне об этом?

Он, кажется, тоже пытается сдержать слезы.

— Потому что ты и так знала.

— Нет, — качаю головой я, — нет, если бы я знала ...

— Ты знала, — шепчет он. — Я просто слишком сильно ранил тебя за это знание.

Очередная предательская слеза сбегает по моей щеке, а за ней еще одна, и еще... Я быстро смахиваю их тыльной стороной ладони. А потом он тянется через пространство, разделяющее нас, и проводит пальцами по моей щеке, стирая соленые влажные дорожки. И наступает момент — момент, когда он смотрит мне в глаза, момент, о котором, клянусь, я могла бы только мечтать, если бы не знала, что бывает еще лучше.

Но потом все исчезает, как туман от солнечного света, и он снова садится на свой стул.

— Прости, — говорю я, смахивая последние слезы. — Я просто ... это приятно слышать, — на мгновение я опускаю взгляд, но потом, столь же быстро, снова окунаюсь в море его глаз. — И я пойму, если для тебя это слишком, потому что он был твоим братом ... Я просто ... приехала извиниться перед тобой.

Он ничего не говорит, его глаза прикованы к моим, и от этого я нервничаю. Я ничего не могу с собой поделать, и опускаю взгляд в пол. В его глазах так много всего — слишком много того, чего я не могу прочесть, не могу понять. Но, спустя мгновение, я чувствую, как мой взгляд возвращается к нему. Это похоже на сумасшествие: его глаза сейчас как будто плетут паутину от него ко мне. Я не могу отвести взгляда. Он не должен понять, что на самом деле я и не хочу отводить от него взгляд — никогда.

Но потом что-то меняется. Внезапно пространство вокруг нас заполняется монотонным жутким гудением. Это цикады. Они плачут.

Звук заполняет мои уши. Я хочу отгородиться от него, но не могу. А потом неожиданно я вижу это. Это словно бегущей строкой промелькнуло в его глазах.

Наша судьба предрешена.

Мое сердце падает на самое дно, пока я с волнением подыскиваю слова.

— Я, наверное, пойду, — говорю я, мой голос начинает дрожать.

Глядя неуверенно, он кивает. Напряжение висит в воздухе, и я ненавижу это, но не знаю, как избавиться от него. Встаю и пытаюсь улыбнуться, но не думаю, что он купится на это.

— Было приятно снова увидеть тебя, Рэм.

Он тоже встает, но все-таки просто кивает.

— Все в порядке, — шепчу я себе.

А затем поворачиваюсь, чтобы уйти.

Настоящее

Рэм

— О, — говорит она, останавливаясь и поворачиваясь ко мне, — чуть не забыла.

Она запускает руку в карман джинсов и что-то достает.

— Я знаю, ты действительно доверил мне это, хотя никогда не запирал двери, — она пытается улыбнуться, но это только видимость. — Но это для меня действительно много значило — твое доверие, — она смотрит на ключ, а потом на меня. — В мире есть совсем немного вещей, которые не должны восприниматься как должное. Это — одна из них.

В одно мгновение мое дыхание перехватывает.

— Что ты сказала? — спрашиваю я.

Я вижу, как тоненькие морщинки образуются на ее лбу.

— Твой ключ, — говорит она, снова указывая на него глазами. — Прости. Я понятия не имела, что он все еще у меня.

— Нет, — говорю я, качая головой, — не это.

Понимаю, что это прозвучит безумнее, чем сейчас, в январе, звук грозы. Но все, о чем я могу думать, это о том дне — одном дне почти вечность назад, когда Оуэн сказал мне то же самое. Даже не понимаю, как вспомнил об этом. Он сказал: *«В мире есть немного вещей, которые просто не должны восприниматься как должное. И это — одна из них»*.

Знаю, что это звучит безумно, но во мне вдруг стало разливаться какое-то умиротворение.

Это твой знак, Оуэн?

Я пытаюсь очнуться от своих мыслей, а Эшли смотрит на меня, словно не понимая, должна ли она остаться и помочь мне или просто спастись бегством.

— С тобой все в порядке? — спрашивает она.

— Да, — говорю я, пытаюсь как можно скорее прийти в себя. — Я в порядке.

Я дарю ей широкую улыбку, и, могу сказать, что она не знает, как это понимать.

— Ну, хорошо, — говорит она, — я, хм, пойду тогда ... наверное.

Она снова поворачивается, чтобы уйти.

— Эшли, подожди, — я протягиваю руку и хватаю ее за локоть, вынуждая повернуться ко мне. Возможно, все немного поздно, но я не могу бороться с этим. Я смотрю в ее светло-зеленые глаза. До меня не доходит, что я делаю, но потом я совершенно ясно это осознаю.

Минуты тикают, а мы все еще смотрим в глаза друг другу. В сгустившемся воздухе витает сомнение, ее лицо ничего не выражает, и я понятия не имею, о чем она думает. И понятия не имею, что она чувствует. Но это ее глаза. И в них есть нечто, дающее мне надежду. Наконец, я открываю рот.

— Итак, каковы же тогда причины? — спрашиваю я.

— Причины? — переспрашивает она, и на ее лбу снова появляются морщинки.

— Да, — говорю я, делая шаг к ней, и мы оба опускаем головы.

Сейчас мы настолько близко, что я чувствую знакомый сладковатый запах ее духов. Это пробуждает воспоминания о ее мягких губах, о вкусе ее кожи. Это возвращает меня к тем

прохладным ленивым утренним часам и долгим жарким летним дням. Я вдыхаю все это и пытаюсь удержать в своих легких.

— Причины, по которым мы не можем быть вместе, — говорю я.

И точно так же, как и я, она изучает меня взглядом.

— Прошел год, — продолжаю я, — и я не смог придумать ни одной.

Сначала я наблюдаю за ее дыханием. Слушаю его. Я почти чувствую, как ее грудь двигается вверх-вниз при каждом вдохе, но почему-то не могу определить, нормальное оно или ускоренное.

— Ты замужем? — спрашиваю я.

Целую секунду она молчит, а потом, по-прежнему глядя мне в глаза, тихо отвечает:

— Нет.

— В отношениях? — спрашиваю я.

Она медленно качает головой и шепчет:

— Нет.

— Ты разлюбила меня?

Она резко вдыхает и переводит взгляд с меня на какую-то точку вдалеке.

— Эшли, — говорю я, возвращая себе ее внимание, — ты разлюбила меня?

Проходит долгий миг. Ее грудь приподнимается, а потом она медленно выдыхает.

— Нет, — шепчет она. — Нет, — повторяет она снова, быстро взглянув вниз, а затем снова смотрит мне в глаза. — Я все еще люблю тебя, Рэм.

И со следующим ударом сердца мои руки уже вокруг нее. Я осторожно прижимаю ее голову к своей груди и просто удерживаю так. Держу ее очень крепко. Хочу, чтобы она поняла, что ее место — в моих руках. И оно останется таким до конца наших дней. И я не могу не заметить, что это не ощущается ни странным, ни неправильным. Это ощущается просто справедливым. И вот уже мои губы на ее лбу. Я чувствую боль, горящую в моем горле и говорящую о том, что Оуэн подал мне свой знак. Все это похоже на сон. А я молюсь, чтобы это было наяву.

Чувствую свой голос глубоко внутри еще до того, как слышу собственные слова.

— Ты никогда не теряла меня, мисс Уэскотт. Я всегда был здесь. Я всегда был здесь, просто... ждал.

Ждал знака.

Я сжимаю крепче свои объятия и касаюсь губами ее волос.

— Я твой, Эшли. Всегда был твоим.

Пять месяцев спустя

Рэм

— Расскажи что-нибудь о моем брате.

Сейчас середина мая. Голова Эшли покоится на моих коленях. Солнце опускается к линии горизонта, оставляя после себя поток ярких красок. И кажется, будто мир медленно погружается в сон.

— Ты помнишь легенду о том, почему плачут цикады? — спрашивает она.

— Да.

— Он рассказал мне ее однажды. Мы тогда учились в колледже.

Я улыбаюсь и позволяю себе на минуту погрузиться в ее слова.

— Я помню, как сказал тебе, что забыл, от кого слышал эту легенду, — каюсь я. — Но я помнил.

И помню.

Она смотрит мне в глаза.

— Он рассказывал ее, когда мне было семь, — продолжаю я и смахиваю волосы с ее лица. — Мама говорила, что это была любимая легенда его отца. И, думаю, поэтому стала его любимой, — я перестаю улыбаться. — А потом и моей, потому что нравилась ему.

На мгновение мы оба замолкаем, и я глажу кончиками пальцев нежную кожу ее живота — ту часть, которая не прикрыта футболкой.

— Он говорил, цикады желают того, что есть у нас, — говорит она, словно цитирует его слова. — Они хотят чувствовать радость в душах, боль в сердцах, слова на губах — даже если эти слова исчезнут, в конце концов, навсегда.

Ее взгляд перемещается на подсвеченное вечерними красками небо, и я следую за ним.

— Они хотят быть смертными, потому что видят в этом больше жизни. Видишь ли, в *бессмертии* мгновения перестают быть ценными. Но каждый миг имеет значение — счастливый и тягостный. Каждый. Последний. Единственный. Только через них мы понимаем, что все это сто́ит.

Я проглатываю смех.

— Черт, он всегда был более красноречив, чем я.

Вижу, что она тоже старается не смеяться, и глажу ее красивые длинные волосы.

— Могу я сказать тебе то, что ты и так, наверняка, уже знаешь? — спрашиваю я.

— Валяй, — говорит она, глядя на меня.

— Я никогда не был хорош в том, чтобы говорить с тобой о своих чувствах.

Она приподнимает брови, словно соглашаясь с моим утверждением.

— Но можно я скажу тебе что-то, чего ты, скорее всего, не знаешь? — спрашиваю я.

— Хорошо, — шепчет она.

— Я люблю тебя всем сердцем. Даже когда сказал, что нет — даже когда произносил эти слова — я любил тебя.

Она делает глубокий вдох, а затем медленно выдыхает. Я наблюдаю за тем, как приподнимается и медленно опадает ее грудь.

— Эшли Уэскотт, не было дня, чтобы мое сердце не возвращалось бы к тебе.

Она улыбается, а я продолжаю:

— Не было дня, чтобы я не чувствовал запах твоих духов в воздухе. Не было дня, чтобы, увидев маленький белый «Шевроле», я не думал бы о тебе и не хотел бы догнать. Но, думаю, я просто боялся. Мне было страшно от мысли, что я предаю Оуэна. Я боялся, что ты все еще любишь его. Боялся, что ты никогда не полюбишь меня так, как любила его.

Я делаю паузу, чтобы собраться с мыслями.

— Но дни тянулись, и все это действительно перестало иметь значение. Потому что в окружении всех страхов, преследовавших меня, я забыл об одном маленьком факте — я люблю тебя.

Я улыбаюсь, глядя на нее сверху вниз.

— Я. Люблю. Тебя. И пусть я опоздал стать твоим первым, — продолжаю я, — но прямо сейчас я готов стать твоим последним.

Кончиками пальцев я нежно провожу по ее руке от плеча до запястья.

— Я считаю, ты должна знать об этом.

Она дарит мне понимающий взгляд, находит мою руку и крепко прижимает ее к своему сердцу.

— Я знаю это, — говорит она и прижимается щекой к моим джинсам. — Кажется, какая-то часть меня всегда знала об этом.

Я смеюсь.

— Тогда зачем мы потратили столько времени?

Она смотрит на меня и улыбается.

— Потому что мы всего лишь простые смертные, любимый.

Я заправляю еще одну прядь волос ей за ухо. А потом наступает тишина, которую нарушает только плач цикад в окружающих нас деревьях.

— Рэм? — ее голос тихий.

— Да?

— Думаю, я знаю кое-что еще о твоём брате.

Ее слова звучат почти как исповедь.

— Что? — спрашиваю я.

— Я думаю, он был влюблен в Кристен Сойер.

Я тут же перевожу взгляд на Эшли.

— Что? Откуда ты знаешь?

Она слегка пожимает плечами.

— Женская интуиция.

Я смотрю на ее розовые губы с чуть приподнятыми уголками.

— Когда я приехала сюда, — продолжает она, — то сложила все части вместе. Он упоминал ее однажды. И, помимо того, что он вообще ее упомянул, у него еще был такой взгляд, когда он произносил ее имя.

Я смотрю вдаль, прокручивая в голове ее слова. Понимаю, мы все немного подозревали это, но не думаю, что когда-то по-настоящему в это верил.

— Это просто еще одна причина того, — говорит она, — почему в глубине души я была уверена, что твой брат и я, никогда не станем чем-то большим, чем просто двумя людьми, которые некоторое время разделяли часть этой жизни.

Я нахожу ее прекрасные глаза и нежно кладу свою ладонь на ее руку.

— Наверное, я чего-то не понимаю. Он ведь мог быть с ней, если бы захотел.

Она качает головой на моих коленях.

— Нет, не мог.

— Что ты имеешь в виду?

— Кристен влюблена в Джека, — говорит она и добавляет: — Всегда была.

— Да, — говорю я в каком-то раздумье, с глубокомысленным видом закидывая голову назад. Я знал, что Джек ей нравится. Даже подозревал, что у Кристен что-то есть к нему, но, думаю, просто не понимал, насколько глубоко это зашло. Я снова опускаю голову. — И Оуэн знал об этом?

Она просто кивает.

— Вау, — говорю я, все еще изучая ее взглядом. — Так плохо, что Джек этого не знает.

Ее голос сразу переходит в мягкий смех.

— Я уверена, рано или поздно они поймут это.

— Да, — тоже смеюсь, соглашаюсь я. — Уверен, что поймут.

Я медленно провожу пальцем вдоль ее руки. Просто не могу удержаться от прикосновений к ее мягкой и нежной коже, и уверен, что никогда не смогу.

— Рэм?

— Ммм?

— Грибная охота? — спрашивает она, вдруг посерьезнев. — Ты ведь ходил за грибами не только со своим отцом?

Сейчас я чувствую напряжение в груди.

— Нет, — признаюсь я, качая головой.

— Он был с тобой, не так ли?

Я киваю.

— Да.

— И это стало твоим любимым воспоминанием, потому что там вы втроем, да?

— Да, — подтверждаю я.

— Почему ты не упоминал о нем? — спрашивает она.

Я смотрю на небо — туда, где оно из синего становится розовым, — и обдумываю ее вопрос.

— Не знаю, — шепчу я. — Может быть, по той же причине, по которой он никогда не упоминал обо мне. Я скучал по нему ... Я скучаю по нему.

Я смотрю на нее и замечаю взгляд, который говорит, что она понимает меня и, возможно, чувствует себя так же. В конце концов, ее взгляд тоже обращается к горизонту. Я следую за ним и вижу, как большое оранжевое солнце словно погружается в землю. И тут я кое о чем вспоминаю.

— Зачем ты оставляла открытки?

Она отворачивается так, что я больше не могу видеть ее лица. Но я слышу ее улыбку.

— Мы говорили о кругосветном путешествии, когда можно увидеть все самые красивые места. Говорили о том, что сделаем это когда-нибудь. Но пока это когда-нибудь не наступило, мы будем просто смотреть в это большое небо и притворяться, как два больших ребенка, что мы на пляже Фиджи или на какой-нибудь из Альпийских вершин.

Я позволяю ее словам затихнуть, прежде чем сам открываю рот:

— Мы по-прежнему говорим о моем брате, верно?

Она смеется.

— Он бывал романтичным ... временами.

Я откидываюсь назад на спинку скамейки и опускаю руку на изгиб ее талии. На ней одна из моих старых футболок. Эшли буквально тонет в ней, но вряд ли смогла бы выглядеть прекраснее. Мы сидим в состоянии абсолютного покоя, загипнотизированные сонным гулом цикад, льющимся сквозь деревья и заполняющим наш слух.

— Рэм, почему они плачут?

Я смотрю на тени под кронами больших дубов перед нами и улыбаюсь.

— Потому что они хотят иметь то, что есть у нас, — говорю я.

Небольшая пауза. А потом раздается ее голос, звучащий игриво, но, в то же время, с намеком на серьезность.

— Я по-прежнему предпочла бы бессмертие.

Я смеюсь и сжимаю ее плечо, после чего она переворачивается и смотрит на меня. В ее глазах я почти вижу океан вокруг Фиджи с той самой открытки.

— Они хотят то, что есть у нас, — говорю я, пытаюсь убедить ее в том, что ей и так известно. — Поэтому они плачут, — шепчу я.

Она поднимает руку и начинает вырисовывать кончиком пальца маленькие круги на моем предплечье. Она делает это так сладко и успокаивающе, что мне хочется удержать этот момент навсегда. Но потом ее пальцы неожиданно останавливаются.

— Рэм? — ее глаза смотрят прямо на меня. — Ты прав, — тихо говорит она, — на их месте я бы тоже завидовала нам.

Я улыбаюсь и притягиваю ее ближе к себе. Она смеется и морщит нос.

— Знаешь, детка, — говорю я, — уверен, что эта наша любовь досталась нам нелегко, — я целую ее сладкие мягкие губы. — И совсем не безболезненно, — шепчу я ей в ухо.

Она глубже зарывается в мои колени, а потом переворачивается и смотрит в закатное небо.

— Но оно того сто́ит, — говорит она в вечерний ветер. Я слышу улыбку в ее голосе. — Очень сто́ит, — шепчет она.

Рэм

Я держу в руках открытку.

Сегодня суббота 22 июня. Эшли стоит рядом со мной. Мы держимся за руки, и она гладит мою ладонь большим пальцем руки.

— Дружище, это Эшли.

Я смотрю на Эшли, а потом снова на его могилу.

— Думаю, вы уже знакомы, — говорю я с улыбкой. Затем снова смотрю на открытку. На ней фото Большого Каньона. Это не Фиджи... однако, я знаю, что его он тоже захотел бы увидеть.

Эшли сжимает мою руку. Я переворачиваю открытку. На обратной стороне надпись — почерком Эшли.

Гранд-Каньон был прекрасен. Уверены, что тебе понравился бы. Мы скучаем по тебе. И мы уповаем на то, что там, на небесах, гораздо бóльшая красота — такая, что невозможно оценить взглядом.

Со всей нашей любовью.

Ниже витиеватая подпись Эшли. Следом за ней — моя.

Я обнимаю ее за талию и прижимаю к себе, после чего она берет открытку и наклоняется к могиле. Я наблюдаю, как она ставит ее около надгробного камня, а потом возвращается в мои объятия.

— Иногда я задаюсь вопросом, — говорит она почти шепотом, — если бы я могла вернуть все обратно — если бы могла и если такое вообще возможно — и если бы тогда я знала то, что знаю сейчас, вдруг я бы проспала в тот день, когда должна была встретить его?

Она смотрит на меня. Ее глаза яркие, но задумчивые.

— Но это навевает грустные мысли, ведь я могла бы никогда не узнать его, — добавляет она. — И еще один вопрос меня мучает: а если бы я никогда не встретила тебя?

Что-то в том, как она произносит последние слова, переполняет мое сердце чувствами. Она сжимает мою руку, и я киваю, потому что согласен с ней. Я хочу сказать ей это, но слова не идут с языка. Вместо этого мне удается вымолвить:

— Я знаю, детка. Знаю.

И я действительно знаю. Знаю, что она имеет в виду. Я находился бы в постоянной тоске, если бы никогда его не знал. И я не могу себе даже представить, что никогда не узнал бы эту девушку, находящуюся сейчас в моих объятиях.

Несколько минут спустя Эшли отстраняется и легко целует меня в щеку.

— Я дам вам время, ребята.

Я киваю и сжимаю ее руку. А потом наблюдаю, как она идет в сторону железных ворот, и ее голубой сарафан развевается на ветру. И когда она исчезает на парковке, я поворачиваюсь обратно к могиле Оуэна. Я просто стою в тишине, пока небольшая улыбка пробивает себе путь к моему лицу.

— Ну, я всегда хотел, чтобы вы встретились ... И, кажется, я всегда хотел узнать, кто твоя таинственная подруга, — я издаю небольшой смешок и переступаю с ноги на ногу. —

Думаю, ты уже знаешь, что она особенная. Мне жаль, что я почти позволил ей уйти.

На глаза наворачиваются слезы. Я пытаюсь вытереть их раньше, чем они прольются.

— Но я обещаю тебе, что буду хорошо заботиться о ней. Отныне и навсегда.

Я делаю шаг ближе и кладу руку на надгробный камень.

— Я скучаю по тебе, приятель. Знаю, что не всегда говорю тебе об этом, но большинство дней я адски скучаю.

Я убираю руки и смотрю на его имя, высеченное на этом песочного цвета камне, потом делаю глубокий вдох и отхожу.

— Ну, мне лучше идти. Скоро мы привезем тебе еще открытку из одного из тех мест, о которых ты мечтал.

Я начинаю поворачиваться, но останавливаюсь.

— И, приятель ... — эмоции переполняют меня, и я пытаюсь сглотнуть их, чтобы суметь это сказать. — Спасибо, что привел ее ко мне.

Между нами снова возникает тишина, и предательская слеза скатывается по моей щеке. Но в этот раз я не пытаюсь вытереть ее.

— И не волнуйся, братишка, я прослежу, чтобы Джек позаботился о *твоей* Кристен.

Эшли

— Могу ли я пригласить вас на танец, мисс Уэскотт? — он протягивает мне руку.

Я ничего не говорю. Просто вкладываю свою руку в его ладонь.

— Я могу ошибаться, — говорит он, беря мою руку и легко касаясь другой рукой моей спины, — но я помню, что три года назад я уже танцевал этот танец с вами.

Я вижу, как широкая улыбка медленно расплывается по его лицу.

— И под эту же самую песню.

— Вы не ошибаетесь, — говорю я, даря ему легкий кивок.

Он привлекает меня вплотную к своему телу, я осторожно кладу голову ему на грудь, и мы начинаем раскачиваться под музыку. Я чувствую его тепло. Чувствую свежий запах его одеколona. И это напоминает мне, что я дома.

— И, если я правильно помню, — продолжает он, — кажется, именно здесь мы создали первую сплетню о нас.

Я непроизвольно улыбаюсь его словам.

— Я считаю, что и здесь вы тоже правы.

Потом, почувствовав, как он прижимает меня и целует волосы, я отрываю голову от его груди.

— Не хотите ли сегодня освежить эти слухи, мисс Уэскотт? — он опускает ко мне лицо и шепчет слова, скользя губами по моему уху.

Прежде чем я успеваю понять его вопрос, он отстраняется и берет мои руки в свои. Одним плавным скользящим движением он опускается на деревянный пол на одно колено. В этот момент я пытаюсь оглянуться, но все, что могу видеть, — это его глаза. Все, что я вижу, — это он и то, как он смотрит на меня. От этого появляется ощущение, что мы каким-то образом связаны некоей воображаемой нитью, которая проходит между нашими сердцами.

— Во-первых, кажется, ты забыла это у меня некоторое время назад, — он протягивает мне камень в форме сердца — тот самый, который я нашла, когда мы так давно ходили вместе за грибами. Я потянулась к нему, но он не позволил.

— Это твое, да, — подтверждает он. — Но я надеялся, что ты собиралась подарить его мне, — он качает головой. — Поэтому я не собираюсь возвращать его.

Я просто улыбаюсь, а он засовывает камень обратно в карман и достает маленькую черную коробочку. Чувствую, как мои глаза округляются, когда он, честно и уверенно, произносит следующие слова:

— Во-вторых, мисс Уэскотт, именно здесь я в тебя влюбился. Я знаю это. Миссис Бэтти, сидящая вон там, тоже знает это, — он указывает глазами на пожилую седоволосую женщину в углу, а я замечаю, что музыка затихла, и глаза каждого, кто находится вокруг этого маленького танцпола, направлены сейчас на нас. — Это видели все, — продолжает он. — Я так и не оправился с того дня. Ни одну живую душу я никогда так не любил, как люблю тебя. Я твой, Эшли Уэскотт, и это знают все. Если ты примешь меня, я хочу продолжать давать поводы для сплетен о нас всю мою оставшуюся жизнь.

Я просто смотрю в его глаза. И мои мысли улетают в прошлое. К воспоминаниям о теплой летней ночи и к мальчику, с которым я никогда не встречалась. В этом воспоминании мои глаза выхватывают его из толпы. Я не смотрю по сторонам. Он приглашает меня на танец. Это просто танец. И он всего лишь мальчик. Но я пропала. Он протягивает мне руку. Он не знает, что в нем мое спасение. Я беру его руку. И точно так же спасаю его.

Воспоминания исчезают и, когда прихожу в себя, я киваю. Я киваю даже раньше, чем будет задан вопрос.

Он смеется и все равно спрашивает:

— Ты выйдешь за меня, Эшли Уэскотт?

Я не могу перестать улыбаться.

— Да, — отвечаю я. — Да! Конечно, да.

Он надевает кольцо мне на палец, и вокруг нас взрываются аплодисменты.

А он притягивает меня ближе и шепчет на ухо слова, которые я не забуду, пока жива:

— Я счастлив станцевать *главный танец* с вами, мисс Уэскотт. И, да ...ты стоишь больше, чем те шрамы, которые ангелы когда-нибудь увидят.

Эшли

Один миг.

Одно мгновение может определить всю нашу жизнь.

Один миг — вот и все, что нужно.

Но один миг — это не вся история.

Вся история намного сложнее.

Наша жизнь в действительности больше похожа на серию мгновений, где одно наслаивается на другое.

Не только один восход солнца, но и все ночи перед ним.

Не только одна рана на сердце, разрывающая нас на части, но и все воспоминания, предшествующие этому.

Это взгляд сверху на все мысли, слова, улыбки.

Это волнующий вопрос после тихой молитвы.

Это медленный танец в центре урагана.

Это шанс, которым воспользовались еще до того, как он был подарен.

Это странное переплетение слез, волнения и смеха.

Это и называется жизнью.

Это любовь.

И иногда это очень больно.

Но каждый раз оно того стóит.

Каждый миг бесценен — и счастливый и тягостный.

Каждый. Последний. Единственный.

Только через них мы понимаем, что все это *стóит*.

Больше книг на сайте - Knigolub.net